

• No.1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER •

ДЖОН ДЖЕЙКС

РАЙ И АД

Захватывающее повествование... сплетающее воедино факты
и вымысел в интереснейший урок американской истории.

The Houston Post

The Big Book

Джон Джейкс

Рай и ад. Великая сага. Книга 3

«Азбука-Аттикус»

1987

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Джейкс Д.

Рай и ад. Великая сага. Книга 3 / Д. Джейкс — «Азбука-Аттикус»,
1987 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-17538-9

Соединенные Штаты Америки. 1860-е годы. Гражданская война закончилась, но угли старой ненависти продолжают тлеть в сердце нации. Однако Хазарды с Севера и Мэйны с Юга пытаются сохранить давние дружеские и семейные узы. «Рай и ад» – мощное завершение великой саги «Север и Юг», которая наполнена живым драматизмом, страстью и действием. Эта трилогия – одно из величайших эпических произведений нашего времени. Как и ставший классикой роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», сага Джейкса о войне между Севером и Югом имела грандиозный успех и до сих пор числится в списке мировых бестселлеров. В 1985 году Эй-би-си сняла по трилогии сериал, который имел огромный успех и до сих пор остается очень популярным. Главные роли исполнили Патрик Суэйзи («Грязные танцы», «Дом у дороги») и Джеймс Рид («Блондинка в законе», «Звездный путь: Вояджер», «Коломбо»). В сериале также снимались такие звезды, как Кирсти Элли, Дэвид Кэррадайн, Джин Келли, Роберт Митчем, Джин Симмонс, Оливия де Хэвилэнд, Джеймс Стюарт и Элизабет Тэйлор. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17538-9

© Джейкс Д., 1987
© Азбука-Аттикус, 1987

Содержание

Пролог. Большой парад 1865 года	7
Часть первая. Безнадежное дело	15
Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	45
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	79
Глава 10	84
Глава 11	93
Глава 12	95
Часть вторая. Счет зим	97
Глава 13	98
Глава 14	104
Глава 15	112
Глава 16	119
Глава 17	123
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Джон Джейкс

Рай и ад. Великая сага. Книга 3

John Jakes
Heaven and Hell

© John Jakes, 1987

© Т. В. Голубева, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается всем моим друзьям в НВJ

За исключением исторических фигур, все персонажи в этом романе вымышленные, и любое сходство с реальными людьми, живущими ныне или жившими в прошлом, случайно.

*Самой невыносимой мукой ада будет потеря Бога.
Кальдерон де ла Барка*

Пролог. Большой парад 1865 года

...пустословят они: «Мир, мир!», но нет мира!
Иеремия 6: 14, 8: 11

Дождь заливал Вашингтон всю ночь. Незадолго до рассвета вторника, двадцать третьего мая, Джордж Хазард проснулся в своем номере в отеле «Уиллард» и, положив руку на теплое плечо жены, прислушался.

Дождь перестал.

Это было хорошим знаком для предстоящего праздничного дня. Утром начиналась новая эра – эра мира и вновь обретенного Союза.

Но почему же тогда его терзает чувство грядущей беды?

Джордж выскользнул из постели и осторожно прошел через комнату к двери; фланелевая ночная рубаша закручивалась вокруг волосатых лодыжек. Коренастый и широкоплечий, он еще в Вест-Пойнте получил прозвище Пенёк за невысокий рост и крепкое телосложение. Ему уже исполнился сорок один год, и все больше седины поблескивало в его темных волосах и аккуратной бородке, которую он нарочно не сбрасывал, чтобы показать свою причастность к армии, хотя и в прошлом.

Накануне он слишком устал, чтобы прибираться, поэтому сейчас стал собирать разбросанные на полу гостиной газеты и журналы, стараясь делать это как можно тише. В двух других спальнях еще спали дети. Уильяму Хазарду Третьему в январе минуло шестнадцать. Патриции в конце года исполнялось столько же. Младший брат Джорджа Билли и его жена Бретт занимали четвертую спальню. Билли должен был участвовать в сегодняшнем параде, но получил разрешение провести ночь вне лагеря инженерного батальона в форте Берри.

Газеты и журналы как будто насмехались над его дурными предчувствиями. «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон стар», «Трибьюн» и один из недавних номеров «Журнала армии и флота» – все держались на одной и той же победоносной ноте. Пока он сооружал аккуратную стопку на столике у стены, перед его глазами одна за другой мелькали бравурные фразы:

Хотя наша великая война закончилась всего несколько дней назад, мы уже начали расформировывать огромную армию Союза...

Они сокрушили бунтовщиков, спасли Союз и выиграли для себя и для нас страну, которая...

Военное министерство приказало отпечатать шестьсот тысяч бланков увольнительных на пергаментной бумаге...

Наша уверенная в себе республика распускает армию, отправляет по домам преданных солдат, закрывает тренировочные лагеря, прекращает контракты на поставки и готовится перейти с мрачной тропы войны на широкую и сияющую дорогу мира...

В ближайшие два дня в городе ожидалось масштабные празднования – большой парад Потомакской армии генерала Гранта и Западной армии Билли Шермана, прославившейся своей жестокой тактикой выжженной земли. Люди Гранта должны были маршировать сегодня, суровые ребята Шермана – завтра. Парни с Запада презрительно называли солдат Гранта чистюлями и «белыми воротничками». Возможно, сами они собирались вывести на парад коров и коз, а также мулов и бойцовых петухов, которых держали в своих лагерях на Потомаке.

Не все из тех, кто сражался в этой войне, могли принять участие в параде. Многие навеки остались лежать вдали от любимых, в безвестной могиле, как дорогой друг Джорджа Орри. Они познакомились еще в Вест-Пойнте, куда оба поступили в 1842 году. Потом вместе воевали в Мексике и сохранили свою дружбу даже после того, как был сдан форт Самтер и верность родным штатам развела их по разные стороны фронта. Орри встретил свою смерть в Питерсберге, перед самым концом войны, и не в сражении, а от нелепой, бессмысленной мстительной пули раненого северянина, которому он пытался помочь.

Одни молодые люди, постаревшие за эти четыре года, до сих пор брели по дорогам Юга, возвращаясь домой, на свою обнищавшую, сожженную и разоренную батальонами завоевателей землю. Другие ехали в поездах, шедших на Север, чтобы долго еще залечивать физические и душевные раны после пребывания в тюрьмах бунтовщиков. Кто-то из конфедератов подался в Мексику, в армию египетского хедива, или на Запад, пытаясь забыть о невидимых страданиях, которые они несли в своих сердцах.

Кузен Орри Чарльз избрал именно третий путь.

Кто-то вышел из этой войны с позором, и главным среди них был Джефф Дэвис, арестованный где-то под Ирвинвиллом, в Джорджии. Многие северные газеты написали, что он пытался сбежать, надев женское платье. Какой бы ни была правда, на Севере нашлись те, кто считал тюрьму слишком мягким наказанием для бывшего президента Конфедерации и требовал его повесить.

Джордж зажег одну из своих дорогих кубинских сигар и подошел к окнам, выходившим на Пенсильвания-авеню. Из номера можно было прекрасно наблюдать за парадом, но он получил специальные приглашения на зрительскую трибуну, расположенную прямо напротив президентской. Стараясь не шуметь, он осторожно поднял окно.

Небо очистилось. Джордж наклонился, выпуская наружу сигарный дым, и увидел плакаты с патриотическими лозунгами, висевшие на фасадах трех- и четырехэтажных домов на противоположной стороне улицы. Повсюду траурный креп после убийства Линкольна наконец-то сменился чем-то более ярким.

Алая полоса света над Потомаком обозначила горизонт. Улицу уже начали заполнять кареты и экипажи, всадники и пешеходы. Джордж увидел чернокожую семью – родителей с пятью детьми, – которые быстро шагали по слякотной улице в сторону Президентского парка. Им было что праздновать и кроме окончания войны. Они получили Тринадцатую поправку, навсегда отменившую рабство; штатам осталось лишь ратифицировать ее.

Но почему же несмотря на то, что дождь прекратился и небо быстро прояснялось, несмотря на пестревшие повсюду красно-бело-синие флаги, Джорджа продолжали мучить дурные предчувствия?

Вероятно, причина крылась в его тревоге за Мэйнов и Хазардов, решил он. Эта война безжалостно прошла по судьбам обеих семей. Его сестра Вирджилия сама порвала все связи с родными, предпочтя им свои экстремистские взгляды. Особенно грустно это было сознавать еще и потому, что жила она сейчас тоже в Вашингтоне, но Джордж понятия не имел, где именно.

А еще его старший брат Стэнли, который благодаря войне неожиданно для самого себя сколотил огромное состояние, но, несмотря на такой успех, а может, даже благодаря ему превратился в горького пьяницу.

У Мэйнов дела обстояли не лучше. Эштон, сестра Орри, пропала где-то на Западе, после того как оказалась замешанной в неудачный заговор с целью свержения правительства Дэвиса самыми крайними мерами. Брат Орри Купер, работавший в Ливерпуле на военно-морское министерство Конфедерации, потерял единственного сына Джуду, когда корабль, на котором они возвращались домой, был потоплен блокадной эскадрой северян у форта Фишер.

И конечно же, он не мог не тревожиться за Мадлен, вдову своего любимого друга. Ей предстояло заново налаживать жизнь на сожженной плантации у берегов Эшли, рядом с Чарльстоном. Джордж дал ей аккредитив на сорок тысяч долларов, выписанный на банк в Лихай-Стейшн, в котором был главным совладельцем. Он ждал, что она попросит еще, ведь первоначальная сумма наверняка ушла на выкуп двух закладных и уплату федеральных налогов, а также на то, чтобы не допустить возможной конфискации собственности агентами министерства финансов, которые уже наводнили Юг. Но Мадлен ничего не просила, и это беспокоило Джорджа.

Даже в такой ранний час карет и всадников на улице было уже очень много. Наступавший знаменательный день, если верить небу и легкому ветерку, обещал быть погожим. Тогда почему же он никак не мог избавиться от чувства предстоящей беды?

Хазарды быстро позавтракали. Бретт выглядела особенно счастливой и взволнованной, с легкой завистью заметил Джордж. Через несколько недель Билли собирался подать в отставку, после чего молодая пара намеревалась отправиться морем в Сан-Франциско. Они никогда не видели Калифорнию, но рассказы о ее климате и возможностях привлекали их. Билли мечтал открыть собственную строительную фирму. Как и его друг Чарльз Мэйн, с которым они познакомились в Вест-Пойнте, воодушевленные примером Джорджа и Орри, он хотел оказаться подальше от выжженных полей, где американцы убивали американцев.

Супругам нужно было уехать поскорее. Бретт носила их первого ребенка. Об этом Билли по секрету сообщил Джорджу; правила приличия требовали, чтобы о беременности не заговаривали публично, в том числе среди членов семьи. Даже когда приближался срок родов и не заметить живот женщины было уже невозможно, все делали вид, что ничего не происходит. Если появлялся второй ребенок, родители часто говорили первенцу, что малыша принес доктор в большой бутылки. Джордж и Констанция обычно соблюдали большинство светских условностей, даже самых глупых, но историю о бутылки своим детям уж точно никогда не рассказывали.

Примерно в четверть девятого семья заняла места на зрительской трибуне, рядом с репортерами, конгрессменами, членами Верховного суда, старшими офицерами армии и флота. Слева от них Пенсильвания-авеню огибала здание министерства финансов, стоявшее на углу с Пятнадцатой улицей, откуда вел длинный подъем к Капитолию.

В двух кварталах справа от них, за специальными ограждениями, толпились люди, другие высывались из окон домов, сидели на крышах и ветках деревьев. Напротив зрительской трибуны стоял крытый павильон для команды президента Джонсона, где среди прочих должны были появиться генералы Грант и Шеридан, а также наниматель Стэнли Хазарда военный министр Стэнтон. На фасаде павильона, под крышей, украшенной гирляндами из цветов и вечнозеленых веток, висели плакаты с названиями побед северян: АТЛАНТА и ЭНТИТЕМ, ГЕТТИСБЕРГ и СПОТСИЛЬВЕЙНИ и все остальные.

Без четверти девять президент все еще не прибыл. Новый хозяин Белого дома в эти дни был героем множества слухов и сплетен. Все только и говорили о том, что он начисто лишен чувства такта, что он много пьет и что у него низкое происхождение. Последнее, впрочем, было чистой правдой.

Отец будущего президента служил конюхом при гостинице, а после швейцаром в банке в Северной Каролине. Сам же Джонсон – сначала портной, потом сенатор – был самоучкой, однако не обладал способностями, которые помогли Линкольну обратить его крестьянское происхождение к личной выгоде. Джордж встречался с Джонсоном. Президент показался ему резким, самоуверенным человеком с почти религиозным благоговением перед Конституцией. Одно это уже вызывало его разногласия с радикальными республиканцами, которые хотели расширить толкование основного закона, чтобы он соответствовал их взглядам на общество.

Джордж соглашался со многими требованиями радикалов, включая равные права, а также право избирать и быть избранным для мужчин обеих рас. Однако часто он находил идеи и тактику радикалов отвратительными. Многие из них не скрывали, что хотят использовать голоса чернокожих избирателей для того, чтобы их партия стала лидирующей и традиционное превосходство демократов в стране наконец закончилось. Кроме того, радикалы постоянно проявляли враждебность по отношению к побежденной стороне и вообще ко всем, кого они считали своими идеологическими противниками.

Президент и радикалы находились в состоянии все усиливавшейся борьбы за контроль над восстановлением Союза. Это противостояние не было чем-то новым. В 1862 году Линкольн уже предлагал свой «луизианский план», согласно которому любой отделившийся штат получал право заново войти в Союз и создать просоюзное правительство, если присягу на верность принесут десять процентов его избирателей от общего числа принимавших участие в выборах 1860 года.

В июле 1864 года радикальные республиканцы предложили законопроект, написанный сенатором от Огайо Беном Уэйдом и представителем Мэриленда Генри Дэвисом. Этот закон предлагал более жесткий план реконструкции, включавший военное управление в побежденной Конфедерации. Контроль за реконструкцией возлагался на конгресс. В начале 1865 года штат Теннесси выполнил все условия плана Линкольна и сформировал новое правительство во главе с юнионистом Браунлоу, однако конгресс отказался принять в свой состав его представителей.

Эндрю Джонсон обвинил Джефферсона Дэвиса в том, что именно его поведение подтолкнуло преступников к совершению убийства в театре Форда. Сам он очень резко высказывался в отношении Юга, но в то же время настаивал на том, что будет следовать умеренной программе Линкольна. Не так давно Джордж услышал, что президент хочет реализовать эту программу с помощью ряда указов уже в течение лета и осени. Поскольку конгресс приостановил свою работу до конца года, а внеочередное заседание Джонсон созывать явно не собирался, планы радикалов могли быть сорваны.

Теперь, судя по всему, следовало ждать ответных мер от радикалов. Одной из целей приезда Джорджа в Вашингтон было встретиться с влиятельным политиком из Пенсильвании, чтобы изложить ему свой взгляд на сложившуюся ситуацию. Он считал, что имеет на это право благодаря внушительным суммам, которые он ежегодно жертвовал этой партии. Возможно, от разговора даже будет польза.

– Папа, там тетя Изабель! – воскликнула за его спиной Патриция.

Джордж увидел, что жена Стэнли машет им с президентской трибуны.

– Она хочет убедиться, что мы ее заметили, – поморщился он и помахал в ответ.

Бретт улыбнулась. Констанция легонько похлопала его по руке:

– Да ладно тебе, Джордж, не язви. Ты же сам не захотел бы поменяться со Стэнли местами.

Пожав плечами, Джордж снова стал рассматривать толпу на их стороне улицы, пытаясь увидеть того конгрессмена из своего штата, с которым хотел поговорить. Констанция тем временем сунула руку в ридикюль и достала оттуда карамельку. Ее ярко-рыжие кудрявые волосы, выбиваясь из-под модной соломенной шляпки, сверкали на солнце. Она по-прежнему не утратила своей миловидной ирландской бледности, хотя и поправилась на тридцать фунтов с тех пор, как вышла замуж, еще после окончания Мексиканской войны. Джордж уверял, что ее полнота его ничуть не смущает, а, напротив, говорит лишь о жизненном благополучии.

Ровно в девять за Капитолием выстрелила пушка. Через несколько минут вдали послышались звуки духового оркестра, игравшего «When Johnny Comes Marching Home», а потом – радостные крики пока невидимых участников парада. Наконец первые марширующие обо-

гнули здание министерства финансов, и все зрители восторженно закричали, хлопая в ладоши и крича «ура!».

Во главе парада ехал генерал Джордж Мид, который под гром оваций приближался к президентскому павильону. Мальчишки, облепившие соседние деревья, так размахивали руками и тянулись вперед, что едва не падали с веток. Мид торжественно отсалютовал первым лицам страны саблей – ни Грант, ни Джонсон еще не появились, – потом спрыгнул с коня, передал поводья какому-то капралу и тоже занял место на трибуне.

Женщины восторженно кричали, многие мужчины не скрывали слез, девочки из школьного хора пели и бросали на дорогу букетики цветов. Над алебастровым куполом Капитолия вспыхнуло белое солнце, когда на улице показался Третий дивизион генерала Уэсли Меррита. Его непосредственный командир, Малыш Фил Шеридан, уже направлялся к месту своей новой службы на берегах Мексиканского залива. При появлении Третьего дивизиона даже Уильям, который до этого наблюдал почти за всем происходящим с юношеским высокомерием, подпрыгнул на месте и восхищенно засвистел.

Бравые кавалеристы Шеридана, со сверкающими на солнце саблями, ехали по улице стройными колоннами, по шестнадцать всадников в ряд. Аккуратно подстриженные, как будто только что от цирюльника, они казались бодрыми и свежими, на их лицах почти не было следов усталости от тяжелых боев. У многих в дула карабинов были воткнуты маленькие букетики фиалок.

Каждый ряд салютовал президенту, наконец-то появившемуся на трибуне вместе с генералом Грантом; вид у Джонсона был слегка виноватый. Джордж услышал, как какая-то женщина за его спиной предположила, а не пьян ли уже президент с самого утра.

В воздух вздымались облака пыли. Запах конского пота становился все сильнее. Потом Джордж услышал, как на Пятнадцатой улице скандируют:

– Кастер! Кастер! Кастер!

И вот он выехал на авеню на своем великолепном гнедом жеребце Дон Жуане – кудрявые светлые с рыжеватым отливом волосы до плеч, раскрасневшееся лицо, алый шейный платок, золотые шпоры, широкополая шляпа, которую он специально снял, чтобы толпа узнала его. Мальчик-Генерал – так его называли. Мало кому из офицеров Союза удалось привлечь такое внимание публики и прессы. Джордж Армстронг Кастер окончил Вест-Пойнт последним в своем выпуске, но уже в двадцать три года стал бригадным генералом, а в двадцать четыре – генерал-майором. Под ним застрелили двенадцать лошадей. Он был бесстрашен или безрассуден – смотря как к этому относиться. Говорили, что Кастер подумывает стать президентом, если Улисс Грант выставит свою кандидатуру на следующих выборах. Что ж, если это желание останется и если знаменитая удача его не покинет, а народ не забудет своего кумира, возможно, он и добьется того, чего хочет.

Мальчик-Генерал вел своих кавалеристов с красными шарфами под веселую ирландскую мелодию «Garry Owen», которую играл полковой оркестр. Хор девочек-школьниц подхватил песню. На мостовую снова посыпались цветы. Перед президентской трибуной Кастер резко вытянул руку и поймал один букетик. Это неожиданное движение испугало гнедого, и тот метнулся в сторону.

Джордж успел заметить, как исказилось бешеным лицом Кастера, когда Дон Жуан повернул к Семнадцатой улице. После того как генерал совладал с конем, он уже не мог вернуться обратно в огромной толпе людей и лошадей, чтобы приветствовать Джонсона, поэтому в ярости поехал дальше.

Да, этим утром удача отвернулась от Кастера, подумал Джордж, раскуривая сигару. Дорога честолюбия не всегда гладкая. Слава Богу, сам он не рвался к высоким постам!

Судя по отпечатанной программе парада, прохождение инженерных частей ожидалось не очень скоро, и Джордж решил за это время еще раз попробовать разыскать политика, которого не смог найти в толпе.

На этот раз попытка оказалось более удачной – он нашел конгрессмена разглагольствующим под деревьями за зрительской трибуной. Таддеус Стивенс, республиканец из Ланкастера и, возможно, главный радикал, и в свои семьдесят по-прежнему не утратил былой ауры грубоватой притягательной силы, которая от него исходила. Ни изуродованная ступня, ни жуткий парик, совершенно не похожий на настоящие волосы, не уменьшали этого впечатления. Он не носил ни бороды, ни усов, не пряча за ними суровые черты лица.

Когда Стивенс закончил разговор и двое внимавших ему обожателей, коснувшись полей шляп, отошли в сторону, Джордж шагнул вперед, протягивая руку:

– Здравствуйте, Тад.

– Джордж! Рад вас видеть. Слышал, вы сняли мундир.

– И вернулся в Лихай-Стейшн заниматься заводом. Есть минутка? Мне бы хотелось поговорить с вами как республиканец с республиканцем.

– Конечно, – кивнул Стивенс.

Его темно-голубые глаза словно прикрылись шторкой. Джордж уже видел такой взгляд у некоторых политиков, когда их что-то настораживало.

– Я просто хотел высказаться в защиту программы мистера Джонсона.

Стивенс поджал губы:

– Понимаю причины вашей озабоченности. У вас ведь друзья в Каролине.

Да уж, этот человек умел обезоружить любого своей прямоотой. Джорджу хотелось в этот момент быть дюймов на пять выше ростом, чтобы не приходилось смотреть снизу вверх.

– Вы правы. Это семья моего лучшего друга; сам он войну не пережил. Я обязан высказаться в защиту его родных, так как не считаю их аристократами. Или преступниками...

– Они и то и другое, если держали черных в рабстве.

– Тад, прошу вас, дайте мне договорить.

– Да, разумеется. – Стивенс уже не казался дружелюбным.

– Несколько лет назад я верил, что войну без всякой на то необходимости спровоцировали слишком рьяные политики с обеих сторон. Год за годом я думал об этом и в конце концов решил, что ошибался. Какой бы ужасной ни была эта война, в ней действительно назрела необходимость. Постепенное мирное освобождение наверняка потерпело бы крах. Те, кто был напрямую заинтересован в рабстве, ни за что не позволили бы его отменить.

– Совершенно верно. При их одобрении и содействии корабли работорговцев продолжали возить цветных с Кубы и из Вест-Индии еще долгое время после того, как в тысяча восемьсот седьмом году конгресс объявил эту торговлю незаконной.

– Меня больше интересует настоящее. Война закончилась, и второй нельзя допустить. Цена жизни и собственности слишком высока. Война подавляет любые попытки достичь материального благополучия.

– Ах вот вы о чем, – откликнулся Стивенс с ледяной улыбкой. – Новое кредо деловых людей. Я отлично осведомлен об этом течении экономического пацифизма на Севере, но не желаю иметь с ним ничего общего.

– Отчего же? – вспыхнул Джордж. – Разве ваше положение не предполагает, что вы должны представлять интересы своих избирателей-республиканцев?

– Представлять – да, но не подчиняться им. Я слушаю только собственную совесть. – Он положил руку на плечо Джорджа и посмотрел на него сверху вниз, наклонив голову, и даже этот, казалось бы, простой жест странным образом выглядел снисходительным. – Мне не хочется выглядеть грубым, Джордж. Я знаю обо всех ваших щедрых пожертвованиях на нужды

партии как в своем штате, так и в национальном масштабе. Знаю обо всех ваших военных заслугах. Но к сожалению, это не может изменить моего отношения к рабовладельцам Юга. Все, кто принадлежит к этому классу и поддерживает его, для меня навсегда останутся предателями нашей страны. И теперь они будут жить не в самостоятельных штатах, а на завоеванных территориях. Они заслужили самое суровое наказание.

В его холодных глазах под нависшими бровями Джордж увидел огонь истинной веры и священной войны.

Находились скептики, которые усматривали причину такого фанатизма в низменных причинах и связывали ожесточенную борьбу Стивенса за права негров с его экономкой в Ланкастере и Вашингтоне, некоей миссис Лидией Смит, привлекательной вдовушкой, к тому же мулаткой, а его ненависть ко всему южному – с заводом в Чемберсберге, сожженным солдатами Джубала Эрли. Сам Джордж не особо верил в такие объяснения, считая Стивенса честным идеалистом, хотя и склонным к крайностям. Поэтому его ничуть не удивляло то, что Стивенс и его сестра Вирджилия Хазард были близкими друзьями.

И все-таки конгрессмен, безусловно, представлял мнение всех республиканцев.

– Я думал, – снова заговорил Джордж довольно резким тоном, – за реконструкцию Юга отвечает исполнительная власть.

– Нет, сэр. Это прерогатива конгресса. Мистер Джонсон совершил большую глупость, заявив о своем намерении издать ряд постановлений. Тем самым он разжег серьезную вражду между моими коллегами, но, уверяю вас, мы исправим эту ошибку, когда возобновятся заседания. Конгресс не допустит узурпации его прав. – Стивенс постучал по земле металлическим наконечником трости. – Я этого не допущу.

– Но Джонсон делает лишь то, что Авраам Линкольн...

– Мистер Линкольн мертв, – перебил его Стивенс.

– Хорошо, пусть так, – уже багровея от злости, сказал Джордж. – А какую программу предлагаете вы?

– Полная реорганизация всех южных институтов власти и прежних устоев средствами военного контроля, конфискации и очищающего огня закона. Такая программа может испугать слабые умы и расшатать слабые нервы, но она справедлива и совершенно необходима. – (Джордж побагровел еще больше.) – Если точнее, то я хочу жестокого наказания для предателей, занимавших высокие посты. Мне недостаточно того, что Джеффа Дэвиса просто держат в кандалах в форте Монро. Я хочу, чтобы его казнили. Хочу, чтобы каждому, кто покинул нашу армию или флот и перешел на службу к бунтовщикам, было отказано в амнистии. – (Джордж с ужасом подумал о Чарльзе.) – И я настаиваю на равных гражданских правах для всех чернокожих. Я требую права голоса для каждого совершеннолетнего чернокожего мужчины.

– За такое вас закидают камнями даже в Пенсильвании. Белые люди просто не считают черных равными себе. Может, это и неправильно, и лично я так не думаю, но реальность именно такова. Ваша схема не сработает.

– Справедливость не сработает, Джордж? Равенство не сработает? Мне плевать! Это мои убеждения, и я буду за них бороться. В вопросах моральных принципов не может быть компромисса.

– Черт побери, я отказываюсь это принимать! И огромное число других северян чувствуют то же самое насчет...

Но конгрессмен, не дослушав его, развернулся и ушел, чтобы поговорить с тремя новыми почитателями.

Батальон Инженерного корпуса Потомакской армии повернул на Пенсильвания-авеню, к президентской трибуне. Бойцы восьми рот чеканили шаг по мостовой, все в новенькой аккуратной форме, заменившей грязные обноски, в которых они ходили последние дни Виргинской

кампании. У половины к поясам были прицеплены короткие лопатки как символ их опасной службы, когда приходилось наводить мосты и ремонтировать дороги зачастую под вражеским огнем, когда просто не хватало времени отойти и укрыться.

Вместе со всеми под жарким солнцем шел Билли Хазард, с аккуратной бородкой, гордый и энергичный; рана в груди уже почти зажила. Он посмотрел на трибуну, где должны были сидеть его родные, и сразу увидел милое лицо жены, радостно махавшей ему рукой. Потом заметил брата и чуть не сбился с шага. Джордж выглядел рассеянным и мрачным.

Духовой оркестр заиграл снова; инженеры прошли мимо специальных трибун под дождем из цветов.

Констанцию тоже встревожило настроение мужа, и, когда Билли прошел мимо, она спросила Джорджа, что случилось.

– Да ничего не случилось, – ответил он, – просто я наконец нашел Тада Стивенса, вот и все.

– Нет, не все. Я же вижу. Рассказывай.

Джордж посмотрел на жену, вновь тяготясь тем же предчувствием скорой беды, которое по-прежнему терзало его. Оно не касалось напрямую Стивенса, хотя конгрессмен, безусловно, был частью общей картины.

Подобное чувство появилось у Джорджа в апреле 1861 года, когда он смотрел, как сгорает дотла один из домов в Лихай-Стейшн. Глядя на пламя пожара, он представлял себе охваченную огнем страну и со страхом думал о будущем. Страхи оказались не напрасными. Орри погиб, Мэйны потеряли свой прекрасный дом на плантации Монт-Роял; война унесла сотни тысяч жизней, разрушила семейные узы. Нынешняя тревога очень напоминала ту, давнюю.

– Я просто высказал свое мнение, – сказал он, пожав плечами и стараясь говорить как можно беспечнее, чтобы не напугать Констанцию, – а он довольно жестко поставил меня на место. Хочет, чтобы контроль за реконструкцией Юга осуществлял конгресс, а еще жаждет крови южан. – Джордж все-таки не смог сдерживать эмоций, как ни пытался. – Стивенс хочет начать войну с мистером Джонсоном, чтобы добиться своего. А я думаю, что пришла пора восстанавливать страну. Видит Бог, наши семьи достаточно пострадали, и крови пролито слишком много. Кровь Орри в том числе.

Констанция вздохнула, ища слова, чтобы хоть немного смягчить горечь мужа.

– Милый, – наконец сказала она с вымученной улыбкой на полном лице, – это ведь просто политика...

– Нет, все гораздо сложнее. Мне казалось, мы празднуем окончание войны, но Стивенс просветил меня: война только начинается.

И он не знал, смогут ли две семьи, уже измученные четырьмя годами одной войны, пережить другую.

Часть первая. Бездна надежды

Мы все согласны с тем, что так называемые отделившиеся штаты фактически вышли из надлежащих отношений с Союзом и что единственная задача властей, гражданских и военных, касательно этих штатов – вернуть их к надлежащим отношениям. Я уверен, что это не только возможно, но и довольно просто сделать, если даже не задумываться над тем, существовали ли они когда-нибудь за его пределами. Когда они благополучно вернутся домой, будет совершенно неважно, уходили они или нет.

Из последнего публичного выступления Авраама Линкольна с балкона Белого дома, 11 апреля 1865 года

*Стереть с лица земли предателей. Растереть их в пыль!
Таддеус Стивенс, конгрессмен, после убийства Линкольна, 1865 год*

Глава 1

Вокруг взметались к небу столбы огня. В результате боевых действий сначала загорелись сухие кустарники, потом деревья. От дыма слезились глаза, и он почти не видел вражеских стрелков.

Чарльз Мэйн пригнулся к шее Бедового, взмахнул соломенной шляпой и громко крикнул:

– Эй! Э-ге-гей!

Впереди двадцать великолепных кавалерийских скакунов с летящими гривами в панике метались то в одну сторону, то в другую, пытаясь спастись от жары и пугающих алых вспышек.

– Не давай им свернуть! – крикнул Чарльз Эбу Вулнеру, скрытому за стеной густого черного дыма.

Затрещали винтовочные выстрелы. Смутная фигура слева от Чарльза упала из седла.

Смогут ли они прорваться? Они просто обязаны, ведь армия так отчаянно нуждалась в этих украденных лошадях.

Из-за поваленного дерева выпрыгнул коренастый сержант в синей форме Союза и, прицелившись из ружья, пустил пулю в голову кобылы, скакавшей впереди табуна. Та громко закричала от боли и рухнула на землю. Гнедой, бежавший следом, споткнулся и тоже упал. Чарльз слышал, как треснула его кость, когда скакал мимо. Закопченное лицо сержанта расплылось в улыбке.

Жар обжег лицо Чарльза. Дым почти ослепил его. Он уже совсем не видел Эба и других солдат из их отряда, и только необходимость доставить лошадей генералу Хэмптону толкала его вперед через этот ад, где солнечный свет смешивался с огнем.

От нехватки воздуха сильно заболели легкие. Вдруг ему показалось, что в конце горящего леса виднеется просвет. Он пришпорил коня, и Бедовый храбро бросился вперед.

– Эб, скачи прямо! Ты видишь?

В ответ он услышал лишь новые выстрелы и крики, топот копыт и человеческих ног по горячей сухой листве, устилавшей землю. Чарльз поглубже натянул шляпу, выхватил свой армейский кольт сорок четвертого калибра и взвел курок. Неожиданно прямо перед ним из дыма выскочили трое солдат в синих мундирах со штыками наперевес и сразу бросились к табуну. Один из них замахнулся и вонзил штык в живот пегой лошади. Кровь, хлынувшая из раны, брызнула на Чарльза. Пегая с предсмертным ржанием упала на землю.

Такая чудовищная жестокость к животному разъярила Чарльза, он выпустил одну за другой две пули, но Бедовый как раз преодолевал какую-то высокую кочку, и надежды попасть в цель почти не было. Окруженные скачущим мимо табуном, трое солдат Союза прицелились. Одна пуля вонзилась Бедовому прямо промеж глаз, и Чарльз почувствовал его кровь на своем лице. Он закричал как безумный, а уже в следующую секунду, когда передние ноги Бедового подогнулись, вылетел из седла головой вперед.

Ударившись оземь, он тут же оперся коленями и ладонями, еще плохо соображая, что происходит. Другой северянин, стоявший над ним с ухмылкой на лице, замахнулся штыком. Чарльзу показалось, что оранжевый свет стал слишком ярким, а жар – таким нестерпимо сильным, что он чувствовал его кожей. Солдат шагнул мимо умирающего Бедового и вонзил штык в живот Чарльза, распоров его от пупка до грудины.

Второй солдат приставил винтовку к его голове. Чарльз услышал грохот выстрела, почувствовал удар, а потом лес вокруг погрузился в темноту.

– Мистер Чарльз...

– Вперед, Эб! Там единственный выход...

– Мистер Чарльз! Сэр, проснитесь!

Чарльз открыл глаза и увидел женский силуэт, окутанный темно-красным светом. Он жадно плотнул ртом воздух. Красный свет. Лес все еще горит...

Нет. Свет исходил от красных абажуров на газовых светильниках в гостиной. Не было никакого огня, никакого жара.

– Августа? – пробормотал он еще в полузабытьи.

– О нет, сэр, – печально ответила женщина. – Это Морин, сэр. Вы так кричали. Я уж подумала, не припадок ли у вас.

Чарльз сел и отвел со вспотевшего лба темные кудри. Он давно не стригся, и волосы волной падали на воротник выцветшей голубой рубашки. Хотя ему минуло всего двадцать девять, его бывшая привлекательность порядком увяла из-за пережитых бед и лишений.

Напротив, в кресле гостиничного номера чикагского отеля «Гранд-Прери», он увидел свой ремень с кобурой. В кобуре лежал кольт 1848 года с выгравированной на нем сценой схватки индейцев с драгунами. На спинке того же кресла висело его цыганское пончо, которое он сам сшил во время войны для тепла из лоскутов, вырезанных из серых форменных брюк, синих мундиров северян, шерстяных одеял в желто-красную клетку и кусочков меха. Да, война...

– Дурной сон, – сказал он. – Я разбудил Гуса?

– Нет, сэр. Ваш сыночек спокойно спит. Мне жаль, что вам приснился кошмар.

– Мне следовало сообразить, что это всего лишь сон. Там был Эб Вулнер. И мой конь Бедовый. Они оба давно мертвы. – Чарльз потер глаза. – Все в порядке, Морин. Спасибо вам.

– Да, сэр, – с сомнением в голосе ответила она и тихо вышла из комнаты.

В порядке? Так ли это? – подумал Чарльз. Будет ли он вообще когда-нибудь в порядке? В этой войне он потерял все, потому что потерял Августу Барклай. Она умерла, давая жизнь его сыну, о котором он узнал только после ее смерти.

Сон все еще не отпускал его. Он по-прежнему видел горящий лес, ощущал запах гари, как и тогда, в пылающем Уайлдернесе, чувствовал жар, от которого закипала кровь. Этот сон как нельзя лучше отражал его настроение. Измученный и словно выжженный изнутри, он и в часы бодрствования снова и снова задавал себе два вопроса: где ему наконец обрести душевный покой и где найти такое место, в котором нет войны? Ответ на оба вопроса был один: «Нигде».

Он снова отвел со лба волосы, поплелся к буфету и плеснул в стакан виски. Из углового окна гостиной виднелись крыши домов на Рэндольф-стрит, окрашенные красноватым светом заката. Не успел он сделать последний глоток, пытаясь избавиться от навязчивых видений, как появился дядя Августы, бригадный генерал Джек Дункан.

– Чарли, у меня плохие новости, – сообщил он с порога.

Бревет-генерал Дункан, полноватый, румяный крепыш с волнистыми седыми волосами, был совершенно неотразим в полной парадной форме – длиннополом мундире с саблей на боку и ярким поясным шарфом. Черную шляпу с шелковой кокардой он держал под мышкой. Фактически на своей новой службе в штабе Миссисипского военного округа, расквартированного в Чикаго, Дункан имел чин капитана. Большинство временных званий, присвоенных в федеральной армии в военное время, было отменено, однако Дункан, как и остальные, получил право, чтобы к нему обращались как прежде. Он все так же носил на эполетах серебряную звезду бригадного генерала, хотя и сетовал на путаницу в рангах, знаках различия и форме, которая возникла в послевоенной армии.

В ожидании дальнейших объяснений Чарльз заново раскурил окуроч с сигары. Дункан отложил в сторону шляпу и налил себе выпить.

– Чарли, я все утро провел в штабе округа. Вместо Джона Поупа командующим назначен Билли Шерман.

– Это и есть ваша плохая новость?

Дункан покачал головой:

– У нас по-прежнему почти миллион под ружьем, но дай Бог, если в следующем году к этому времени останется тысяч двадцать пять. В рамках такого сокращения добровольческие пехотные полки с Первого по Шестой будут распущены.

– Все «оцинкованные янки»?

Так называли пленных конфедератов, которым во время войны разрешили служить в армии Союза вместо тюремного заключения.

– До единого. Свою задачу они выполнили. Не дали сиу перерезать поселенцев в Миннесоте, восстановили телеграфные линии, уничтоженные партизанами, защищали форты, охраняли почтовые дилижансы. Но теперь все кончено.

Чарльз подошел к окну:

– Черт побери, Джек! Я ведь ехал сюда именно для того, чтобы вступить в один из этих полков.

– Знаю. Но двери захлопнулись.

Когда Чарльз повернулся, у него было такое несчастное лицо, что Дункан даже растрогался. Этот южнокаролинец, который сделал ребенка его племяннице, был хорошим человеком, но, как и многие другие, провоевав полных четыре года, стал жертвой послевоенной неразберихи.

– Все понятно, – сказал Чарльз. – Значит, придется скрести полы или рыть канавы.

– Есть и другой путь, если захочешь попробовать. – (Чарльз замер.) – Регулярная кавалерия.

– Но это же невозможно! Закон об амнистии не распространяется на выпускников Вест-Пойнта, перешедших на другую сторону!

– Закон можно обойти. – Прежде чем озадаченный Чарльз успел спросить, как именно, генерал продолжил: – Офицеров после войны осталось более чем достаточно, а вот хороших рядовых не хватает. Ты отличный наездник и первоклассный солдат – иначе и быть не может, если за плечами Вест-Пойнт. Тебя наверняка предпочтут ирландским иммигрантам, одноруким калекам или беглым заключенным.

Чарльз задумчиво пожевал сигару:

– А как же мой сын?

– Ну, значит, просто будем следовать нашей прежней договоренности. Мы с Морин позаботимся о Гусе, пока ты не пройдешь подготовку и не получишь назначение. Если повезет и тебя направят, к примеру, в форт Ливенворт или форт Райли, ты сможешь нанять няней жену

какого-нибудь рядового. А если нет, можешь просто жить с нами. Я люблю этого мальчика и пристрелю любого, кто косо посмотрит на него.

– Я тоже. – Чарльз еще немного подумал. – Выбора ведь особого нет, да? Или пойти служить, или вернуться домой, жить из милости у кузины Мадлен и до конца жизни травить байки в пивной о своих военных подвигах. – Он снова принялся энергично жевать окурки сигары, потом насмешливо взглянул на Дункана. – А вы уверены, что меня примут на службу?

– Чарли, сотни бывших бунт... э-э... конфедератов уже вступают в армию. Тебе просто придется сделать то же, что и они.

– Что именно?

– Когда придешь на призывной пункт, ври напропалую.

– Следующий! – выкрикнул сержант-вербовщик.

Чарльз подошел к замызганному столу, под которым стояла вонючая плевательница. За соседней дверью орал какой-то мужчина, которому цирюльник выдергивал зуб.

От сержанта несло джином, выглядел он лет на двадцать старше призывного возраста и делал все очень медленно. Чарльз ждал почти час, пока он занимался двумя парнями диковатого вида, совсем не говорившими по-английски. Один в ответ на все вопросы стучал себя кулаком в грудь и выкрикивал: «Будапешт, Будапешт!», другой тоже колотил себя в грудь, но кричал уже: «Соединенные Штаты Мерики!» Да поможет Бог армии Равнин!

– Прежде чем перейдем к делу, – сказал сержант, почесав испещренный красными сосудами нос, – окажите мне любезность – возьмите эту отвратительную кучу тряпья, чем бы она там у вас ни была, и вынесите наружу. Уж очень гадко выглядит и воняет, как овечье дерьмо.

Закипая от злости, Чарльз свернул свое цыганское пончо и аккуратно положил его на дощатую дорожку перед входом. Потом вернулся к столу и стал смотреть, как сержант окунает перо в чернильницу.

– Знаете, что контракт подписывается на пять лет? – (Чарльз кивнул.) – Пехота или кавалерия?

– Кавалерия.

Одно это слово выдало его.

– Южанин? – уже враждебно спросил сержант.

– Южная Каролина.

Сержант потянулся к стопке листов, скрепленных металлическим кольцом.

– Имя?

Чарльз еще раньше решил, что ответит на этот вопрос. Нужно было придумать имя, похожее на настоящее, чтобы откликаться на него естественно, не вызывая подозрений.

– Чарльз Мэй.

– Мэй, Мэй... – Сержант долго перебирал листы, потом наконец отложил их в сторону. – Это список выпускников Вест-Пойнта, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд Чарльза. – Прислали из штаба округа. – Он оглядел потрепанную одежду Чарльза. – Ну, вам-то, я полагаю, не стоит бояться, что вас по ошибке примут за одного из этих парней. Служили где-нибудь уже?

– В конном легионе Уэйда Хэмптона. А потом...

– Хэмптона достаточно. – Сержант записал это. – До какого звания дослужились?

Следовать совету Дункана было ужасно неловко, но ничего другого не оставалось.

– Капрал.

– Доказать можете?

– Нет, не могу. Все архивы сгорели в Ричмонде.

– Чертовски удобно для вас, бунтовщиков! – фыркнул сержант. – Ладно, нам привередничать не приходится. После того как Чивингтон расквитался с шайеннами Черного Котла в прошлом году, эти проклятые равнинные племена совсем озверели.

Насколько Чарльз знал, все обстояло не так, и слово «расквитался» здесь было совсем неуместно. После того как недалеко от Денвера индейцы убили отряд эмигрантов, бывший проповедник, а ныне полковник Джон Чивингтон в отместку повел целый полк колорадских добровольцев на деревню Сэнд-Крик, где жило мирное шайеннское племя. У Чивингтона не было никаких доказательств, что вождь общины Черный Котел или его люди имели отношение к трагедии у Денвера, но это не помешало ему уничтожить почти триста человек, из которых примерно семьдесят пять были женщины и дети. Тот кровавый налет возмутил тогда многих в стране, но, как видно, сержант не принадлежал к их числу.

Пациент «дантиста» снова заорал.

– Да, сэр, – бормотал сержант, скрипя пером, – приходится быть неразборчивыми и брать почти все, что само плывет в руки. – Он бросил на Чарльза еще один взгляд. – Включая предателей.

Чарльз с трудом сдержал гнев. Но если уж он выбрал этот путь, а других занятий, кроме военной службы, он для себя просто не представлял, то нужно было подготовиться к тому, что эта песня о предательстве, в разных вариантах, прозвучит в его адрес еще не раз, и лучше сразу привыкнуть пропускать ее мимо ушей.

– Читать-писать умеете?

– И то и другое.

Тут вербовщик по-настоящему улыбнулся:

– Это хорошо, только, вообще-то, разницы совсем никакой. У вас и так есть все, что нужно. Главное, чтобы хоть одна рука была, одна нога и чтоб дышал. Вот здесь подпишите.

Звякнул паровозный колокол. Морин заволновалась:

– Сэр... генерал... все пассажиры уже в вагонах...

В клубах пара, окутавшего платформу, Чарльз обнял своего закутанного в одеяльце сына. Малыш Гус, шести месяцев от роду, вертелся и хныкал из-за колик. Морин продолжала кормить малыша грудью, но это был первый раз, когда он плохо себя почувствовал.

– Не хочу, чтобы он меня забыл, Джек.

– Поэтому я и заставил тебя пойти и сделать дагеротип. Когда он чуть-чуть подрастет, я буду показывать ему портрет и говорить, что это его папа.

Чарльз осторожно передал сына в руки экономки, которая стала, как он догадывался, генералу еще и женой, правда без брачного свидетельства.

– Берегите этого мальчишку, – сказал он.

– Да разве может быть по-другому? Вы меня просто обижаете, – откликнулась Морин, покачивая малыша.

Дункан пожал Чарльзу руку:

– Удачи тебе... и помни, что нужно держать язык за зубами и не проявлять характер. Тебя ждут несколько трудных месяцев.

– Я справлюсь, Джек. Солдатом я могу быть для кого угодно, даже для янки.

Раздался паровозный свисток. Кондуктор у заднего вагона махнул флажком и закричал машинисту:

– Поехали! Поехали!

Чарльз прыгнул на ступеньку вагона второго класса и замахал рукой, когда поезд двинулся. Он был рад, что его окутали облака пара и никто не мог увидеть его глаз.

Ссутулившись и надвинув потрепанную соломенную шляпу до самых бровей, Чарльз сидел у окна. Рядом никого не было – его суровый вид отпугивал пассажиров. Цыганское пончо он пристроил на сиденье возле себя, на коленях лежал нечитанный номер «Нэшнл полис газетт».

Темные потеки дождя косо ползли по вагонному стеклу. Ночь и гроза скрывали все, что было снаружи. Чарльз жевал сухую булку, которую купил у торговца, ходившего по вагонам, и чувствовал внутри прежнюю тоскливую пустоту.

Наконец он развернул «Нью-Йорк таймс», оставленную пассажиром, вышедшим на последней остановке. В глаза сразу бросились колонки рекламных объявлений с кричащими заголовками о каких-то солнцезащитных очках, корсетах, комфортабельных прибрежных пароходах. Было даже одно объявление, предлагавшее чудодейственное средство от всех болезней. Чарльз отбросил газету. Как же им не стыдно, ведь если бы все было так просто!

Сам того не замечая, Чарльз начал тихо насвистывать незамысловатую мелодию, которая засела у него в голове несколько недель назад и никак не хотела уходить. Свист разбудил полную женщину, дремавшую на своем месте через проход. Ее пухлая дочь спала, положив голову на колени матери. Немного поколебавшись, женщина обратилась к Чарльзу:

– Какая чудесная мелодия, сэр... Случайно, не из репертуара мисс Дженни Линд?

Чарльз сдвинул шляпу назад:

– Нет. Сам не знаю, откуда она взялась.

– О... Просто я подумала, вдруг это ее. Мы собираем ноты самых известных ее песен.

Урсула прекрасно исполняет их на фортепьяно.

– Не сомневаюсь. – Это прозвучало немного резко, хотя Чарльз вовсе не хотел быть грубым.

– Сэр, если вы позволите мне высказать свое мнение... – Женщина показала на «Газетт» на его коленях. – То, что вы читаете, совсем не христианское издание. Пожалуйста, возьмите это. Уверю вас, ваше настроение сразу улучшится.

Она протянула ему маленькую брошюру из тех, что Чарльз часто видел в военных гарнизонах. Такие печатные проповеди в огромных количествах издавало Американское общество христианской литературы.

– Спасибо, – сказал он и, открыв брошюрку, прочел несколько строк.

*Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих...*¹

Чарльз снова с горечью отвернулся к окну. Он не видел ни ангелов, ни небес – ничего, кроме бесконечной тьмы прерий Иллинойса и дождя, который, возможно, был предвестником будущего – такого же мрачного, как и прошлое. Впереди его, без сомнения, ждали нелегкие времена, Дункан был прав. Чарльз уселся поудобнее, опершись костлявой спиной на спинку сиденья, и стал смотреть на скользившую за окном темноту.

А потом начал тихо напевать незатейливую песенку, воскрешавшую в памяти милые, словно нарисованные акварелью образы их усадьбы в Монт-Роял, которая казалась даже красивее и больше, чем была до пожара. Грустная мелодия словно говорила ему о потерянном доме и утраченной любви, обо всем, что он потерял за эти четыре кровавых года, пока жила багряная мечта Конфедерации; о чувствах и счастье, которых, как он был убежден, ему уже никогда не испытать.

(Из рекламного объявления)

ДЛЯ ВСЕХ, КТО СТРАДАЕТ. – Может показаться почти невероятным, что люди еще продолжают страдать в то время, когда им доступно такое замечательное средство, как «ЛЕС-НАЯ НАСТОЙКА»! Всех, кого мучает головная боль, плохое настроение, изжога, боли в боку, спине или животе, колики, дурной запах изо рта или любые симптомы такого ужасного недуга, как диспепсия, мы призываем попробовать наше чудодейственное средство!

¹ Евангелие от Иоанна, 1: 51. – Здесь и далее примеч.

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Июнь 1865-го. Мой милый Орри, я начала делать записи в этой старой тетради, потому что мне просто необходимо говорить с тобой. Сказать, что без тебя я просто плыву по течению и постоянно терзаюсь болью, значит не сказать почти ничего о моем состоянии. Разумеется, я постараюсь не слишком предаваться жалости к себе на этих страницах, но знаю, что совсем избежать этого мне не удастся.

Какая-то крошечная часть меня даже радуется, что ты не видишь, во что превратилась твоя любимая родина. Раны, причиненные войной, заживут еще очень не скоро. Южная Каролина послала на эту никому не нужную бойню почти семьдесят тысяч мужчин, и четверть из них погибла. Говорят, ни один штат не потерял так много своих сынов.

Почти двести тысяч освобожденных негров теперь отпущены на вольные хлеба. Они составляют примерно половину населения штата, если не больше. На прошлой неделе я встретила на речной дороге мамулику Рут, она раньше принадлежала покойному Фрэнсису Ламотту. Бедняжка так цеплялась за старый мешок из-под муки, что я невольно спросила, что в нем. «Положила туда свободу и теперь ни за что ее не выпущу!» – ответила она. Представляешь?! Я пошла дальше, полная печали и гнева. Как же мы ошибались, когда ничему не учили наших негров! Они совершенно беспомощны в этом новом мире, куда их просто вышвырнули.

«Наши негры» – как снисходительно теперь это звучит, тем более что я одна из них, о чем постоянно забываю. Ведь в Каролине иметь одну восьмую черной крови означает быть черным как уголь.

То, что разболтала обо мне твоя сестра Эштон в Ричмонде, теперь известно всей округе. Правда, никто еще ни разу при мне не упомянул об этом. Конечно же, благодаря тебе. К твоей памяти здесь относятся с большим уважением и до сих пор горюют о твоей кончине.

Мы посеяли четыре квадрата риса. Надеемся получить хороший урожай, чтобы продать его, если найдется покупатель. Энди, Джейн и я работаем в поле каждый день.

В прошлом месяце пастор Африканской методистской церкви поженил Энди и Джейн. Они взяли себе новую фамилию. Энди предложил фамилию Линкольн, но Джейн отказалась, потому что ее выбрали слишком много бывших рабов. Теперь они Шерманы, хотя такой выбор едва ли вызовет к ним любовь белого населения. Но они свободные люди и вправе взять любое имя, какое захотят.

Сосновый домик, построенный вместо усадьбы, которую сожгли Каффи, Джонс и их прихвостни, заново покрасили белой краской. По вечерам ко мне приходит Джейн, пока Энди строит их собственный дом; мы разговариваем или чиним разное старье, которое теперь заменяет приличную одежду, а иногда отправляемся в нашу «библиотеку». Она состоит из единственного номера дамского журнала за 1863 год и десяти последних страниц «Южного литературного вестника».

Джейн часто говорит о том, чтобы открыть школу, и хочет даже обратиться в новое Бюро по делам освобожденных с просьбой найти учителя. Я продолжаю заниматься с ней, считая это своим долгом, и мне не важно, что кому-то наши уроки могут не нравиться. Охваченные горечью поражения, лишь немногие белые склонны помогать тем, кто освобожден росчерком пера Линкольна и клинком Шермана.

Однако, прежде чем думать о школе, мы должны подумать о том, как выжить. Одного риса для этого не хватит. Да, я знаю, наш дорогой Джордж Хазард готов дать нам неограниченный кредит, но я не хочу обращаться к нему, потому что считаю это слабостью. В этом отношении я уж точно настоящая южанка – гордости и высокомерия хоть отбавляй.

Наверное, можно попробовать продавать древесину сосен и кипарисов, которых у нас так много. Я ничего не знаю о лесопильном деле, но могу научиться. Понадобится оборудование, а это означает еще один кредит. Банки в Чарльстоне наверняка скоро снова откроются.

И Джордж Уильямс, и наш старый друг из партии вигов Леверетт Докинз во время войны держали свои деньги в фунтах стерлингов в иностранном банке, неплохо на этом заработали, и теперь на побережье снова оживет коммерческая жизнь. Если банк Леверетта действительно откроется, я обращусь к нему.

Еще придется нанимать рабочих, и здесь тоже могут возникнуть сложности. Негры предпочитают наслаждаться своей обретенной свободой, а не работать на прежних хозяев, даже за деньги. Это серьезная проблема для всего Юга.

Но несмотря на все это, бесценный мой Орри, я должна рассказать тебе о своей самой невероятной мечте, которую я поклялась исполнить во что бы то ни стало. Она родилась несколько дней назад из моей любви к тебе и моей огромной, неизбывной гордости тем, что я была твоей женой...

Той ночью, уже после полуночи, промучившись без сна, Мадлен вышла из дому, у которого теперь появилось еще одно крыло с двумя спальнями. Вдове Орри Мэйна было под сорок, но ее прекрасная фигура с тонкой талией и пышной грудью сохранилась такой же, как в тот день, когда он спас ее на речной дороге, хотя возраст и пережитые горести все-таки уже начинали оставлять следы на ее лице.

Она проплакала целый час, стыдясь своих слез, но не в силах остановиться. И теперь решительно шла через широкую лужайку, залитую белым светом луны, висевшей над деревьями, которые росли вдоль берега Эшли. На том месте, где раньше был причал, она спугнула большую белую цаплю. Птица взлетела в воздух и поплыла в небе.

Обернувшись, Мадлен посмотрела назад, на лужайку, окруженную могучими дубами в косматых бородах испанского мха. Перед ее мысленным взором вдруг возник большой красивый дом, в котором они жили с Орри как муж и жена. Словно наяву она видела изящные колонны, ярко освещенные окна; смотрела, как одна за другой к входу подъезжают кареты, привозя нарядных дам и галантных джентльменов, слышала их веселый смех.

Тогда-то к ней и пришла эта мысль. Сердце вдруг забилося так часто, что даже закололо в груди. Она сказала себе, что на том месте, где сейчас стоит этот жалкий деревянный домишко, выкрашенный белой краской, обязательно появится новый Монт-Роял. Прекрасный, величественный особняк, который будет стоять здесь вечно в память о ее муже, его доброте и обо всем хорошем, что сделала семья Мэйн.

Захваченная этой идеей, она подумала, что новый дом не должен быть точной копией прежнего, ведь, несмотря на красоту и изящество, сгоревший Монт-Роял таил в себе зло. Хотя Мэйны всегда были добры к своим рабам, они считали негров своей собственностью и, таким образом, поддерживали порочную систему рабства, которая подразумевала и кандалы, и телесные наказания, а также смерть или кастрацию за попытки побега. Орри пришел почти к полному ее отрицанию, а Купер еще в молодости открыто обвинял ее. Поэтому возрожденный Монт-Роял должен стать по-настоящему обновленным, потому что пришли новые времена. Новый век.

На глаза набежали слезы. Мадлен сложила ладони и подняла их к лунному свету:

– Я это сделаю. Не знаю как, но сделаю. В память о тебе...

Она отчетливо увидела, как Монт-Роял, словно птица феникс, восстает из пепла. Словно языческая жрица, с возведенными вверх руками, она подняла голову к невидимым богам, смотревшим на нее из-под звездного купола каролинского неба. Она обращалась к мужу, который был где-то там, среди звезд.

– Клянусь перед этими небесами, Орри! Я построю его ради тебя.

Сегодня у нас был неожиданный гость. По пути домой из Чарльстона заезжал генерал Уэйд Хэмптон. Говорят, что из-за его высокого чина и военных подвигов под амнистию он попадет еще очень не скоро.

Признаться, его сила духа и бодрость поразили меня. Война принесла ему столько горя – брат Фрэнк и сын Престон погибли в бою; он в одночасье потерял три тысячи рабов, а фамильные поместья в Миллвуде и Сэнд-Хиллсе сожгли федералы. Сейчас он живет в жалкой лачуге одного из бывших надсмотрщиков в Сэнд-Хиллсе, и ему грозит серьезное обвинение в том, что именно он, а не Шерман сжег Колумбию², когда отдал приказ поджечь тюки хлопка, чтобы те не достались янки.

Однако ведет он себя так, будто все это его совсем не тревожит, а вот о других, наоборот, волнуется очень искренне.

Уэйд Хэмптон сидел перед домом на отпиленном куске бревна, служащем стулом. Самому старому из командиров кавалерии генерала Ли было уже сорок семь; в его позе чувствовалось некоторое напряжение. Пять раз он был ранен. Вернувшись домой, генерал сбрил свою огромную бороду, оставив только маленькую эспаньолку, зато продолжал носить большие закрученные усы и бакенбарды. Под старым суконным сюртуком виднелся торчащий из кобуры револьвер с рукояткой из слоновой кости.

– Кофе, генерал, – сказала Мадлен, выходя на крыльцо с двумя дымящимися оловянными чашками в руках. – Я добавила сахар и капельку кукурузного виски, только вот сам кофе, к сожалению, желудевый.

– Это не важно, большое спасибо. – Хэмптон с улыбкой взял у нее чашку; Мадлен села на ящик рядом с красивым кустом желтого жасмина, который очень любила. – Я заглянул узнать, как у вас дела, – сказал Хэмптон. – Монт-Роял теперь ваш.

– Только отчасти. Он мне не принадлежит.

Хэмптон удивленно вскинул брови, и Мадлен объяснила, что Тиллет Мэйн оставил плантацию своим сыновьям Орри и Куперу в совместное владение. Он поступил так, несмотря на свои вечные ссоры с Купером из-за рабства; в конце концов узы крови и традиции оказались в душе Тиллета сильнее, чем гнев или идейные разногласия. Как и большинство людей своего возраста и времени, он рассчитывал только на сыновей, так как ценил свою собственность, а деловые и финансовые способности женщин считал, мягко говоря, сомнительными. Составляя завещание, он не позаботился оставить своим дочерям Эштон и Бретт ничего, кроме символических сумм, посчитав, что дочерей должны обеспечить их будущие мужья. Кроме того, в завещании было прописано, что в случае смерти одного из братьев его доля в наследстве перейдет к оставшемуся в живых.

– Так что теперь Купер – единственный владелец, – добавила Мадлен. – Но он любезно позволил мне жить здесь в память об Орри. Мне оставлено управление плантацией и доход с нее на все время, пока Купер является собственником и пока я выплачиваю долг по закладной. Кроме того, все текущие расходы также возложены на меня, но такие условия, на мой взгляд, вполне справедливы.

– Вы закрепили это соглашение? Я имею в виду, с юридической точки зрения?

– Да, конечно. Всего через несколько недель после того, как пришло известие о смерти Орри, Купер оформил договор письменно. Причем составлен он на безотзывной основе.

– Ну, если учесть то, как каролинцы ценят семейные узы и семейную собственность, думаю, Монт-Роял будет принадлежать Мэйнам вечно.

– Да, я в этом уверена. К сожалению, пока особого дохода нет и в ближайшее время не предвидится. Так что на ваш вопрос о том, как наши дела, могу лишь ответить: выживаем.

² Колумбия – столица штата Южная Каролина.

– Полагаю, это лучшее из того, на что мы все можем рассчитывать в такое сложное время. Моя дочь Салли в этом месяце выходит замуж за полковника Джонни Хаскелла. Это событие хоть немного развеет мрак. – Он отпил из чашки. – Очень вкусно! А что слышно от Чарльза?

– Два месяца назад от него пришло письмо. Написал, что собирается вернуться в армию. Где-то на Западе.

– Насколько я знаю, сейчас многие конфедераты так поступают. Надеюсь, к нему отнесутся по-человечески. Он был одним из моих лучших разведчиков. Железные скауты – так мы их называли. Чарльз был достоин такого прозвища, хотя, признаюсь, к концу войны его поведение меня порой настораживало.

– Я тоже это заметила, когда он весной приезжал домой, – кивнула Мадлен. – Война сильно его травмировала. Он очень любил одну женщину в Виргинии, а она умерла, когда рожала его сына. Теперь мальчик с ним.

– Семья – одно из немногих лекарств от боли... – пробормотал Хэмптон и глотнул еще кофе. – А теперь все-таки расскажите мне, как вы живете.

– Как я и сказала, генерал: выживаем. О моем происхождении никто не вспоминает, так что хотя бы от этой темы я, слава Богу, избавлена.

Говоря это, она смотрела на генерала, словно желая испытать его, однако красное от заходящего солнца лицо Хэмптона осталось невозмутимым.

– Да, конечно, я об этом слышал. Это не имеет никакого значения.

– Спасибо.

– Мадлен, я ведь не только о Чарльзе заехал спросить, но и сделать одно предложение. Мы все попали в трудные обстоятельства, но вы противостоите им в одиночку. По дорогам штата сейчас бродят толпы не слишком щепетильных людей обеих рас. Если вам когда-нибудь понадобится укрыться от всего этого или ваша ежедневная борьба за жизнь по каким-то причинам станет вдруг невыносимой и вам захочется просто отдохнуть, приезжайте в Колумбию. Наш с Мэри дом всегда открыт для вас.

– Вы очень добры, – ответила Мадлен. – Значит, по-вашему, этот хаос в Южной Каролине еще надолго?

– Скорее всего. Но мы сможем приблизить его окончание, если будем высказываться за единственно правильный путь.

– И что это за путь? – вздохнула Мадлен.

Генерал посмотрел на реку, испещренную солнечными бликами:

– Несколько чарльстонских джентльменов предложили мне возглавить экспедицию в Бразилию, чтобы основать там рабовладельческое поселение. Я отказался. Сказал, что мой дом здесь и я не хочу больше делить Америку на Север и Юг. Мы боролись, но проиграли, поэтому вопрос разделенной нации на континенте закрыт. Тем не менее здесь, в Южной Каролине, мы столкнулись с очень большой проблемой, связанной с неграми. Их положение изменилось. Как нам теперь вести себя по отношению к ним? На мой взгляд, раз негры были преданы нам, пока жили в рабстве, будет справедливо отнести к ним как к свободным людям. Мы должны гарантировать им правосудие в наших судах. Должны разрешить им торговать так же, как и белым, если у них есть для этого способности. Если мы так поступим, они перестанут бродить по дорогам и снова станут считать Каролину своим домом, а белых – своими друзьями.

– Вы действительно в это верите, генерал?

Он слегка нахмурился, возможно от досады:

– Верю. Только безоговорочная справедливость и милосердие могут смягчить положение, сложившееся в штате.

– Должна заметить, вы настроены намного великодушнее к чернокожим, чем большинство.

– Ну, этот вопрос для нас ведь не только нравственный, но и практический. Наша земля разорена, дома сожжены, деньги и ценные бумаги ничего не стоят, а солдаты живут с нами под одной крышей. Стоит ли нам еще больше ухудшать свое положение, притворяясь, что наше дело не проиграно? Что оно и теперь может каким-то образом восторжествовать? Думаю, оно было проиграно с самого начала. Я держался в стороне от специального съезда тысяча восемьсот шестидесятого года, потому что уже тогда считал отделение южных штатов абсолютным безумием. Неужели мы собираемся опять оживлять старые иллюзии? Неужели хотим навлечь на себя новые беды, сопротивляясь благородным усилиям по восстановлению Союза?

– Очень многие намерены именно сопротивляться, – заметила Мадлен.

– Я тоже буду сопротивляться, если джентльмены вроде мистера Стивенса и мистера Самнера попытаются навязать мне социальное равноправие с неграми. В остальном если Вашингтон и все мы проявим благоразумие, то сможем восстановить страну. А если будем цепляться за старые безумные идеи, начнется новая война, только уже иного свойства. – Генерал снова тяжело вздохнул и, немного помолчав, добавил: – Надеюсь, здравый смысл все-таки победит. – Он встал и сжал двумя ладонями руку Мадлен. – Не забывайте о моем предложении. У нас вы всегда найдете убежище.

Мадлен, поддавшись внезапному порыву, поцеловала его в щеку:

– Вы очень добрый человек, генерал. Благослови вас Бог!

Он сел на своего прекрасного жеребца и вскоре исчез в конце тенистой аллеи, где она сливалась с речной дорогой.

На закате Мадлен прогуливалась по бурому рисовому квадрату, думая о словах Хэмптона. Для человека гордого и побежденного он обладал на удивление широкими взглядами. И он был прав насчет тяжелого положения Южной Каролины. Если этот штат, как и весь Юг, снова вернется к старому, радикальные республиканцы наверняка решат отплатить тем же.

Неожиданно ее нога, обутая в сандалию, которую она сама смастерила из куска кожи и веревки, наткнулась на что-то твердое. Покопавшись в песчаной почве, она обнаружила довольно большой камень размером с две ее ладони. Они с Шерманами уже не раз находили подобные камни, когда готовили к посеву четыре квадрата рисового поля, и каждый раз удивлялись. Камни в их краях попадались нечасто.

Она смахнула с него землю. Желтоватый, с коричневыми прожилками, камень казался пористым. С небольшим усилием Мадлен разломила его пополам. Но ведь камни не ломаются так легко, а если это не камень, тогда что же?

Мадлен поднесла половинки ближе к лицу. С возрастом зрение у нее быстро ухудшалось. Раньше она никогда не разламывала эти странные камни, которые попадались им в поле, поэтому была не готова к ужасному запаху. Ее чуть не вырвало. Отбросив куски в сторону, она поспешила назад к сосновому домику, и ее тень бежала впереди по земле – такой же красной, как пролитая кровь.

Мне бы очень хотелось поверить, как верит генерал Хэмптон, что наши люди поймут, насколько мудрее и выгоднее вести себя справедливо по отношению к освобожденным неграм. Мне бы очень хотелось поверить, что жители Каролины окажутся достаточно рассудительными и здраво посмотрят на поражение и его последствия. Но я не могу. Мрачные предчувствия снова одолевают меня.

Сегодня вечером я разломила один из тех странных камней, которые ты однажды показывал мне еще перед войной. Какая отвратительная вонь!.. Даже наша земля прокисла и гниет. Я увидела в этом знак. Увидела будущее, надвигающееся на нас, – горькое и ядовитое.

Прости меня, Орри; не нужно было писать все это.

Глава 2

В сумерках того дня, когда Хэмптон приезжал в Монт-Роял, в Нью-Йорке из-за угла Чемберс-стрит выбежала молодая женщина. Одной рукой она придерживала шляпку, другой сжимала листы бумаги, заполненные подписями.

Начался мелкий дождь. Девушка быстро спрятала листы под мышку, чтобы защитить их. Впереди показалось здание театра Вуда «Новый Никербокер», куда она так торопилась. Сейчас театр был закрыт между спектаклями, а на половину восьмого владелец назначил репетицию, и она уже опаздывала.

Впрочем, по вполне уважительной причине. У нее всегда была причина, и всегда такая же важная, как и ее занятие. Так ее воспитали. С пятнадцати лет она была активным борцом за отмену рабства, и все эти годы до своих девятнадцати постоянно за что-нибудь боролась: то за равные права для женщин, то за право голосовать, то за смягчение бракоразводных законов, хотя сама еще не побывала замужем. Нынешним ее делом, ради которого она весь день собирала подписи у театрального люда, стали индейцы, особенно племя шайеннов, подвергшееся жестокой резне в Сэнд-Крик в прошлом году. Петицию предполагалось отправить в конгресс и в Индейское бюро при министерстве внутренних ресурсов с требованием выплаты компенсации выжившим индейцам и наказания полковника Чивингтона, виновного в этом чудовищном преступлении.

Девушка свернула налево, в темный переулок, ведущий к служебному входу. Она работала на Клавдия Вуда всего полторы недели, но уже столкнулась с его ужасным характером. К тому же он пил. От него пахло почти на каждой репетиции.

Вуд увидел ее в роли Розалинды в театре на Арч-стрит в Филадельфии и предложил очень хорошие деньги. Ему было примерно лет тридцать пять, и он очаровал ее своими прекрасными манерами, чарующим голосом и светским видом. Но теперь она уже начинала жалеть о том, что оставила трупку миссис Дрю и подписала с Вудом контракт на полный сезон.

Луиза Дрю сама подтолкнула ее к такому решению, сказав, что это может стать большим шагом вперед в ее карьере, однако предупредила:

– У тебя талант, Уилла. Но ты должна помнить: в Нью-Йорке полно всякого сброда. У тебя есть там друзья, знакомые, к кому можно обратиться в случае необходимости?

– Эдди Бут, – немного подумав, ответила Уилла.

– Ты знаешь Эдвина Бута?

– Да. Они с моим отцом играли в одной труппе на золотых приисках, когда я была совсем маленькой и мы жили в Сент-Луисе. За эти годы я видела Эдди несколько раз. Но он живет очень замкнуто, с тех пор как его брат Джонни убил президента. Я бы ни за что не стала его беспокоить из-за какой-нибудь ерунды.

– Это ничего, главное, что он есть... – Миссис Дрю замаялась. – И будь поосторожнее с мистером Вудом, Уилла. – В ответ на вопрос девушки она не стала вдаваться в подробности, добавив только: – Ты сама увидишь, что я имела в виду. Мне не хочется дурно отзываться о ком-то из коллег. Но у некоторых актрис – самых хорошеньких – были с ним неприятности. Тебе не стоит из-за этого упускать свой шанс, просто будь осторожна.

Девушку, которая торопливо шла по переулку, звали Уилла Паркер. Высокая и длинноногая, она была достаточно стройна, чтобы сыграть юношу, и в то же время ее нежная, полная грудь идеально подходила для роли Джульетты. У нее были широко расставленные, слегка раскосые голубые глаза, придававшие ее внешности несколько необычный вид, и очень светлые волосы, которые казались серебряными, когда она стояла на авансцене в огнях рампы. Миссис

Дрю ласково называла свою любимицу сорванцом, а Джон, ее обаятельный муж-ирландец, – прекрасным эльфом.

Кожа у Уиллы была гладкой и чистой, рот довольно крупным, а четкая линия подбородка придавала лицу волевое выражение. Иногда она чувствовала себя лет на сорок, потому что ее мать умерла, когда ей было три года, отец – когда исполнилось четырнадцать, а с шести лет девочка уже постоянно выходила на подмостки. Она была единственным ребенком женщины, которую совсем не помнила, и вольнодумца-актера, не мыслящего себя без театра. Отца она нежно любила, пока он не умер от сердечного приступа прямо на спектакле в сцене бури из «Короля Лира».

Питер Паркер принадлежал к той когорте актеров, которые обожают свое занятие и полностью отдаются ему, хотя уже в молодости понял, что не блещет особым талантом и его имя никогда не напечатают крупным шрифтом над названием пьесы. Начал он с детских ролей в родной Англии, потом дорос до более взрослых, сделанных в величавом стиле классицизма в духе семьи Кембл и миссис Сиддонс. В двадцать с небольшим он играл с самим Кином, отбившим у него охоту к декламационной манере классицизма, заразив своей неповторимой естественностью на сцене, которая поощряла актера делать все, что полагалось по роли, даже кататься с криками по полу.

Именно после первого выступления с Кином он навсегда отказался от фамилии Поттс, полученной при рождении. Устав от вечных плоских шуточек актерской братии, когда его называли то Цветочным Горшком, то Ночной Вазой³, он взял фамилию Паркер как наиболее безобидную и подходящую для запоминания. Уилла знала настоящую фамилию отца и всегда смеялась над ней, но себя с самых юных лет считала только Паркер, и никак иначе.

Паркер успел научить дочь секретам актерского мастерства и разным стилям игры, а также объяснил, что настоящий актер непременно должен обладать силой, быть идеалистом, знать назубок все театральные приметы и взращивать в себе защитный оптимизм, чтобы выжить в этой профессии. И теперь, входя в театр, Уилла призвала на помощь весь запас своего оптимизма и убедила себя, что ее опоздание не вызовет гнева мистера Вуда.

В маленьком темном коридоре она почти столкнулась с пожилым сторожем, который втискивался в клеенчатый плащ.

– Он у себя в кабинете, мисс Паркер. Зовет вас каждые пять минут.

– Спасибо, Джо...

Тут уж не до оптимизма.

Сторож позвякивал ключами, готовясь что-то запереть. Он уходил рано. Наверное, Вуд отпустил его.

Уилла побежала через пространство за сценой, лавируя между связками некрашенных веток, которые в грядущей постановке должны были изображать Бирнамский лес, идущий войной на Дунсинанский замок. В воздухе висел запах свежей древесины, старого грима и пыли. Впереди сквозь полуоткрытую дверь сочился свет. Уилла услышала зычный голос Вуда:

– «Пора! Сигнал мне колоколом подан. Дункан, не слушай: по тебе звонят и в рай провождают или в ад»⁴. – Он повторил: «или в ад» еще раз, уже с другой интонацией.

Уилла замерла перед кабинетом, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Ее наниматель репетировал слова одного из главных персонажей и делал это не на сцене. Большинство актеров искренне верили, что эта шекспировская пьеса приносит несчастье, хотя находились и такие, кто считал разбитые головы, сломанные руки или ноги, а также неудачные падения всего лишь следствием большого количества драк по ходу пьесы, а не злым роком. И все же легенда о тяготеющем над пьесой проклятии существовала. Как и многие другие актеры и актрисы,

³ *Поттс* (от *англ.* *pot*) – в переводе означает «горшок».

⁴ У. Шекспир. Макбет. Здесь и далее перевод Б. Пастернака.

Уилла посмеивалась над этим суеверием, но относилась к нему с уважением. Она никогда не произносила слово «Макбет» за кулисами и всегда называла сочинение Шекспира просто шотландской пьесой, потому что даже только произнести название пьесы означало навлечь на себя невезение.

Уилла огляделась, всматриваясь в темноту. Где же остальные актеры труппы, которые тоже должны быть на репетиции, как она предполагала? В наступившей тишине послышался только тихий писк, – наверное, мяукнула кошка, жившая в театре. Уилле захотелось убежать.

– Кто там?

Тень Клавдия Вуда появилась у двери раньше его самого. В следующую секунду узкая полоса газового света резко расширилась, выхватив Уиллу с петицией в руке.

Галстук Вуда был развязан, жилет расстегнут, рукава рубашки закатаны. Он хмуро уставился на девушку:

– Назначено когда было? Ты опоздала на сорок минут.

– Простите меня, мистер Вуд. Я упала по дороге.

– А это что? – Он увидел листы с подписями. – Твой очередной крестовый поход? – Он испугал девушку, вырвав у нее листы. – О Боже! Бедные индейцы! Только уж будь добра – не при мне. Входи, надо работать.

Едва уловимая тревога словно подсказывала Уилле, что нужно бежать из пустого, безмолвного театра и от этого крепкого мужчины, бывшая красота которого уже уступала место красным сеточкам сосудов на щеках и крупном носу. Но ей отчаянно хотелось сыграть трудную роль, которую он ей предложил. На самом деле для этой роли требовалась актриса постарше и поопытнее, но если она справится, то ее карьера сразу пойдет вверх.

И все же...

– А разве больше никто не придет?

– Не сегодня. Я решил, что наши с тобой диалоги следует проработать более тщательно.

– Тогда давайте пойдем на сцену. Ведь это все-таки шотландская пьеса.

Его низкий смех заставил Уиллу почувствовать себя маленькой и глупой.

– Уверен, на самом деле ты не веришь во всю эту чушь! Ты ведь такая умная, знакома со множеством передовых идей. – Он шелкнул по листам ногтем, потом протянул их девушке. – Пьеса называется «Макбет», и я буду повторять свою роль везде, где захочу. Так что входи, и начнем.

Он повернулся и ушел в кабинет. Уилла последовала за ним, отчасти понимая, что он прав и тревожиться из-за суеверий как-то очень по-детски, но Питер Паркер наверняка беспокоился бы не меньше, чем она.

Где-то наверху загрохотал гром – гроза усиливалась. Испуганный актерский ребенок, живший в душе Уиллы, уже не сомневался, что на Чемберс-стрит собираются зловещие силы. Когда она шла за своим нанимателем, у нее похолодели руки.

– Сними шаль и шляпку. – Вуд передвинул стулья, освобождая место на потертом ковре.

Его кабинет напоминал лавку старьевщика, набитую антикварной мебелью и искусственными растениями в горшках всех размеров и форм. На стенах висели афиши постановок театра «Новый Никербокер». Голдсмит, Мольер, Бусико, Софокл. Огромный письменный стол был завален счетами, текстами пьес, контрактами и разным театральным хламом. Вуд отодвинул в сторону эмалевый бутафорский кинжал Макбета – металлический, но с закругленным концом – и налил в стакан виски из графина на два дюйма. Зеленые колпаки на газовых лампах как будто делали комнату темнее, вместо того чтобы освещать ее.

Нервно, Уилла положила подписанные листы на плюшевое кресло. Сверху пристроила перчатки, на них – шаль и шляпку. Все это она сложила аккуратной стопкой, чтобы в случае чего можно было быстро схватить. Еще в двенадцать лет в ней стала проявляться женская привлекательность, и вскоре уже многие мужчины, служившие в театре, начали заглядываться

на ее красоту. Уилла научилась держать их на расстоянии с помощью незлобных шуток, хотя порой требовалась и физическая сила. Спастись бегством приходилось довольно часто, и она стала в этом большим специалистом.

Вуд подошел к двери и закрыл ее:

– Итак, моя дорогая. Первый акт, сцена седьмая.

– Но мы ее репетировали вчера.

– Я недоволен. – Он повернулся к девушке. – Замок Макбета. – Он с усмешкой протянул руку и медленно провел ладонью по ее шелковому рукаву. – Начинаем со слов леди Макбет, где она говорит: «Кормила я».

Последние слова он произнес с явным наслаждением. Свет упал на его влажную нижнюю губу. Уилла старалась подавить страх и грустное отчаяние. Теперь было совершенно очевидно, слишком очевидно, что Вуд все это время желал ее, что только поэтому предложил ей роль, для которой больше подходили актрисы постарше. Именно на это туманно намекала миссис Дрю, вместо того чтобы сказать напрямую. Такое внимание ничуть не льстило девушке, а только расстраивало ее. Если такой была цена за дебют в Нью-Йорке, то и черт с ним – она не станет платить.

– Начинай, – повторил Вуд хриплым голосом, насторожившим ее, и снова погладил девушку по руке.

Она попыталась отодвинуться, но он сразу шагнул следом, обдавая ее запахом бурбона.

– «Кормила я и знаю...» – Уилла сбилась, – «что за счастье держать в руках сосущее дитя...»

– А ты и вправду знаешь? – Он наклонился и поцеловал ее в шею.

– Мистер Вуд!..

– Продолжай!

Он схватил девушку за плечи, встряхнул, и тут ее охватил леденящий ужас. В черных глазах Вуда она увидела нечто большее, чем просто гнев. Она увидела желание причинять боль.

– «Но если б я дала такое слово, как ты, – клянусь, я вырвала б сосок из мягких десен...»

Ладонь Вуда скользнула с ее руки к левой груди и сжала ее.

– Но из моего рта ты не стала бы его вырывать, ведь так?

Уилла топнула высоким зашнурованным ботинком:

– Послушайте, я актриса! Я не желаю, чтобы со мной обращались как с уличной девкой!

Вуд схватил ее за руку:

– Я плачу тебе жалованье. И ты будешь тем, кем я велю тебе быть. Моей шлюхой в том числе.

– Нет! – огрызнулась Уилла, вырывая руку.

Вуд замахнулся и ударил ее кулаком в лицо. Девушка упала.

– Ах ты, тварь белобрысая! Ты дашь мне то, чего я хочу! –левой рукой он схватил Уиллу за волосы, заставив закричать от боли, и тут же ударил правым кулаком в плечо, потом еще раз. – Ясно тебе?

– Отпустите меня! Вы пьяны! Сумасшедший!

– Заткнись! – Он залепил ей пощечину, такую сильную, что Уилла отлетела назад и ударилась головой о письменный стол. – Подними юбку!

В глазах Уиллы плясали искры. Голова раскалывалась от боли. Она протянула руку, пытаясь нащупать какой-нибудь тяжелый предмет на столе.

– Подними юбку, черт тебя подери, или я так тебя изобью, что ходить не сможешь!

Замирая от страха, Уилла вдруг наткнулась пальцами на что-то твердое – бутафорский кинжал. Вуд потянулся к ее запястью, но схватить не успел. Девушка внезапно размахнулась и ударила его. Хотя кинжал был тупым, он порвал клетчатую ткань его штанов, потому что

Уилла вложила в этот удар всю силу. Она почувствовала, как кинжал уткнулся в тело, замер на секунду, а потом погрузился в него.

– Боже... – выдохнул Вуд, двумя руками схватился за кинжал, который на пару дюймов воткнулся в его левое бедро, и выдернул клинок, заливая пальцы кровью. – Боже правый! Да я убью тебя!

Не помня себя от ужаса, Уилла отпихнула его обеими руками, Вуд опрокинулся набок. Он орал и ругался, грохнувшись на искусственную пальму в горшке. Уилла бросилась к креслу, схватила свои вещи и, выбежав из кабинета, помчалась по темным коридорам. У двери она кое-как справилась с засовом и чуть не упала в залитый дождем переулок, ожидая услышать позади топот его ног.

Я (такой-то), перед лицом Господа Всемогущего, торжественно клянусь, что с этого момента и впредь буду преданно поддерживать, охранять и защищать конституцию Соединенных Штатов и союз штатов, а также поддерживать и соблюдать все законы и манифесты, касающиеся освобождения рабов и выпущенные во время мятежа. И да поможет мне Бог!

Клятва, которую были обязаны дать все бывшие конфедераты, просившие помилования у президента, 1865 год

Глава 3

– Я должен дать такую клятву? – спросил Купер Мэйн.

Он специально проехал верхом до самой Колумбии, чтобы решить этот вопрос, и теперь внезапно засомневался.

– Если вам нужно помилование, – кивнул адвокат Трезевант, сидевший по другую сторону хлипкого столика, заменявшего ему письменный стол.

Его контора сгорела во время большого пожара семнадцатого февраля, и пока он арендовал комнату в похоронном бюро Реверди Бёрда в восточной части города, которую пламя пощадило. Самое большое помещение мистер Бёрд переделал под магазин, где продавал пробковые ноги, деревянные костыли и стеклянные глаза для искалеченных ветеранов. Гул голосов в лавке говорил о бойкой торговле этим утром.

Купер уставился на рукописный текст клятвы. В давно не стриженных волосах этого долгового человека было уже полно седины, хотя ему едва исполнилось сорок пять. От скудной пищи он стал еще более худым, чем был раньше, а от тяжелой работы по шестнадцать часов кряду под глубоко посаженными глазами залегли темные круги. Все свои силы Купер посвящал тому, что восстанавливал склады и причалы «Каролинской морской компании», чтобы она снова начала свою работу в Чарльстоне.

– Слушайте, я понимаю ваше негодование, – сказал Трезевант, – но если сам генерал Ли унизился до принятия этой клятвы, а он это сделал на прошлой неделе в Ричмонде, то и вы сможете.

– Милуют за какое-то преступление, а я не сделал ничего плохого.

– Я-то с вами согласен, Купер. А вот федеральное правительство, к несчастью, нет. Так что, если вы хотите возродить свое дело, вам придется освободить себя от бремени, вызванного вашей службой в военно-морском министерстве Конфедерации. – Купер что-то невнятно проворчал, и Трезевант продолжил: – Я сам ездил в Вашингтон и, в известной степени, могу доверять этому агенту по делам помилования, хотя он и адвокат, да к тому же янки. – Это было произнесено с горьким юмором. – Зовут его Джаспер Диллс. Его жадность дает мне уверенность в том, что ваше прошение попадет к помощнику мистера Джонсона по делам помилования раньше многих других.

– И за сколько?

– За двести долларов США или за их эквивалент в фунтах стерлингов. Мой гонорар – пятьдесят долларов.

Купер немного подумал:

– Хорошо, давайте бумаги.

Они проговорили еще полчаса. Трезевант рассказал последние вашингтонские сплетни. По слухам, Джонсон собирался назначить временного губернатора Южной Каролины, которому предстояло созвать конституционный конвент и восстановить легислатуру штата в том виде, в каком она существовала до падения форта Самтер. Выбор Джонсона оказался вполне предсказуемым. Это был судья Бенджамин Франклин Перри из Гринвилла, открытый юнионист до войны. Как и генерал Ли, Перри заявил о своей преданности родному штату, несмотря на ненависть к сецессии, и провозгласил: «Все вы кáтитесь к дьяволу – ну и я с вами».

– Для восстановления своей работы легислатуре придется выполнить все требования мистера Джонсона, – сказал Трезевант. – Например, официально отменить рабство. – (Хитрый взгляд юриста насторожил Купера, тот явно припас что-то еще.) – Но в то же время они смогут... э-э... управлять черными, чтобы у нас снова появилась рабочая сила, а не ленивый сброд.

– Как управлять?

– С помощью... ну, назовем это правилами поведения. Насколько я знаю, в Миссисипи сейчас подумывают о том же самом.

– Эти правила будут обязательными и для белых тоже?

– Нет, только для бывших рабов.

Купер понимал всю опасность такого провокационного шага, но моральная сторона его не волновала. Окончание войны принесло ему, его семье и всему штату сполна унижения и разрухи. Его больше не заботило, как будут жить люди, ответственные за это, – те, кому война принесла свободу.

Стоял жаркий июньский полдень. Старая кляча Купера медленно тащи́лась на юго-восток. На обратном пути к дому ему снова пришлось проехать через центр Колумбии. Он едва мог вынести это зрелище. В городе выгорело почти сто двадцать кварталов. В воздухе до сих пор висел густой запах обугленного дерева.

Грязные улицы были засыпаны мусором и обломками мебели. Из фургона, принадлежавшего Бюро по делам освобожденных, раздавали пакеты с рисом и мукой толпе, которая состояла в основном из чернокожих. Другие негры толпились на небольших отрезках уцелевших дощатых тротуаров. Купер увидел людей в военной форме и нескольких джентльменов в штатском, а вот ни одной хорошо одетой белой женщины не заметил. Так было везде. Такие женщины сидели по домам, потому что ненавидели солдат и боялись свободных негров. Его жена Юдифь была редким исключением, и это раздражало Купера.

Деревянный мост через реку Конгари разрушила армия генерала Шермана. Остались лишь каменные опоры, которые торчали из воды, как закопченные могильные плиты. С неспешного парома Купер смог хорошо разглядеть одно из немногих городских зданий, обойденных огнем, – недостроенную ратушу на восточном берегу. В одной из гранитных стен, словно жирные точки на листе бумаги, зияли три дыры от шермановских снарядов.

Это зрелище вызвало у Купера гнев. Как и вид сожженного заречного района, куда он добрался вскоре после того, как сошел с парома. Он ехал вдоль полосы выгоревшей земли шириной в три четверти мили. Здесь, между пылающими соснами, мародерствовала кавалерия Килпатрика, оставив за собой черную пустошь с одиноко торчащими печными трубами. Часовые Шермана – так их прозвали, и это было единственным, что сохранилось от домов, оказавшихся на пути того варварского похода.

На ночь Купер остановился в каком-то захудалом трактире за городом. В харчевне он избегал разговоров, но сам внимательно прислушивался к тому, что говорили доведенные до нищеты фермеры, потягивающие пиво вокруг него. Из их реплик можно было решить, что Юг выиграл войну или, по крайней мере, уж точно мог продолжать борьбу за свое дело.

Утром он поехал дальше; в воздухе висела жаркая дымка, обещающая очередное беспощадное лето в их краю. Купер ехал по размытым дорогам, которые никто не ремонтировал после того, как их разбили союзные обозы. Любому фермеру понадобилась бы крепкая новая повозка, чтобы преодолеть восьмидюймовые рытвины в песчаной почве и довести до рынка свой урожай, если бы урожай был, конечно. Вот только едва ли этот фермер сможет найти сейчас новую повозку или денег на ее покупку, со злостью подумал Купер.

Направляясь к Чарльстону и побережью, он пересек железнодорожную насыпь. Все рельсы исчезли, да и шпал почти не осталось. Белых он по дороге не встречал, зато дважды видел группы негров, шедших через поля. Сразу за деревушкой племени чикора, по дороге к реке Купер, Мэйн наткнулся на десяток чернокожих мужчин и женщин, собиравших на обочине дикие травы. Он сунул руку в карман старого сюртука и сжал рукоятку маленького пистолета, который купил специально для этой поездки.

Негры молча наблюдали за ним. На одной из женщин было красное бархатное платье с приколотой к груди овальной камеей. Купер подумал, что все это она, вероятно, украла у

какой-нибудь белой госпожи. Остальные были в лохмотьях. Купер взмок и еще крепче сжал пистолет в кармане, однако никто из них не шевелился.

Когда он проехал мимо, здоровенный негр в повязанном на голову красном платке вдруг выступил на дорогу за его спиной.

– Вы тут больше не главный, ясно вам? – громко сказал он.

Купер обернулся и уставился на негра:

– А с чего ты взял, что я им был? Почему бы вам всем не найти работу и не сделать что-нибудь полезное?

– Не надо нам работы, – ответила женщина в красном платье. – Вы нас не заставите и бить больше не сможете. Так-то вот. Мы теперь свободны!

– Свободны растратить свою жизнь в праздности. Свободны забывать своих друзей.

– Друзей? Это вроде вас, что ли? Тех, что в цепях нас держали? – ухмыльнулся негр с банданой на голове. – Езжайте-ка вы дальше, мистер, пока мы вас не стащили с вашей лошаденки и не наградили тем, что раньше сами получали от таких, как вы.

Стиснув зубы, Купер выхватил пистолет и направил его на негра. Женщина в бархатном платье взвизгнула и прыгнула в канаву. Остальные бросились врассыпную, кроме здоровяка в красном платке, который решительно шагнул к лошади Купера. И тут наконец Купер опомнился, ударил пятками несчастную клячу и поехал вперед.

Еще минут десять его била нервная дрожь. Да, Трезевант был прав. Законодатели должны что-то сделать, чтобы упорядочить поведение освобожденных рабов. Свобода превращалась в анархию. К тому же без рабочих рук Южная Каролина, с ее жарким и влажным климатом, может скоро перейти от тяжелой болезни к смерти.

Позже, уже успокоившись, он начал думать о том, что нужно сделать для возрождения паровой компании. К счастью, дополнительное бремя забот о Монт-Роял на его плечах не висело. Врожденная порядочность и благородство привели его к решению заключить договор с вдовой Орри, и теперь она полностью отвечала за плантацию, которой он владел на правах собственности согласно отцовскому завещанию. В Мадлен текла смешанная кровь, о чем все уже знали благодаря стараниям Эштон. Однако никто не заговаривал о ее происхождении и не заговорит впредь, если она будет вести себя как достойная белая женщина.

Грустные воспоминания о младших сестрах отвлекли Купера от мыслей о работе. Словно наяву он увидел перед собой их лица. Бретт вышла замуж за янки Билли Хазарда, и теперь, как она написала ему в своем последнем письме, они с мужем уехали в Калифорнию. Эштон связалась с какими-то заговорщиками, которые вынашивали нелепый план по смещению правительства Дэвиса, намереваясь поставить вместо него кучку каких-то хулиганов. Сестра пропала где-то на западе, и Купер точно не знал, жива ли она. Он не мог заставить себя сильно горевать о ней и не чувствовал себя виноватым. Эштон, с ее сложным характером, свойственным, вероятно, всем женщинам, обладающим большой красотой и большим самомнением, всегда вызывала в нем досаду и раздражение. А ее безнравственность была просто отвратительна.

Солнце опустилось к песчаным холмам за его спиной; дорога шла уже вдоль поблескивающих солончаков, до дому оставалось совсем немного. Как же он любил Южную Каролину, особенно побережье! Трагическая гибель сына превратила Купера в настоящего патриота, хотя он по-прежнему считал себя человеком умеренных взглядов во всех вопросах, кроме одного – наследственного превосходства белой расы и ее предназначения для управления обществом. Уже минут через десять ему предстояло встретиться с человеком, который ставил преданность Югу превыше всего, что только можно вообразить.

Звали его Дезмонд Ламотт. Выглядел он довольно нелепо. Когда он ехал на своем муле через солончаки вдоль берега реки Купер, его ноги свисали почти до самой земли. Руки тоже

были непомерно длинными. В курчавых волосах цвета моркови блестела неожиданная белая прядь – отметина прошедшей войны. Еще он носил аккуратно подстриженную эспаньолку такого же цвета, как волосы.

Происходил он из старого гугенотского рода, имеющего большое влияние среди местной аристократии. Девичья фамилия его покойной матери была Хугер – эта гугенотская фамилия произносилась как «Юги». Почти всех молодых мужчин в обеих семьях унесла война.

Родился Дез в Чарльстоне в 1834 году. К пятнадцати годам он уже вытянулся до шести футов четырех дюймов. Когда он растопыривал пальцы, расстояние от мизинца до большого пальца составляло десять дюймов, а ступня выросла до тринадцати. Так что было вполне естественно, что он, как любой упрямый и своевольный молодой человек с подобными физическими данными, решил стать учителем танцев.

Люди подняли его на смех. Но он был полон решимости и в конце концов преуспел. Это была старая и уважаемая профессия, особенно на Юге. Лицемерам Новой Англии священники всегда старались внушить отвращение к танцам, все равно к каким – будь то веселые пляски в корчмах, вокруг майского дерева, что вообще преподносилось как языческий ритуал, или любые другие танцы рядом с едой и выпивкой. Южане имели более просвещенные взгляды благодаря своей высокой культуре, духовному родству с английскими джентри, а также экономической системе – рабовладение давало им достаточно свободного времени, чтобы учиться танцевать. Вашингтон и Джефферсон – великие люди, великие южане, на взгляд Дезмонда, – были весьма неравнодушны к танцам.

С самых ранних лет что бы он ни делал – скакал верхом, фехтовал на рапире или лениво метал с детьми свободных негров Чарльстона подковы, – Дез Ламотт проявлял гибкость, необычную для любого мальчика и удивительную для того, кто рос так же стремительно, как он. Заметив эту его особенность, а также считая, что любой джентльмен обязан уметь танцевать, родители начали его учить уже с одиннадцати лет. Дез на всю жизнь запомнил суровые слова своего первого учителя танцев и позже повторял их уже собственным ученикам:

Школа танцев – это место не для развлечения, а для обучения. После хорошего обучения вы не просто станете прекрасными танцорами, но и прекрасными сыновьями и дочерьми, замечательными мужьями и женами, порядочными гражданами и добрыми христианами.

За пять лет до войны Дезмонд удачно и счастливо женился на мисс Салли Сью Минс из Чарльстона, открыл школу на Кинг-стрит, а также по три раза в год давал выездные уроки в семьях плантаторов побережья, всегда заранее сообщая в местных газетах о своем приезде. Недостатка в учениках он никогда не испытывал. Еще он немного учил мальчиков фехтованию, но в основном это были танцы – традиционная кадриль и шотландский рил, в котором пары выстраиваются в линию, не компрометируя себя слишком близким физическим контактом. Обучал он и более современным танцам из Европы – вальсу и польке, когда партнеры стоят лицом друг к другу, что многими рассматривалось уже как опасная близость. Один из епископальных священников Чарльстона в своих проповедях яростно повторял, что это мерзко, когда женщина позволяет мужчине, который ей не муж и даже не жених, обнимать себя за талию. Дез только смеялся. Он считал все танцы нравственными, потому что таковыми были и он сам, и его ученики.

Те пять лет, пока он преподавал, пользуясь стандартным руководством Рамбо «Учитель танцев», истрепанный экземпляр которого сейчас лежал в его седельной сумке, были просто волшебными. Несмотря на аболиционистов и угрозу войны, Ламотт проводил роскошные балы и приемы на плантациях, с наслаждением глядя на то, как красивые белые мужчины и женщины танцуют в свете свечей с семи вечера до трех-четырёх утра, уже едва дыша от усталости.

Венцом всего стал блистательный зимний сезон в Чарльстоне и большой бал в престижном Обществе святой Сесилии.

Знания Дезмонда о танцах были широки и разнообразны. Он видел, как двое мужчин танцевали на доске, поставленной между двумя бочками, пока один из них не падал. Наблюдал уходящие корнями в Африку танцы рабов, когда негры выделяли замысловатые коленца под аккомпанемент трещоток, сделанных из костей какого-нибудь животного, или скрежещущих железок, скрепленных вместе. Плантаторы обычно запрещали рабам пользоваться барабанами, так как опасались, что с их помощью негры смогут передать друг другу тайные сигналы с призывами к бунтам или поджогам.

Дезмонд давно мечтал приобрести портрет Томаса Д. Райса, великого белого актера, который в начале века восхищал публику выступлениями в образе своего чернокожего персонажа Джима Кроу. От каролинцев, побывавших на Севере, он слышал рассказы о скандально известных «трясущихся квакерах» и об экстатических танцах негритянских любовников, ставших танцами целого религиозного направления. Во время богослужения квакеры сначала вставали рядами друг против друга и, ставя одну ногу перед другой, совершали медленные вздрагивающие движения, призывая таким образом трепетать перед Господом и получить путь к спасению; а потом, образовывая три или более концентрических круга один в другом, поворачивались в противоположных направлениях, что должно было в их представлении изображать мироздание. Дез знал всю вселенную американского танца, хотя своим ученикам говорил, что любит только те, которым их учит.

Его вселенная разбилась с первым пушечным выстрелом по форту Самтер. Дез сразу записался в «Стрелки Пальметто», отряд, созданный его лучшим другом капитаном Феррисом Бриксхэмом. Из восьмидесяти человек, вступивших туда в самом начале, в апреле этого года в живых осталось лишь трое, после того как генерал Джо Джонстон окружил остатки армии конфедератов возле Дарем-Стейшн в Северной Каролине. В ночь перед капитуляцией какой-то сержант-янки с четырьмя своими солдатами схватили Деза и Ферриса, когда те искали пропитание, и жестоко избили их до потери сознания. Дез выжил, Феррис умер у него на руках через час после того, как офицеры сообщили о капитуляции. У Ферриса остались жена и пятеро маленьких детей.

Озлобленный, Дез Ламотт вернулся в Чарльстон, где его восьмидесятипятилетний дядя сообщил, что Салли Сю умерла в январе от пневмонии и постоянного недоедания. И как будто всего этого было недостаточно, весь род Ламоттов еще и опозорили члены другой семьи, жившей на берегах Эшли. Этого Дез уже не смог вынести и очень серьезно заболел. Почти целый месяц он провел как в бреду и ничего не мог вспомнить из того времени. Ухаживали за ним пожилые родственники.

И вот теперь он ехал на муле через солончаки, надеясь найти своих старых клиентов из прошлого или людей, кто мог в это тяжелое время позволить себе оплатить уроки для своих детей. Но никого не нашел. За ним ковылял его босой пятидесятилетний слуга, страдающий от артрита негр Джуба; у рабов это имя означало «музыкант». После войны Дез подписал с Джубой пожизненный контракт о персональной службе. Джуба был до смерти напуган новообретенной свободой, обрушенной на него легендарным Линкумом, и с готовностью поставил крестик на бумаге, которую не мог прочитать.

Джуба шагал в лучах солнца, положив одну руку на круп мула, на котором ехал человек, одержимый только двумя стремлениями: снова вернуться к любимой профессии, отнятой у него янки, и отомстить любому из тех, кто был виноват в его бедах, бедах его семьи и его родины.

С этим человеком и предстояло встретиться Куперу Мэйну.

Через впадину в солончаке лежал настил из желтых сосновых досок шириной тридцать дюймов, иначе здесь было ни пройти, ни проехать. Когда Купер заехал на него и продвинулся немного вперед, на другой стороне показался какой-то несуразный тип верхом на муле, в сопровождении угрюмого чернокожего раба.

На сухом холмике, футах в двадцати от переправы, лежал аллигатор, греясь на солнышке. Аллигаторов в прибрежных солончаках хватало. Этот был взрослым – двенадцать футов в длину и весом фунтов пятьсот. Потревоженный людьми, он скользнул в воду и затаился, только глаза без век торчали над водой, выдавая его медленное продвижение в сторону настила. Иногда аллигаторы могли быть опасными, если чувствовали сильный голод или угрозу от другого животного или от человека.

Купер его заметил. Он боялся аллигаторов, хотя видел их с самого детства. Иногда в ночных кошмарах ему снились их челюсти с длинными рядами зубов. Глаза подплыли ближе, Купер вздрогнул, но они вдруг погрузились под воду, и аллигатор уплыл прочь.

Молодой мужчина с рыжей эспаньолкой показался Куперу смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел. Вдруг он услышал с другого конца настила громкий голос:

– Уступите дорогу!

Раздраженный жарой, Купер начал было:

– Не вижу причины...

– Повторяю, сэр, уступите дорогу.

– Нет, сэр. Вы дерзки и самоуверенны, и я вас не знаю.

– Зато я вас знаю, сэр. – В глазах мужчины горел сдерживаемый гнев, но голос звучал спокойно, даже любезно, и это несоответствие заставило Купера занервничать. – Вы мистер Купер Мэйн, из Чарльстона. «Каролинская морская компания», плантация Монт-Роял. Мое имя Дезмонд Ламотт, сэр.

– Ах да... Учитель танцев. – С этими словами Купер решительно пустил клячу дальше по настилу.

Это вызвало эффект спички, брошенной в сухую траву. Дез тут же погнал своего мула вперед. Копыта гулко застучали по дереву. Мул испугал лошадь Купера, она шарахнулась в сторону и упала. Купер извернулся в воздухе, чтобы его не раздавило ее весом, и плюхнулся в мелководье рядом с ней, потом кое-как поднялся, целый, но весь измазанный в скользком иле.

– Да что с вами такое, Ламотт?

– Бесчестье, сэр. Бесчестье, вот что такое. Или в вашей семье уже забыли, что такое честь? Это понятие нематериальное, как солнечный свет, но от того не менее важное для жизни.

Мокрый с головы до ног и уже начинавший дрожать, несмотря на жару, Купер подумал: а все ли в порядке с головой у этого человека, может, он из один из тех, кого искалечила война?

– Клянусь Богом, я не понимаю, о чем вы говорите!

– Я говорю, сэр, о бедах, которые члены вашей семьи принесли моим родным.

– Я не сделал ничего плохого никому из Ламоттов.

– Зато другие, носящие вашу фамилию, сотворили греховные вещи. Вы все запятнали честь рода Ламоттов, позволив полковнику Мэйну наставить рога моему кузену Джастину. А перед тем как я вернулся домой, ваш беглый раб Каффи убил другого моего кузена, Фрэнсиса.

– Говорю же вам, лично я не имею к этому отношения...

– Мы держали семейный совет – те из нас, кто остался в живых, – перебил его Дез, – и я рад, что встретил вас здесь. Это избавляет меня от необходимости разыскивать вас в Чарльстоне.

– Зачем?

– Сообщить, что Ламотты решили вернуть долг чести.

– Не говорите ерунды. Дуэли запрещены законом.

– Я говорю не о дуэли. Мы воспользуемся другими средствами, в то время и в том месте, какое выберем сами. Но мы отдадим этот долг.

Купер потянулся к уздечке мокрой лошади. Ему хотелось поднять на смех этого безумца, но его остановило выражение глаз Ламотта.

– Мы поквитаемся с вами, мистер Мэйн, или с черномазой вдовой вашего братца, а то и с вами обоими. Будьте уверены.

Он поехал дальше, копыта мула грохотали по дощатому настилу, как выстрелы. Добравшись до твердой земли, он двинулся вперед, ни разу не оглянувшись. Сутулый слуга тащился следом.

Купер снова содрогнулся и повел свою лошадь из воды.

Позже тем же вечером, в своем доме на Традд-стрит, рядом с набережной Бэттери, он рассказал об этом происшествии жене. Юдифь только рассмеялась.

– Он не шутил! – рассердился Купер. – Ты его не видела, а я видел. Не все вернулись с войны в здравом уме. – Он не заметил печального взгляда жены и не вспомнил, в каком состоянии находился сам долгое время после смерти сына. – Нужно написать Мадлен и предостеречь ее.

ТЕАТР «ЗИМНИЙ САД»

Бродвей, между Бликер-стрит и Эмити-стрит

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ,

в семь тридцать

спектакль «РИШЕЛЬЕ, или ЗАГОВОР»

В ролях: Эдвин Бут,

Чарльз Бэррон, Дж. Эйч. Тэйлор, Джон Дайотт,

У. А. Дональдсон, С. Кембл Мейсон,

мисс Роуз Эйтанж, миссис Мэри Уилкинс и другие

Глава 4

Уилла внезапно проснулась. Она услышала шум и чей-то голос, но не могла понять, откуда они звучат.

Снова нахлынули воспоминания. Клавдий Вуд, кинжал Макбета... Она вспомнила, как бежала по Чемберс-стрит под дождем, как поскользнулась, упала на перекрестке и едва не попала под двуколку, быстро выехавшую из-за угла. Лишь через четыре квартала она решилась оглянуться и посмотреть на тускло освещенную фонарями улицу.

Вуда нигде не было. И вообще никакой погони. Она снова повернулась и побежала дальше.

Шум оказался стуком в дверь. Голос принадлежал какому-то незнакомому мужчине.

– Мисс Паркер, хозяйка видела, что вы вернулись. Откройте дверь, или я вышибу ее!

– Сломаете хорошую дверь? Я вам не позволю!

Это был голос владелицы дома. Чуть раньше, когда Уилла вбежала в переднюю с залитой дождем улицы, эта ведьма зыркнула на нее свирепым взглядом из столовой, где она, вместе с четырьмя потрепанными джентльменами, занимавшими другие комнаты, сидела за столом, накрытым убогой пищей.

Чтобы поскорее сбежать от этих враждебных глаз, Уилла торопливо поднялась по лестнице к своей комнатухе с крошечным альковом, где хранились ее книги, театральные афиши и два сундучка с одеждой. Оказавшись внутри, она закрыла дверь на задвижку и, дрожа с головы до ног, упала на кровать. Так она лежала примерно с час, прислушиваясь к каждому шороху, пока наконец не заснула.

Она услышала, как мужчина за дверью говорит хозяйке:

– Я уже все сказал. Эту девушку требуют на допрос в связи с нападением на ее нанимателя. – Он снова заколотил в дверь. – Мисс Паркер!

Уилла сжалась в комок, затаив дыхание.

– Это полиция! – закричал мужчина. – В последний раз прошу вас открыть дверь!

Уилла была уже одета. Она быстро взглянула на альков, словно прощаясь со своим скромным имуществом. Потом схватила шаль и подняла окно. Мужчина в коридоре услышал это и начал выбивать дверь плечом.

Замирая от страха, Уилла выбралась на карниз, присела, ухватившись за него обеими руками, а потом разжала их и полетела вниз, в мокрую черноту. Сверху раздался злобный крик, когда дверь ее комнаты разлетелась в щепки.

– О Боже... Боже... Мне никогда еще не приходилось испытывать такого, Эдди!

– Ну-ну, успокойся...

Он прижал девушку к плечу. Прикосновение к мягкому бархату его домашней куртки подействовало на нее успокаивающе. Пока сохла ее собственная одежда, Уилла надела один из халатов Эдди, из золотистого шелка, очень уютный и подходящий ей по размеру. Ее друг был некрупным мужчиной. Прядь светлых волос упала ей на лоб. Босые ноги она поставила на низенькую скамеечку перед креслом, и Эдди туго бинтовал ее левую лодыжку, которую Уилла растянула, когда прыгнула из окна. Нога очень болела, пока она добиралась до роскошного особняка Бута на Восточной Девятнадцатой улице, 28.

– Тот полисмен чуть не схватил меня. Его ведь послал Вуд, правда?

– Без сомнения, – кивнул Бут.

Это был стройный и красивый тридцатидвухлетний мужчина с роскошным голосом, который критики называли великолепным инструментом. Во взгляде его выразительных глаз словно застыла постоянная боль.

Дождь снаружи все не прекращался, быстрые струи воды стекали по высоким окнам дома. Было половина второго ночи. Уилла дрожала в шелковом халате, а Бут продолжал:

– Вуд – отвратительный тип. Позор нашей профессии. Он слишком много пьет. Поверь мне, я в этом понимаю. Но в соединении с его мерзким характером получается ужасный результат. В прошлом году он чуть не искалечил человека, управлявшего газовым светильником, когда тот осветил сцену не совсем так, как он хотел. А еще его покойная жена...

– Я и не знала, что он был женат.

– Он об этом не говорит, и не без причины. Когда они плыли на пароходе в Лондон, чтобы заключить какой-то контракт, начался шторм, его жена поскользнулась на палубе, упала в море и исчезла. Вуд оказался единственным свидетелем, хотя позже кто-то из стюардов утверждал, что в утро происшествия у Хелен Вуд были синяки на щеке и руке, которые она пыталась скрыть с помощью пудры. Другими словами, он ее избил.

– А умеет быть таким обаятельным... – огорченно вздохнула Уилла. – Какой же я была глупой, что попалась!

– Не вини себя. Его обаяние одурачило многих. – Бут похлопал ее по плечу и встал. Он был в черных брюках и крошечных домашних туфлях; ноги у него были меньше, чем у Уиллы. – Да ты совсем продрогла. Давай-ка я налью тебе немного коньяка. Всегда держу в доме, хотя сам не притрагиваюсь.

Как и вообще к спиртному – она знала об этом. Когда в 1863 году его жена Мэри умирала, Бут был слишком пьян, чтобы откликнуться на просьбы друзей поспешить к ней. Эта страница прошлого тяготила его почти так же сильно, как фатальная ночь в театре Форда.

Уилла смотрела на дождь за окном, пока Бут наливал коньяк в бокал и согревал в ладонях.

– Завтра же утром попытаюсь узнать, что Вуд намерен предпринять теперь, когда ты сбежала от полиции, – сказал он, протягивая девушке бокал; уже вскоре приятное тепло разлилось по ее телу, и страх начал постепенно отступать. – Кстати, я бы не рассчитывал, что он так просто сдастся. Среди прочих его прекрасных качеств мстительность не на последнем месте. У него много друзей среди местных импресарио. Так что работы в Нью-Йорке ты точно не найдешь, и это в лучшем случае.

Уилла пошевелила пальцами босых ног. Лодыжка болела уже меньше. В камине потрескивали яблоневые поленья, наполняя гостиную сладким ароматом. Пока Уилла допивала коньяк, Бут грустно смотрел на большую обрамленную фотографию на столике с мраморной столешницей, изображающую троих мужчин в римских тогах. Она была сделана в ноябре 1864 года на известном спектакле, где он играл Брута вместе со своими братьями Джонни и Джуном, которые исполняли роли Кассия и Антония.

Уилла отставила в сторону бокал.

– Я не могу вернуться на Арч-стрит, Эдди. У миссис Дрю уже полная трупка. Она нашла мне замену, когда я решила перейти к Вуду.

– Луизе следовало предупредить тебя насчет него.

– Она пыталась, намеками. Но я ничего не поняла. У меня куча недостатков, но хуже всего то, что я обо всех думаю хорошо. Наверное, я, как тот рыцарь Джона Ивлина, не рождена для романов. Опасный изъян.

– Нет-нет, это не изъян, а добродетель. Оставайся такой же. – Бут погладил девушку по руке. – А если предположить, что Нью-Йорк для тебя закрыт, ты сможешь найти место где-нибудь еще?

– То есть смогу ли я куда-нибудь сбежать? Бегство всегда казалось мне самым легким выходом. Правда, после я всегда жалела. Ненавижу трусость.

– Осторожность – это не трусость. Напоминаю еще раз: это не просто какая-то ссора в школьном дворе. Подумай немножко. Куда ты можешь поехать?

Уилла с несчастным видом покачала головой:

– Нет такого места... Ой, кажется, есть. Сент-Луис. Меня звал к себе один из старых папиных коллег. Ты его знаешь. Вы с папой играли с ним вместе в Калифорнии.

– Сэм Трамп? – Бут наконец улыбнулся. – «Лучшие актеры Америки»? Я и не знал, что Сэм в Сент-Луисе.

– Да, у него свой театр, конкурирует с Даном Дебаром. Он писал мне об этом на прошлое Рождество. Не думаю, что дела у него идут хорошо.

Бут подошел к окну:

– Наверное, из-за пьянства. Похоже, это проклятие нашей профессии. – Он обернулся. – Хотя Сент-Луис может стать идеальным убежищем. Город достаточно далеко, к тому же там прекрасные театральные традиции, еще с тех времен, как в двадцатые годы там начали играть Ладлоу и Дрейк. Замечательное место – вся долина Миссисипи в твоём распоряжении для гастролей, и никаких конкурентов до самого Солт-Лейк-Сити. Мне нравилось там выступать. И твоему отцу тоже. – Он посмотрел в темное окно и снова улыбнулся. – Приезжая туда, он всегда мог сэкономить несколько пенни, наняв парочку актеров у «Трагиков», прекрасной труппы актеров-любителей. К сожалению, эти пенни он тут же тратил на очередную бутылку... – Бут тряхнул головой, словно прогоняя воспоминания. – Ладно, самое главное, что Сэм Трамп – порядочный человек. И был бы успешным актером, если бы не слишком подражал Форресту с его выразительными жестами и красивыми позами. Сэм возвел героический стиль игры в некий культ. Он не просто рвет страсти в клочья, а делает это как в последний раз в жизни... – Бут снова умолк, задумавшись о чем-то, потом кивнул в ответ на собственные мысли. – Да, театр Сэма вполне может подойти. Да и кто знает, не исключено, что с тобой дела у него даже в гору пойдут.

– Я должна решить прямо сейчас? – грустно спросила Уилла, чувствуя себя разбитой.

– Нет, конечно. Сначала мы выясним намерения Вуда. Идем, – он протянул девушке руку красивым плавным движением, как на сцене, – я покажу тебе твою комнату. Хороший сон – лучшее лекарство.

Выходя из гостиной, он снова взглянул на фотографию. Бедняга Эдди, подумала Уилла, все еще прячется от мира, опасаясь мести, хотя уже почти два месяца назад Джонни был пойман полицией и застрелен недалеко от городка Боулинг-Грин в Виргинии. Думая о том, что Буту сейчас еще хуже, чем ей, она вскоре заснула.

На следующий день она проснулась в два часа и обнаружила, что ее друг куда-то ушел. Снаружи по-прежнему бушевала гроза. Внизу девушку ждал легкий завтрак – фрукты, свежие шотландские булочки и джем. Она еще продолжала жадно есть, когда в дверном замке звякнул ключ и появился Бут. Выглядел он настоящим франтом в широкополой шляпе и накидке, с зажатой в руке эбонитовой тростью.

– Боюсь, плохие новости. Вуд добился ордера на твой арест. Я куплю тебе билет и дам денег на дорогу. В свой банк ты пойти не можешь. Как и к себе домой.

– Эдди, я не могу бросить все свои вещи! Там у меня собрание мистера Диккенса, программки всех спектаклей, где я играла с тех пор, как вышла на сцену, с подписями всех актеров, которые там участвовали.

Бут отшвырнул в сторону шляпу:

– Может, для тебя они и драгоценны, но вряд ли стоят того, чтобы попасть из-за них в тюрьму.

– О Боже!.. Неужели он действительно?..

– Да. Обвинение в попытке убийства.

Через день, с наступлением темноты, Бут тайком вывел Уиллу из своего дома, и они вместе сели в наемный экипаж, который быстро покатило по вечерним мостовым в сторону пристани на Гудзоне. С собой он дал ей саквояж, где лежало немного одежды, специально купленной для нее, нежно обнял девушку, поцеловал в щеку и пробормотал слова благословения. Уилла села на паром до Нью-Джерси и за всю дорогу ни разу не оглянулась ни на него, ни на город. Она знала, что если оглянется, то обязательно расплчется, а потом сядет на обратный паром, и тогда не миновать беды.

Выйдя из поезда в Чикаго, она дала телеграмму Сэму Трампу. Потом сняла номер в какой-то дешевой гостинице и ждала его ответа, который пришел в телеграфную контору на следующее утро. В телеграмме говорилось, что он с радостью предоставит ей питание, жилье и ведущие роли в своей маленькой постоянной труппе. Для человека, стоявшего на пороге банкротства из-за пристрастий к бутылке, Трамп был слишком самоуверен. Но за своими переживаниями Уилла просмотрела очевидное: просто он был актером.

Как и отец Уиллы, мистер Сэмюэль Гораций Трамп родился в Англии, в Сток-Ньюингтоне. В Соединенных Штатах он жил с десяти лет, но старательно сохранял свой английский акцент, веря в то, что это в немалой степени способствует его заслуженной славе. Сам себя он причислял к лучшим актерам Америки, хотя в театральных кругах также был известен под менее лестным именем Рыдающего Сэма, и не только потому, что всегда мог заплакать по команде, но и потому, что делал это весьма неумеренно.

Ему было шестьдесят четыре, но он всем говорил, что пятьдесят. Без специальных ботинок на каблуках, в которые сапожник к тому же добавлял специальные вкладыши, увеличивающие рост на полтора дюйма, он дотягивал лишь до пяти футов шести дюймов. Это был пухлый добродушный человек с ласковыми темными глазами и тяжеловатой походкой, при которой подпрыгивал его солидный живот. Его довольно обширный гардероб устарел лет на двадцать. Импресарио, незаконно ставившие порядком подсокращенного Диккенса, всегда отводили ему роль Микобера. Однако сам Трамп видел себя Карлом Великим, Тамерланом или, уж слишком злоупотребляя доверием публики, Ромео.

За свою жизнь Трамп знал немало женщин. Когда он был трезв или даже слегка во хмелю, то мог быть веселым и обворожительным. Любому, кто соглашался его слушать, он признавался в том, что много раз был влюблен, однако правда заключалась в том, что Трамп сам прекращал все свои романы. Еще в молодости он решил, что узы брака могут помешать его карьере, которая непременно приведет к мировой славе. Только вот пока что-то так и не привела.

Хотя Уилла тоже, как и многие из их актерской братии, соблюдала театральные приметы, Трамп довел этот ритуал до высот настоящего искусства. Он отказывался обвязывать сундуки веревками, не нанимал косоглазых актеров, не носил желтого, никогда не репетировал по воскресеньям и велел швейцару швырять камнями в любую бродячую собаку, которая вздумает приблизиться к служебному входу театра во время представления. Он всегда приказывал опустить занавес, если замечал в первых пяти рядах рыжеволосого зрителя. Носил в шейном платке булавку с голубоватым лунным камнем в золотой оправе и хризантему (только не желтую) в петлице, всегда пряча и то и другое где-нибудь на себе, выходя на сцену. Ему никогда бы и в голову не пришло ни ставить, ни играть в шотландской пьесе.

Единственной приметой, которую он нарушал, был запрет говорить о будущем, ведь так можно было его сглазить. Наоборот, он очень любил повторять «завтра», «на следующей неделе» или «на следующем спектакле», соединяя в разных вариациях эти обороты с фразами вроде «в зале будет важный продюсер», или «придет телеграмма», или «получим ангажемент на целый год».

Его театр назывался «Театр Трампа в Сент-Луисе» и был построен другим импресарио на северо-западном углу Третьей и Олив-стрит. Последнюю Трамп предпочитал называть рю де

Гранж, считая, что намного более элегантно использовать изначальные французские названия, существовавшие в городе. Театр вмещал триста зрителей, для которых в зале были поставлены кресла вместо привычных в то время скамеек.

За время долгой дороги до Сент-Луиса Уилла успокоила себя насчет происшествия в «Новом Никербокере». Возможно, через пару лет Вуд забудет о своих обвинениях, и она сможет вернуться. А пока, на случай если месть Вуда протянется за пределы Нью-Йорка, она будет называть себя миссис Паркер. Возможно, это запутает тех, кто станет искать незамужнюю женщину, а заодно и оттолкнет от нее нежеланных кавалеров. Назваться Уиллой Поттс она решительно отказалась.

В общем, к тому времени, когда она сошла с речного парома на набережную Сент-Луиса, настроение ее стало уже вполне сносным. Сэма Трампа она нашла в театре – он раскрашивал задник с изображением леса. Сэм восторженно вскрикнул, когда они с Уиллой обнялись, театрально расцеловал ее, а потом открыл бутылку шампанского, которую почти всю сам и выпил. Когда вино подходило к концу, Трамп внезапно сделал ошеломительное признание:

– Я немного перестарался в своей телеграмме, милая девочка. Ты решила устроиться на руинах.

– Сент-Луис показался мне вполне процветающим, Сэм.

– Я говорю о театре, дитя мое, о театре. Мы должны всем своим кредиторам. Да, зрители у нас есть. Иногда даже бывает аншлаги. Но по причинам, совершенно для меня непостижимым, я не могу сохранить в кассе ни шиллинга.

Уилла могла бы назвать одну из причин такого положения, которая стояла сейчас прямо перед ними в серебряном ведерке из театрального реквизита и была сделана из зеленого стекла.

Сэм удивил ее во второй раз, когда сказал с виноватым видом:

– Тут нужна более ясная голова, а не такая седая и потрепанная, как моя. – Седина виднелась лишь на висках, остальные волосы Сэм красил в отвратительный каштановый цвет. Он сжал ее руку. – Ты не согласилась бы совмещать актерскую работу с хозяйственными делами театра? Несмотря на молодость, у тебя большой театральный опыт. Я не смогу платить тебе за дополнительные обязанности, но в качестве компенсации твое имя на афишах будет написано такими же буквами, как мое. – И добавил с большой важностью: – Этому удостаиваются только ведущие актеры.

Уилла рассмеялась, как не смеялась уже давно. Ей предлагали заняться тем, чего она никогда прежде не делала, но догадывалась, что для этого требуется прежде всего здравый смысл, внимательность и умение считать деньги.

– Это так неожиданно, Сэм! Позволь мне подумать хотя бы до завтра.

На следующее утро она пришла в контору театра, такую же вместительную и уютную, как курятник. Разумеется, над дверным косяком была прибитая неизменная лошадиная подкова. Трамп сидел, печально подперев голову одной рукой, а другой гладил черного театрального кота Просперо.

– Сэм, я принимаю твое предложение... но с одним условием.

– Великолепно! – с восторгом воскликнул он, пропустив ее последние слова мимо ушей.

– Вот мое условие. Первое, что я сделаю в своем новом качестве, – это поставлю тебя на довольствие. Театр будет оплачивать тебе расходы на жизнь, но не на виски, пиво, шампанское и прочую выпивку.

Сэм ударил себя кулаком в грудь:

– О! «Больней, чем быть укушенным змеей, иметь неблагодарного ребенка...»⁵

– Сэм, я просто берусь вести дела театра. Или ты хочешь, чтобы я уехала?

⁵ У. Шекспир. Король Лир. Перевод Б. Пастернака.

– Нет! Нет!
– Тогда отныне ты на жалованье.
– Слушаю и повинуюсь, милая леди. – Сэм опустил голову, скрыв лунный камень в галстучной булавке.

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Июль 1865-го. Мрачное настроение прошло. Тяжелая работа – отличное лекарство от уныния.

В штате продолжается суматоха. Временным губернатором теперь стал судья Перри. Он пообещал осуществить программу Джонсона и для этого назначил на тринадцатое сентября заседание конституционного конвента.

Генерал Гилмор из Хилтон-Хеда командует девятью военными округами, в каждом из которых стоит гарнизон Союза; их первоочередная задача – предупредить межрасовые беспорядки. В нашем округе среди военных есть чернокожие, и многие мои соседи со злостью говорят, что от ниггеров теперь проходу нет. Думаю, так будет до тех пор, пока мы не разрешим все разногласия и не научимся жить в гармонии. Это мое сердце, Орри, а не мои предки привели меня к вере в то, что если Господь Всемогущий когда-то и задумал один эксперимент, по которому республика должна справедливости ради выполнить свое обещание и дать свободу всем людям, то этим экспериментом было деление людей по цвету кожи.

Бюро по делам освобожденных при военном министерстве начало работать. В нашем штате его представляет генерал Сакстон в Бофорте. Нуждающимся уже доставляют продукты...

От Купера пришло странное письмо. Он случайно встретился с неким неизвестным мне Дезмондом Ламоттом из Чарльстона. Этот Д. Л., учитель танцев по профессии, заявил, что Ламотты считают, будто бы я наставила рога Джастину, и жаждут отмщения. Не понимаю, как после стольких лишений и бед у кого-то еще находятся силы для такой лютой ненависти. Я бы сочла это известие смехотворным, но Купер просит отнестись к нему серьезно. Он думает, что этот Д. Л. – настоящий фанатик, а значит, может быть опасен. Не исключено, что он один из тех несчастных молодых людей, чьи души и рассудок искалечила война. Так что придется мне быть осмотрительнее с незнакомцами...

Стоит чудовищная жара. Но мы собрали первый урожай риса и выручили за него немного денег. Мало кто из негров пока хочет работать. Многие сейчас заняты тем, что сносят свои старые хижины на брошенных плантациях с нами по соседству, где они когда-то жили как рабы, чтобы построить новые дома, пусть даже маленькие и примитивные, но предназначенные для свободных людей.

Энди и Джейн продолжают настаивать на открытии школы для бывших рабов. Скоро приму решение. Нужно продумать все риски.

Вчера в поисках масла для лампы я отправилась в старую лавку на разъезде Саммертона. Я пошла туда более коротким путем, через наши прекрасные солончаки, тайными тропами, которые ты мне когда-то показал. На разъезде меня ждало печальное зрелище. Лавка братьев Геттис пока работает, но наверняка скоро закроется – полки там совсем пустые. Теперь это место лишь убежище для членов этой большой семьи, один из которых, какой-то глупый старик с мелкокалиберной винтовкой, охраняет их собственность...

Полуденное солнце сияло над разъездом Саммертона. Три больших старых дуба раскинули ветви над зданием лавки и его сломанным крыльцом. Рядом с ними густые заросли темно-зеленой юкки тянули вверх свои острые листья. Мадлен остановилась, глядя на старика с винтовкой на краю крыльца. Он был в грязных штанах и нательной рубашке.

– Ничего нет ни для вас, ни для кого-то еще, – сказал он.

Выгоревшее платье Мадлен потемнело на спине от пота. После ходьбы через солончаки на подоле проступили мокрые грязные пятна.

– А вода в колодце есть? – спросила она. – Можно мне напиться перед обратной дорогой?

– Нельзя, – ответил безымянный член клана Геттисов. – Пейте из колодцев таких же, как вы. – Он махнул рукой в сторону пустой извилистой дороги, ведущей к Монт-Роял.

– Большое вам спасибо за вашу доброту, – сказала Мадлен, подбирая юбки и снова выходя из тени на солнечный свет.

Пройдя с полмили, она увидела у дороги отряд из шестерых чернокожих солдат и белого лейтенанта с нежным, невинным лицом. Расстегнув воротники и отложив в сторону винтовки, мужчины расслабленно отдыхали в тени.

– Добрый день, мэ, – произнес молодой офицер, вскакивая при виде ее, и уважительно отдал честь.

– Добрый день. Жарковато сегодня.

– Да, но мы все равно должны вернуться в Чарльстон. Был бы рад предложить вам воды, но все наши фляги пусты. Я просил того человека у лавки позволить нам наполнить их, но он не разрешил.

– Да, боюсь, щедростью он не отличается. Но если вы пойдете мимо моей плантации – это примерно две мили отсюда, справа, – то можете воспользоваться нашим колодцем.

Значит, это снова преследует меня. «Таких же, как вы», – сказал старик. И Купер в письме тоже говорил, что тот учитель танцев упоминал о моих предках.

Ходила вчера вечером по речной дороге к церкви Святого Иосифа Аримафейского, в которой мы поженились. Последний раз я была там вскоре после того, как сгорел наш дом в Монт-Роял. Отец Лавуэлл тепло приветствовал меня и сказал, что я могу молиться на семейной скамье столько, сколько захочу.

Я просидела там примерно час и наконец решила: как только появится возможность, я поеду в город по трем важным делам, одно из которых уж точно не понравится людям вроде того учителя танцев и старого мистера Геттиса. Ну и пусть. Если мне все равно суждено быть повешенной, независимо от того, что я делаю, почему я должна отказываться совершать это тяжкое преступление, за которое меня могут повесить? Орри, любовь моя, мысли о тебе и о моем дорогом отце придают мне сил. Ни ты, ни он никогда не позволили бы страху сковать вашу совесть.

Глава 5

Эштон издала протяжный стон. Посетитель, корчившийся на ней, расплылся в блаженной улыбке. Внизу ее работодательница, сеньора Васкес-Рейли, услышала крик и отсалютовала потолку стаканчиком текилы.

Она ненавидела то, чем занималась. Точнее, ненавидела именно потому, что делать это приходилось только ради выживания. Эштон было невыносимо торчать в этом засиженном мухами Санта-Фе на границе Территории Нью-Мексико, из которого она не могла уехать. Она никак не могла поверить, что опустилась до положения обычной шлюхи, поэтому громкими стонами и криками просто выпускала на волю свой гнев.

Джентльмен средних лет, вдовец-скотовод, отодвинулся, стыдливо отводя взгляд. Он заплатил заранее и теперь быстро оделся, потом наклонился и поцеловал ей руку. Эштон улыбнулась и с запинкой сказала на испанском:

– Вы скоро вернетесь, дон Альфредо?

– На следующей неделе, сеньорита Бретт. Буду счастлив вновь увидеть вас.

Боже, как же я ненавижу этих мексикашек! – думала Эштон, пересчитывая монеты после его ухода. Три из четырех следовало отдать сеньоре Васкес-Рейли, деверь которой строго следил, чтобы все три ее девушки не жульничали. Эштон была вынуждена начать работать на эту вдовушку в начале лета, когда у нее закончились деньги. Она назвалась сеньоритой Бретт, решив, что это неплохая шутка. А еще лучше было бы, если бы ее милая изнеженная сестренка узнала об этом.

Эштон Мэйн – она больше не думала о себе как о миссис Хантун – решила остаться в Санта-Фе из-за золота. Где-то в пустынных землях, населенных апачами, исчезли два фургона с секретным грузом, который везли сюда из Вирджиния-Сити двое людей, убитых индейцами. О своем муже Джеймсе Хантуне она не слишком горевала, а вот смерть ее любовника Ламара Пауэлла стала для нее настоящей утратой. Пауэлл собирался создать на юго-западе вторую конфедерацию, отводя себе роль президента и обещая сделать ее первой леди. Для осуществления своего плана он тайно вез в фургонах триста тысяч золотом; слитки были выплавлены из руды, которую добывали на руднике в Неваде, изначально принадлежавшем ныне покойному брату Пауэлла.

О случившейся трагедии рассказал нанятый возникший одного из фургонов, который смог добраться до какой-то фактории, но вскоре после этого умер от ран. В своей бессвязной, больше похожей на бред речи он ни разу не упомянул место, где произошли убийства, и теперь об этом мог поведать только один человек – некий Коллинз, проводник, нанятый Пауэллом в Вирджиния-Сити. По слухам, он выжил, только никто не знал, куда он подевался.

Узнав о расправе, Эштон сразу попыталась найти в Санта-Фе богатого покровителя. Кандидатов оказалось немного. Большинство из них были женаты, и если и волочились за дамочками, то желания избавиться от своих жен не проявляли. Мысль о том, чтобы найти такого человека в форте Марси, была и вовсе смешна. Офицерам и служащим жалкого гарнизона, расположенного рядом со старым губернаторским дворцом, платили так мало, что им едва хватало на собственные нужды, не говоря уже о любовницах.

Конечно, она могла бы избежать работы на сеньору, если бы написала о постигших ее обстоятельствах своему лицемерному братцу Куперу или сестре, чье имя теперь с наслаждением марала грязью, или даже той черномазой шлюхе, на которой женился Орри. Но будь она проклята, если унизится до того, чтобы просить их о милосердии! Она не хотела ни видаться с ними, ни писать им до тех пор, пока не сможет это сделать на собственных условиях.

Эштон надела платье, в котором им полагалось принимать клиентов, – из желтого шелка, с широкими кружевными бретелями. Такое платье обычно носили поверх блузки с длинными,

зауженными книзу рукавами, но сеньора запрещала им надевать блузку и даже корсет, чтобы они могли соблазнять мужчин частично выставленной напоказ грудью. Такие платья были в моде еще в те времена, когда ее ненавистный братец Орри поехал в Вест-Пойнт. Эштон ненавидела свой наряд, вместе со скромной черной мантилей, которую требовала надевать сеньора, и ядовито-желтыми кожаными ботинками на шнуровке, с тонкими высокими каблуками.

Она приладила мантилью перед маленьким зеркалом и провела ладонью по левой щеке. К счастью, три параллельные царапины были уже почти незаметны. Эти отметины оставила ей Роза, одна из девушек, в споре за клиента. Прежде чем сеньора растащила их, Роза успела сильно поцарапать ей лицо. Эштон потом долго рыдала, разглядывая кровавые следы от ногтей. Тело и лицо были ее главным капиталом, оружием, с помощью которого она добивалась всего, чего хотела.

В течение нескольких недель после той драки она смазывала медленно заживающие царапины целебным бальзамом и подбегала к зеркалу по семь-восемь раз за день, чтобы осмотреть их. Наконец она убедилась, что ничего непоправимого не произошло. К тому же, чтобы обезопасить себя от новых покушений, она с тех пор всегда носила в правом ботинке маленькую острую пилочку для ногтей.

Наплывавшие время от времени воспоминания о руднике в Неваде только обостряли ее жадность. Разве эти рудники не принадлежали и ей тоже? Ведь она практически была замужем за Ламаром Пауэллом. Конечно, для того чтобы ими завладеть, ей придется столкнуться с двумя гигантскими препятствиями: убедить власти, что она миссис Пауэлл, но для начала – попасть в Вирджиния-Сити. Эштон считала себя сильной и находчивой молодой женщиной, но она не была сумасшедшей. Пересечь сотни миль опасной пустоши в одиночку? И думать нечего. Поэтому она сосредоточилась на более осуществимой мечте – на пропавших фургонах.

Если бы только их удалось найти! Эштон не сомневалась, что апачи не забрали золото. Оно было надежно спрятано. Более того, индейцы ведь невежественные дикари, они бы просто не поняли ценности находки. Получив золото, Эштон могла бы купить нечто большее, чем просто материальное благополучие. Она могла купить положение в обществе и власть. А еще получить возможность вернуться в Южную Каролину, неожиданно явиться в Монт-Роял и каким-то образом – как именно, она решит позже – отомстить отвергшим ее родственникам. Ее терзало страстное желание уничтожить их всех до единого.

А пока оставалось только два пути: умереть с голоду или стать шлюхой. Она выбрала второй путь. И ждала. Ждала и надеялась.

Большинству клиентов сеньоры очень нравилась белая, почти прозрачная кожа Эштон, ее южный акцент и манеры, которые она еще и преувеличивала для большего эффекта. Однако сегодня, когда она с величественным видом спустилась в кантину, все ее усилия пропали даром, потому что там никого не было, кроме трех пожилых ковбоев, игравших в карты.

С наступлением темноты кантина выглядела особенно мрачной. Желтый свет ламп заливал все вокруг, делая заметными дырки от пуль, оставленные ножами царапины, пятна от пролитого виски на грязной мебели обивке, замызганном полу и стенах из необожженного кирпича. Сеньора тоже сидела там и читала старую газету из Мехико. Эштон протянула ей монеты.

Сеньора одарила ее улыбкой, продемонстрировав золотой передний зуб:

– *Gracias, querida*⁶. Проголодалась?

Эштон ساختила недовольную гримаску:

– Да, изголодалась хоть по каким-нибудь развлечениям в этом тоскливом месте. Так хочется послушать музыку!

⁶ Спасибо, дорогуща (исп.).

Верхняя губа сеньоры, украшенная едва заметными усиками, опустилась, скрыв золотой зуб.

– Плохо. Я не могу себе позволить мариачи.

В двустворчатую дверь кантины вошел деверь сеньоры, тупой верзила по имени Луис. На дармовщинку хозяйка разрешила ему пользоваться только Розой, у которой были жесткие волосы и оспины на коже. Вскоре после того, как Эштон начала работать здесь, Луис попытался подкатиться к ней. Эштон была невыносима его запах и грубые манеры, к тому же она уже знала, что Луис не в чести у сеньоры, поэтому смело дала наглецу пощечину. Он чуть было не ударил ее в ответ, но появилась хозяйка и громко обложила его грязной руганью. С тех пор он всегда смотрел на Эштон с мрачной яростью. Этот вечер не был исключением. Он свирепо уставился на Эштон, хватая Розу за запястье. Потом потащил девушку мимо двери, ведущей в кладовую и кабинет, к лестнице. Эштон потерла левую щеку. Надеюсь, он не станет с ней церемониться, подумала она со злорадством. Мерзавка это заслужила.

Жаркий ветер задувал пыль под дверь кантины. Посетители по-прежнему не появлялись. В половине одиннадцатого сеньора разрешила Эштон пойти спать. Она лежала в темноте своей крошечной комнаты, прислушиваясь к вою ветра, стучавшего оконными ставнями, и снова обдумывала идею ограбить сеньору. Время от времени посетители оставляли в кантине много денег, и наличность иногда хранилась здесь больше недели. Вот только Эштон никак не могла придумать, как именно совершить ограбление. К тому же сам план представлялся ей слишком рискованным. У Луиса была быстрая лошадь и очень подозрительные дружки. Если они поймут ее, то могут убить или, чего доброго, изуродовать.

От гнева и чувства безнадежности она никак не могла заснуть. Потом наконец снова зажгла лампу и достала из-под кровати лакированную восточную шкатулку. Перламутровая инкрустация на крышке изображала японскую пару, сидящую за чаепитием, но стоило поднять крышку и повернуть ее к свету под определенным углом, как та же пара представала уже без кимоно, слившейся в объятиях. Счастливое лицо женщины показывало, как она впечатлена огромными размерами жезла своего кавалера, уже наполовину вошедшего в нее.

Эта шкатулка всегда поднимала ей настроение. Там лежало сорок семь пуговиц, которые она собирала долгие годы, начиная с тех, что срезали по ее просьбе со своих форменных брюк несколько вест-пойнтовских кадетов. Каждый сувенир напоминал о мужчине, подарившем ей наслаждение или, по крайней мере, удовлетворение. Лишь двое партнеров не оставили своих пуговиц в заветной коробке – ее первый парень, который овладел ею еще до того, как она начала собирать коллекцию, и ее бестолковый муж Хантун. В Санта-Фе коллекция быстро пополнялась.

Несколько минут она рассматривала одну пуговицу за другой, стараясь вызвать в памяти лица мужчин. Но вскоре отставила шкатулку в сторону и начала изучать в зеркале свое вспотевшее тело. Оно было все еще мягким там, где надо, и упругим, где и положено; следы на щеке от ногтей Розы уже почти пропали. Глядя на себя, Эштон почувствовала, как ее надежды вновь оживают, и поклялась себе, что непременно использует свою красоту, чтобы сбежать из этого проклятого места.

Она снова легла в постель и стала с наслаждением представлять, как снова и снова втыкает в кожу Бретт маленькую острую пилочку для ногтей, пока из раны не начинает течь кровь.

Три дня спустя в кантину вошел какой-то небрежно одетый белый с длинными заостренными усами и револьвером на поясе. Он быстро проглотил возле бара два двойных виски, а потом, пошатываясь, подошел к жестким стульям, на которых сидели Эштон и Роза в ожидании клиентов. Третья девушка уже работала наверху.

– Привет, мисс Желтые Башмачки. Как поживаете?

– Вполне сносно.

– Как вас зовут?

– Бретт.

– Что я слышу? – усмехнулся он. – Неужели передо мной павший южный цветок?

Эштон чуть откинула голову назад и кокетливо взглянула на него:

– Я никогда не падаю, не получив плату заранее. Но раз уж вы знаете мое имя, не назовете ли свое?

– Имя может показаться вам странным. Банко, прямо как в шекспировском «Макбете». Фамилия – Коллинз. Пожалуй, выпью еще, а потом вернусь к вам.

Он потащился обратно к бару, а Эштон вцепилась в стул, чтобы не упасть.

– Угощаю всех! – Банко Коллинз стукнул кулаком по барной стойке. – Я могу потратить хоть в десять раз больше и глазом не моргну.

К нему подошла сеньора:

– Смелое заявление, любезный сэр!

– Зато правдивое, красотка! Мне известно, где зарыты сокровища.

– Ну да, понимаю, шутите. Здесь рядом нет никаких рудников.

Коллинз залпом проглотил порцию дешевого виски:

– А я и не собирался копать в земле. Я говорил о фургонах.

– О фургонах? Чушь какая-то!

– Только не для меня. – Он взмахнул руками и начал шаркать по полу подошвами башмаков. – Надо бы вам музыку сюда, чтобы люди потанцевать могли!

Все смотрели только на него, поэтому никто не заметил выражения лица Эштон. Перед ней был тот самый человек – проводник Ламара!

– Стану богатым, как царь Мидас! – заявил Коллинз, почесывая в паху.

Роза стала энергично прихорашиваться. Эштон осторожно достала пилочку из ботинка и спрятала под мышкой. В следующую секунду Роза задохнулась, почувствовав укол лезвия.

– Этот мой, – шепнула Эштон. – Если сунешься, я тебе завтра глаз выколю.

Роза побледнела:

– Да забирай его! Забирай!

– Ничего, еще услышу много музыки, когда поеду по всему свету. В Риме, в Японии... – Коллинз рыгнул. – Но не здесь. Хотя, пожалуй, и здесь можно найти кое-что приятное.

Качаясь, он пошел к девушкам. Эштон встала. Он снова усмехнулся, взял ее за руку и повел вверх.

В своей комнате Эштон закрыла дверь на задвижку и помогла Коллинзу раздеться. От волнения она слишком сильно дернула пуговицу на гультфике, та отлетела и ударилась о стену. Когда она начала стягивать с него штаны, он сел на кровать.

– Ты так интересно рассказывал внизу, – сказала она.

Он моргнул, как будто не расслышал:

– Откуда ты, Желтые Башмачки? На мексикашку уж точно не похожа.

– Я из Каролины, застряла здесь по несчастному стечению обстоятельств. – Она глубоко вздохнула и решительно выпалила: – Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Несмотря на хмель и растущее возбуждение, Коллинз при последних словах сразу настоялся:

– Мы говорить будем или трахаться?

Эштон наклонилась вперед и занялась делом, чтобы смягчить его раздражение, потом добавила:

– Я просто хотела спросить о тех фургонах... – (Он схватил ее за волосы.) – Коллинз, я на твоей стороне. Я знаю, что в них.

– Откуда? – Он в ярости дернул ее за волосы. – Я сказал – откуда?

– О, пожалуйста... не так сильно! Вот так-то лучше...

Она в испуге откинулась назад. А вдруг он и вправду ощутил угрозу? Вдруг решил убить ее? Но остаться здесь все равно хуже смерти, подумала она.

– Я знаю, – собравшись с духом, осторожно начала она, – потому что человек, которому принадлежали фургоны, – мой родственник. Он ведь был южанином, так?

В его взгляде она увидела ответ, прежде чем Коллинз придумал, как соврать ей.

– Конечно! – Эштон хлопнула в ладоши. – Они оба были с Юга. А ты их провожал от Вирджиния-Сити.

Она спустила с плеч кружевные бретели, чтобы показать ему свою грудь; темные соски затвердели и напряглись. Боже, да при одной только мысли о золоте она уже вся трепетала от возбуждения!

– Ты ведь знаешь, где фургоны, да, Коллинз? – (Он лишь ухмыльнулся.) – Знаешь. А я знаю, что в них было. Более того, знаю, откуда оно взялось и как добыть в сотни, нет, в тысячи раз больше! – Она увидела, как загорелись его глаза, и пошла в наступление. – Я говорю о руднике в Вирджиния-Сити. Теперь он принадлежит мне, потому что его бывший владелец, погибший мистер Пауэлл, – мой родственник.

– И ты можешь доказать, что рудник твой?

– Легко, – не моргнув глазом кивнула Эштон. – Ты поделишься со мной тем, что спрятано в фургонах, поможешь мне добраться до Невады, а я разделю с тобой целое состояние.

– Ну да, состояние... А еще где-то здесь есть семь золотых городов, которые только и ждут, когда их отыщут. Не важно, что никто их так и не нашел, с тех пор как испанцы уже сотни лет назад начали поиски.

– Коллинз, не надо смеяться. Я говорю правду. Нам нужно объединиться. И тогда мы станем такими богатыми, что у тебя голова пойдет кругом. Сможем весь мир объехать вместе. Разве это не волнительно, милый? – Ее влажный язык уже демонстрировал волнение.

Какое-то время прошло в молчании. К Эштон вернулся страх.

– Черт побери! – вдруг рассмеялся Коллинз. – Какая же ты ушлая баба! Ушлая и жаркая.

– Скажи, что мы партнеры, и я тебе покажу, что такое жар. Сделаю такое, чего никому никогда не делала, ни за какие деньги, – шепнула она ему в самое ухо.

– Ладно, – снова засмеялся Коллинз. – Мы партнеры.

– Тогда вперед! – воскликнула она, сбрасывая платье и панталоны и прыгая на кровать.

Эштон сдержала обещание, но минут через десять возраст и спиртное одолели Коллинза, и он захрапел.

Она легла рядом с ним и накрылась простыней. Сердце бешено колотилось. Боже, неужели ее терпение вознаграждено?! Больше никаких борделей. Она наконец нашла обладателя золота.

Воображение уже рисовало ей новое платье от Уорта, роскошный номер в самом дорогом нью-йоркском отеле, перекосившееся лицо Мадлен в момент, когда она хлестала ее по лицу веером.

Прекрасные видения. Скоро они станут реальностью.

С этими сладкими мыслями Эштон заснула.

Она проснулась, бормоча имя Коллинза. Но ответа не услышала.

Сквозь щели в ставнях пробивался дневной свет. Эштон ощущала постель рядом с собой.

Пустая и холодная.

– Коллинз?

На старом бюро лежала короткая записка, нацарапанная карандашом.

Моя милая маленькая мисс Желтые Башмачки!

Продолжай сочинять истории о «рудниках» в Вирджиния-Сити. Может, кто-нибудь и клонет. А я и так уже знаю, что было в тех фургонах, потому что нашел их, и вовсе не собираюсь делиться. Но спасибо за особые удовольствия.

Прощай, Б. К.

Эштон завизжала и не переставала визжать, пока не разбудила всех: Розу, третью девушку, сеньору, которая ворвалась в комнату и наорала на нее. Эштон плюнула ей в лицо. Сеньора дала ей пощечину. Но Эштон продолжала визжать и рыдать.

Два дня спустя она нашла пуговицу, отлетевшую от штанов Банко Коллинза. А потом, рассмотрев ее и еще немного поплавав, спрятала в свою шкатулку.

На Санта-Фе опустилась адская жара. Люди старались двигаться как можно меньше. Каждый вечер Эштон сидела на жестком стуле в кантине, не зная, что ей теперь делать и как убежать из этого постылого места.

Она не улыбалась. Никто из посетителей ее не хотел. Сеньора Васкес-Рейли начала жаловаться и грозить, что выгонит ее. Но ей было наплевать.

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Июль 1865-го. Вчера ездила в город. Шерманы, жалея меня, настояли, чтобы лошадьми правил Энди. Странно было ехать вот так, словно белая хозяйка со своим рабом. В какие-то моменты казалось, что ничего в нашей жизни не изменилось.

Однако в Чарльстоне представить такое уже невозможно. Из окон компании Купера на Конкорд-стрит видны огромные пустующие склады, где теперь гнездятся грифы-индейки. Не застав Купера, я оставила ему записку с просьбой повидаться позже.

После страшного пожара шестьдесят первого года мало что отстроили. Выгоревшая часть города выглядит так, словно там тоже побывал генерал Шерман. Среди печных труб и заросших травой фундаментов бродят крысы и дикие собаки. Многие дома рядом с набережной Бэттери сильно разрушены снарядами. А вот дом мистера Леверетта Докинза на Ист-Бей уцелел...

Если и существовал человек толще, чем старый юнионист Докинз, Мадлен такого не встречала. Ему было за пятьдесят; безупречные, специально для него сшитые костюмы облегли его крупные, как арбузы, ягодички и живот, настолько огромный, словно он собирался родить тройню. На стене гостиной за его спиной висел неизменный ряд портретов предков. Когда Мадлен вошла, Докинз уже сидел в гигантском, изготовленном на заказ кресле, глядя на бухту у развалин форта Самтер. Он терпеть не мог, когда кто-то видел, как он ходит или садится.

Мадлен спросила о закладных на Монт-Роял, составленных в разных банках Антанты, на общую сумму в шестьсот тысяч долларов. Докинз ответил, что скоро откроет собственный «Пальметто банк» и попросит правление выкупить и объединить все закладные.

– Монт-Роял – прекрасный залог, и я с радостью стану держателем этих бумаг.

Мадлен рассказала об идее создания лесопильни, но Докинз не проявил особого воодушевления.

– Мы не можем ссужать большие суммы под подобные прожекты, – сказал он. – Разве что правление найдет тысячу-другую на постройку сарая, закупку нескольких пилорам и годовое жалованье для бригады ниггеров. Если вы, конечно, найдете этих ниггеров.

– Но я думала об установке парового двигателя...

– Об этом не может быть и речи, если вы собираетесь приобрести его в долг. Слишком многие сейчас озабочены восстановлением и просят о помощи. Это израненная земля, Мадлен. Вы только посмотрите вокруг.

– Да, я посмотрела. Что ж, Леверетт, вы очень добры, что помогаете с закладными.

– Вот только не считайте это благотворительностью. Плантация одна из лучших в округе и ценится очень высоко. Ее владелец, брат вашего мужа, уважаемый в обществе человек. А вы прекрасно справляетесь с управлением плантацией как весьма ответственная гражданка.

Он имеет в виду, с грустью подумала Мадлен, что я не создаю проблем.

...Так что мы не преуспели так быстро, как я надеялась.

Потом я отправилась в Бюро по делам освобожденных на Митинг-стрит. Там меня встретил какой-то сварливый коротышка с резким акцентом уроженца Новой Англи, назвав себя бравей-полковником Орфой К. Манро. Его официальное звание, такое же величественное, как «халиф» или «паша», звучало так: «второй помощник временного командующего Чарльстонским военным округом».

Я изложила свою просьбу. Он сказал, что бюро почти наверняка сможет найти учителя и, когда это случится, меня известят. Я ушла с ощущением, что совершаю какое-то преступление.

Потом я отпустила Энди и пошла пешком на Традд-стрит, чтобы навестить Юдифь до встречи с Купером. Там я с удивлением узнала от нее, что Купер дома, пришел еще в полдень, на обед.

– Я не стал возвращаться в контору, решил поработать здесь, – сказал Купер.

У его ног на сухой бурой траве в огражденном стеной садике лежали карандашные наброски причала для «Каролинской морской компании». Из дома доносилась робкая версия главной темы Двадцать первого концерта Моцарта, которую кто-то исполнял, часто не попадая в ноты.

Купер повернулся к жене:

– Можно нам чая или чего-нибудь похожего? – (Юдифь улыбнулась и ушла.) – Ну, Мадлен, что стало причиной столь неожиданного и приятного визита?

Она села на заржавевшую кованую скамью с облезшей черной краской.

– Хочу открыть в Монт-Роял школу.

Купер, наклонившийся, чтобы собрать листы с набросками, резко вскинул голову и с недоумением уставился на нее. Его темные волосы упали на бледный лоб. Ввалившиеся глаза смотрели настороженно.

– Какую школу?

– Чтобы учить чтению и арифметике любого, кто пожелает. Бывшие рабы в нашем округе очень нуждаются в базовых знаниях, если хотят выжить.

– Нет! – Купер смял листы и швырнул их под куст азалии; от ярости он даже покраснел. – Нет! Я не могу тебе этого позволить.

– Я не прошу твоего разрешения, – так же запальчиво ответила Мадлен, – просто любезно извещаю о своих намерениях.

Из высокого окна веранды на втором этаже выглянула юная девушка:

– Папа, почему ты кричишь? Ой, тетя Мадлен, добрый день!

– Здравствуй, Мари-Луиза.

Дочери Купера исполнилось тринадцать. У нее было простое, неказистое лицо, совсем плоская грудь, и уже сейчас было ясно, что красавицы из нее не вырастет. Она, похоже, понимала это и с детской энергией старалась компенсировать свою непривлекательность, постоянно улыбаясь. Люди любили ее, а Мадлен просто обожала.

– Вернись в дом и продолжай играть! – рявкнул Купер.

Мари-Луиза нервно сглотнула и исчезла. Моцарт зазвучал снова, и количество фальшивых нот почти сравнялось с количеством правильных.

– Мадлен, позволь напомнить тебе, что недовольство неграми, а также теми, кто им помогает, очень быстро растет. И было бы нелепо обострять это недовольство. Ты не должна открывать школу.

– Купер, еще раз повторяю: это не твое решение. – Мадлен старалась говорить как можно мягче, но смысл слов неизбежно оставался резким. – Ты доверил мне управление плантацией, письменно. Поэтому я намерена продолжать. У меня будет школа.

Кипя от гнева, Купер принялся расхаживать по садику. Это был какой-то новый, откровенно враждебный Купер Мэйн, незнакомый ей. Когда молчание затянулось, она попыталась сгладить ситуацию:

– Я надеялась, что ты встанешь на мою сторону. В конце концов, образование чернокожих больше не противоречит закону.

– Зато оно слишком непопулярно... – После короткого колебания Купер вдруг выпалил: – Если ты будешь раздражать людей подобными поступками, они перестанут сдерживаться!

– В каком смысле сдерживаться?

– В отношении тебя! Пока все смотрят сквозь пальцы, делая вид, что ты не... Ну, ты понимаешь. Если ты откроешь школу, они уже не будут такими терпимыми.

Мадлен побледнела. Она понимала, что кто-то однажды заговорит о ее происхождении, но никак не ожидала, что это будет брат ее мужа.

– А вот и чай.

Юдифь, потряхивая кудряшками, спускалась в сад с подносом, на котором стояли щербатые чашки и блюда. На последней ступеньке она остановилась, увидев гнев в глазах мужа.

– Боюсь, Мадлен уже уходит, – сказал Купер. – Она просто заходила сообщить мне кое-что о Монт-Роял. Спасибо за любезность, Мадлен. Но ради тебя самой я настаиваю на том, чтобы ты передумала. Всего хорошего.

Он повернулся к ней спиной и наклонился к азалии, чтобы подобрать смятые листки. Юдифь застыла, ошеломленная его грубостью. Мадлен, скрывая боль, ласково похлопала ее по руке, быстро поднялась по скрипучим железным ступеням и выбежала из дома.

...Боюсь, я превратила его в своего врага. Если так, мой милый Орри, то я, по крайней мере, потеряла его дружбу ради стоящего дела.

Пришло письмо! Всего через две недели после моей встречи с полковником Манро. Общество помощи освобожденным при методистской епископальной церкви в Цинциннати при- шлет нам учительницу. Ее зовут Пруденс Чаффи.

Купер молчит. Пока никаких признаков противодействия.

Глава 6

Тренировочный лагерь кавалеристов армии Соединенных Штатов в казармах Джефферсона, в Миссури, на западном берегу Миссисипи, в нескольких милях южнее Сент-Луиса.

Когда Чарльз прибыл туда, первым делом его направили на осмотр к вольнонаемному врачу, который проверил, нет ли у него вставных зубов, видимых опухолей, а также признаков венерических заболеваний и алкоголизма. После того как он был объявлен годным к службе, его отпустили обустраиваться вместе с бывшим продавцом корсетов из Хартфорда, который сказал, что поехал сюда в поисках приключений; каким-то мужланом из Нью-Йорка, который почти не разговаривал и, скорее всего, был в бегах; плотником из Индианы, который сказал, что однажды утром проснулся и понял, что ненавидит свою жену; мальчишкой-пустомелей, который признался, что прибавил себе лет; и очень красивым мужчиной, который не произнес ни единого слова. Когда рекруты пришли к ветхим казармам, седой капрал ткнул пальцем в последнего:

– Французский Иностраннный легион. По-английски почти не говорит. Господи Боже, но почему они все к нам? Да еще за какие-то паршивые тридцать долларов в месяц. – Он окинул взглядом Чарльза. – Я видел твои документы, бунтовщик. Ты ведь бунтовщик?

Чарльз занервничал. Он уже привлек к себе несколько недовольных взглядов из-за своего акцента, даже один раз услышал за спиной: «Чертов предатель!» Ему хотелось огрызнуться, но он вспомнил предостережение Джека Дункана и просто ответил:

– Да.

– Ну, мне до этого дела нет. Мой кузен Филдинг тоже был бунтовщиком. А если ты такой же хороший солдат, как он, то будешь полезнее Дяде Сэму, чем все эти отбросы. Так что удачи тебе. – Он отступил назад и гаркнул: – Так, парни! Сейчас двигайте через эту дверь, найдите себе койки. Да поживее! Здесь вам не отель!

Чарльз дал клятву поддерживать и защищать конституцию. Проблем с этим у него не возникло; он уже давал эту клятву однажды в Вест-Пойнте. А когда война закончилась, твердо решил воспитать своего сына как американца, а не как южанина.

Вот только казалось странным снова видеть вокруг столько синего цвета. Светло-синие брюки из грубой шерсти с желтыми лампасами и тускло-серые рубашки напомнили ему о Втором кавалерийском. Как и плохо проветриваемые казармы, дымящие лампы, узкие щели окон по обоим концам помещения и шорох крыс по ночам. Как и его армейская койка – средство для пыток с железным каркасом, поперечными деревянными планками, пружинами и тюфяком, набитым соломой. Как и армейская пища, особенно сухари и жесткая говядина, которую на обед подавали в виде тонких бифштеков, а на ужин тушили в жирной подливке, отчего мясо было уже немного лучше на вкус, потому что соус скрывал слабый запах тухлятины.

Казармы Джефферсона оказались не столько тренировочным лагерем, сколько пересыльным. Рекрутов отправляли из него сразу, как только регулярным частям требовалось сколько-то человек для замены. Поэтому обучение могло продолжаться два месяца, а могло – два дня. Чарльз думал, что это не лучшим образом характеризует послевоенную армию.

Большинство инструкторов были пожилыми сержантами, которые здесь просто тянули время до пенсии. Чарльз изо всех сил старался выглядеть в их глазах неопытным и неловким. Во время урока верховой езды без седла он нарочно свалился со своей плохонькой учебной лошаденки. Он растерянно листал инструкцию по обращению со строевым оружием и на занятиях по стрельбе никогда не попадал в десятку, только в самый краешек мишени. Так продолжалось до тех пор, пока один инструктор не заболел и его не сменил другой, приземистый

сержант Ганс Хейзен. Это был очень грубый и злой человек, поговаривали даже, что из-за его гнусного характера его трижды разжаловали из старших сержантов.

После упражнений с саблей Хейзен отвел Чарльза в сторону:

– Рядовой Мэй, у меня есть подозрение, что вы не из каролинского ополчения. Вы стараетесь выглядеть неуклюжим, но я видел некоторые ваши движения, когда вы думали, что я слежу за кем-то другим. – Он выпятил подбородок и рявкнул: – Где вы тренировались? В Вест-Пойнте?

Чарльз посмотрел на него сверху вниз:

– В легионе Уэйда Хэмптона, сэр.

Хейзен потряс пальцем:

– Я с вами разберусь. Ненавижу лжецов почти так же, как снобов из Вест-Пойнта... или вас, южанчиков.

– Да, сэр! – громко произнес Чарльз.

Он продолжал смотреть на сержанта. Хейзен первым отвел взгляд и от этого взбесился еще сильнее.

– Посмотрим, на что вы способны. Сто кругов по дорожке, бегом! Марш!

После этого капрал Хейзен не отставал от Чарльза, постоянно кричал на него, цеплялся ко всему, что бы тот ни делал, и каждый день выспрашивал его о прошлом, вынуждая лгать. Но несмотря на все это, а может, как ни странно, и благодаря тому, что Хейзен распознал в нем кадрового военного, Чарльз был счастлив вернуться в армию. Он всегда любил ее надежный, раз и навсегда заведенный порядок, сигналы горна, строевые учения. Он до сих пор чувствовал дрожь в спине, когда слышал, как горнисты играют «По коням!».

Держался он особняком и товарищей себе не искал. Большинство солдат объединялись в пары, чтобы облегчить тяготы службы и разделить с кем-нибудь свои страдания, но Чарльз предпочитал быть один. Так прошло три недели, хотя за это время внезапные приступы отчаяния и накрывали его. Внезапно возвращались мысли о прошлом, его охватывало мучительное чувство, и он обзывал себя отпетым дураком за то, что вернулся в армию синих мундиров. Именно в таком настроении одним субботним вечером он покинул лагерь и отправился к безымянному палаточному городку по другую сторону главной подъездной дороги.

Здесь жило много рядовых вместе с женами, которые работали в гарнизонной прачечной, чтобы добавить что-нибудь к армейскому жалованью мужей. Гражданские сбывали здесь сомнительный виски в больших палатках, кроткие индейцы-осейджи продавали бобы и кабачки со своих близлежащих ферм, а элегантно одетые джентльмены ночи напролет играли в покер и фараон. Чарльз даже заметил, как несколько безнадежно тупых рекрутов делали ставки, играя с ловкими шулерами в три карты Монте или в наперстки.

В любой из палаток с подвешенным снаружи красным фонарем были доступны развлечения иного рода. Чарльз заглянул в одну и провел полчаса с невзрачной молодой женщиной, которая очень старалась доставить ему удовольствие. После этого физически ему стало легче, но воспоминания об Августе Барклай нахлынули с новой силой, и он никак не мог отделаться от ощущения, что осквернил память о ней.

Когда он шел через городок, за ним увязались двое мальчишек, выкрикивая дразнилку, сочиненную на мелодию известной песни:

Солдатик, солдатик, работать не хочешь?
Зачем же, уж лучше рубашку продам...

Да, похоже, армию здесь ценили высоко. Как только закончилась война, солдаты снова стали никому не нужной чернью. Ничего не изменилось.

Он провел в казармах Джефферсона месяц, когда пришло назначение. Ему и еще семерым рекрутам дали двенадцать часов на сборы, после чего пароход должен был отвезти их вверх по реке Миссури, через весь штат Миссури, в канзасский форт Ливенворт. Основанный в 1827 году полковником Генри Ливенвортом на правом берегу реки, теперь это был самый важный военный гарнизон на Западе. Там же располагалась штаб-квартира Миссурийского военного округа и главный склад снабжения для всех фортов между Канзасом и континентальным водоразделом. В Ливенворте их должны были встретить и доставить к месту службы на северную границу Техаса в Шестой кавалерийский полк. Эта новость обрадовала Чарльза. Он любил суровую красоту Техаса, где перед войной служил в гарнизоне Кэмп-Купер.

Пока над казармами бушевала гроза, Чарльз укладывал нехитрые пожитки в саквояж и маленький деревянный сундучок, в котором держал армейскую одежду. Потом надел синюю гимнастерку с отложным воротником и фуражку с изображением перекрещенных сабель – эмблемой кавалерии для рядового и младшего командного состава. Гроза вскоре утихла, и он под легким дождичком пошел к палаточному городку, насвистывая переделанную в веселый марш мелодию песенки, напоминавшей ему о доме.

Бушевавшая недавно непогода опрокинула несколько маленьких палаток и размыла земляные дорожки. Чарльз направился к ярко освещенной палатке, самой большой из тех, где продавалась выпивка, прозванной Египетским дворцом, потому что ее владелец приехал сюда из Каира, штат Иллинойс. Палатка была потрепанной и ветхой. Внутри грязноватая занавеска делила ее на две части – офицерскую и ту, где веселились рядовые и гражданские. Здесь продавали дрянной дешевый виски, но Чарльз потягивал его с удовольствием, которого давно не испытывал.

Сразу после того, как он заказал вторую порцию, в палатку вошли три шумных сержанта. Среди них был Хейзен, он едва держался на ногах и явно начал наливать спиртным уже какое-то время назад. Заметив в конце дощатой барной стойки Чарльза, он сказал что-то о дурном запахе.

Чарльз уставился на него тяжелым взглядом и смотрел, пока тот не отвернулся и не стал громко заказывать выпивку для себя и приятелей. Чарльз облегченно вздохнул, радуясь, что Хейзен не стал лезть на рожон. Для ссоры у него было слишком хорошее настроение.

Которое закончилось через десять минут.

Идя к офицерской половине, какой-то невысокий, тщедушный человек заметил среди рядовых знакомое лицо. Он отвел взгляд, прошел вперед шага три, резко остановился и от изумления открыл рот. Потом круто развернулся и всмотрелся в сизый дым, висевший в палатке.

Ошибки быть не могло.

Он пошел в сторону бара, на щеках проступили красные пятна. Мужчины заметили его взгляд и умолкли.

С решительным видом офицер направился к концу стойки. Возможно, важной походкой он пытался восполнить недостаток роста, едва достигавшего пяти футов шести дюймов. Он шел, расправив плечи, напряженной походкой человека, слишком поглощенного армейскими формальностями. Весь его облик, включая нафабранные кончики усов и безупречную эспаньолку, выдавал в нем педанта и аккуратиста.

Судя по желтому цвету лампасов и нашивок на рукавах, служил он в кавалерии.

Серебряные дубовые листья на погонах говорили о звании подполковника. Он прошагал вдоль стойки, нарочно толкнув какого-то бородача-штатского с индюшиным пером в волосах и в куртке из оленьей кожи, расшитой иглами дикобраза и яркими бусинами в форме бриллиантов, отчего тот расплескал виски.

– Эй, ты, козлина! – огрызнулся бородач.

Когда он повернулся, бусины на его куртке сверкнули, отразив свет. Пятнистая собака, лежавшая у его ног, отозвалась на тон хозяина и зарычала на офицера, который прошел дальше без извинений, крепко сжав рукоять сабли.

– Капитан Венейбл, сэр... – услышал Чарльз голос Хейзена, когда офицер подошел к троим приятелям.

Значит, серебряные листья были знаком временного чина, подумал Чарльз.

– Хейзен... – коротко бросил офицер, проходя дальше.

Чарльз наблюдал за ним, и у него начало покалывать в затылке. Он не знал этого человека, но что-то в его лице насторожило его.

В двух шагах от Чарльза Венейбл остановился:

– Я заметил вас еще на улице, рядовой. Назовите себя.

Изо всех сил стараясь говорить не как южанин, а хотя бы как уроженец приграничных штатов, он произнес:

– Чарльз Мэй, сэр.

– Лжешь, черт тебя побери! – Офицер выхватил стакан из руки Чарльза и выплеснул содержимое ему в лицо.

Вокруг поднялся гул голосов, а потом так же внезапно наступила тишина. Виски капал с подбородка Чарльза и стекал с дощатой барной стойки. Чарльзу хотелось врезать этому плюгавому наглецу, но он сдержался, потому что не понимал, что происходит. Он был уверен, что это какая-то ошибка.

– Капитан... – начал было он.

– Для тебя я полковник! И не пытайся снова врать! Никакой ты не Мэй, ты Чарльз Мэйн! Окончил Вест-Пойнт в пятьдесят седьмом, за два года до меня. Ты и тот проклятый бунтовщик Фиц Ли еще были не разлей вода.

Чарльз внезапно вспомнил его, но еще попытался блефовать:

– Сэр, вы ошибаетесь...

– Как бы не так! Ты помнишь меня, а я помню тебя. Гарри Венейбл. Ты четыре раза вносил меня в рапорт за грязь в комнате. И каждый раз я получал двадцать штрафных очков. Я чуть не набрал две сотни и не пошел по Кентерберийской дороге из-за тебя!

Даже будучи в стельку пьяным, Хейзен все понял. Он вытер нос и воскликнул, обращаясь к друзьям:

– Ну, что я вам говорил? Я сразу его раскусил! – Он отошел от бара на случай, если Чарльз попытается броситься к выходу.

А Чарльз не знал, как мирно выйти из этой ситуации. В памяти всплыли и другие подробности, включая кадетское прозвище Венейбла. Его прозвали Симпатягой, хотя произносили это обычно с издевкой. Никому не нравился этот противный недомерок. Он был слишком правильным и педантичным.

– Тебе пришлось соврать, чтобы вернуться в кавалерию, – сказал Венейбл. – Выпускники Вест-Пойнта не подлежат амнистии.

– Полковник, я должен зарабатывать на жизнь. Военная служба – это все, что я умею. Был бы очень вам признателен, если бы вы не обратили внимания на...

– На предательство? Позволь рассказать тебе кое-что. Пока я служил в штабе генерала Шермана, кто-то из ваших, люди Джона Ханта Моргана, напали на ферму моей матери. Они угнали наш скот, сожгли дом и все строения, убили мою мать и... – он покраснел и понизил голос, – надругались над моей двенадцатилетней сестрой один Бог знает сколько раз. А потом убили и ее – тремя пулями.

– Полковник, мне очень жаль, но я не отвечаю за каждого партизана-конфедерата, как и вы не отвечаете за всех шермановских головорезов. Мне искренне жаль ваших родных, но...

Венейбл с силой ударил Чарльза ладонью в плечо:

– Хватит уже твердить свое «жаль» как попугай! Сожалениями не отделаешься!

Чарльз вытер виски со щеки. В палатке было очень тихо.

– Не надо меня толкать, – сказал он.

Венейбл быстро огляделся вокруг, увидел, что Хейзен с приятелями готовы прийти на помощь, и сжал пальцы в кулак:

– Я буду толкать тебя, когда захочу, ты, чертов предатель! – С этими словами он ткнул Чарльза в живот.

Чарльз не ожидал удара. Он сложился пополам и попытался восстановить дыхание, и тогда Венейбл ударил его сбоку в челюсть. Потеряв равновесие, Чарльз начал падать, но тут же подскочившие Хейзен и два других сержанта удержали его и крепко схватили под мышки.

Венейбл махнул им в сторону выхода, они протащили Чарльза волоком вдоль всей стойки и уже снаружи швырнули в раскисшую от дождя дорогу.

Тем временем Венейбл не спеша отцепил с пояса саблю, потом аккуратно расстегнул блестящие пуговицы и снял мундир.

– Прежде чем этого лживого бунтовщика с позором выгонят отсюда, он получит кое-что от меня, – сказал он, обращаясь ко всем. – Присоединяйтесь все, кто хочет.

Большинство солдат и штатских ухмыльнулись и одобрително захлопали в ладоши, и только крепыш в расшитой кожаной куртке сказал:

– Сдается мне, нечестно все это, полковник.

Венейбл резко повернулся к нему:

– Если не хочешь присоединиться, помалкивай, а то и тебе достанется.

Бородач пристально посмотрел на него и придержал рычавшего пса, когда Венейбл выходил из палатки.

Чарльз попытался встать под морозящим дождем. Обгоняя полковника, Хейзен бросился к нему, схватил за волосы и другой рукой ударил в лицо. Из носа хлынула кровь. Чарльз упал на спину, и Хейзен с силой наступил ему на живот.

– Эй, он мой! – крикнул Венейбл, отталкивая сержанта, и уставился на Чарльза, который, обхватив себя от боли, пытался сесть.

Скривив губы, полковник поднял ногу и пнул Чарльза в ребра. Тот вскрикнул и завалился на бок. Венейбл снова пнул его, теперь в поясницу, и крикнул, раскрасневшись от азарта:

– А ну-ка, поднимите его!

Хейзен с приятелем подхватили Чарльза под мышки и рывком подняли. В голове у него гудело, сильно болела грудь. Обычно он мог постоять за себя, но на этот раз, захваченный врасплох, потерял преимущество.

Оказавшись на ногах, он вывернулся из рук державших его солдат. Вся одежда была скользкой от грязи. Грязь блестела в свете фонарей и капала с его волос, смешиваясь с кровью, которая все еще текла из носа. Он покачнулся, окруженный мокрыми от дождя людьми. Почти все они смеялись, но несколько человек смотрели на него с такой же яростью, как Венейбл. Чарльз понимал, что его попытка вернуться в армию закончилась крахом, поэтому ему оставалось только защищаться, чтобы избежать расправы.

Он наклонил голову и двинулся на Венейбла. Тот отпрянул. Тогда Чарльз развернулся и набросился на ошарашенного Хейзена, как и было задумано. Стиснув зубы, он обеими руками обхватил голову Хейзена, нагнул ее вниз и врезал ему по лицу коленом. Челюсть Хейзена треснула.

Сержант с воплем отскочил в сторону. Один из его дружков прыгнул на Чарльза сзади, ударив его по шее ребром ладони. Чарльз пошатнулся. Венейбл тут же воспользовался ситуацией и пнул его в пах. Чарльз отлетел в толпу спиной вперед. Его тут же толкнули обратно в круг с громким смехом.

– Где же твой боевой дух, бунтовщик?

– Что, сдулись южане? А как же ваш знаменитый воинственный клич?

– Парни, а давайте пустим его по кругу! Надо же заставить его закричать-то!

Так они и сделали. Пока один держал, стоящий справа бил Чарльза. Потом тот, кто держал, передавал его следующему, а сам получал возможность ударить. Если Чарльз падал, его поднимали. Когда это повторилось в четвертый раз, кто-то вдруг произнес:

– Оставьте его.

Венейбл грязно выругался, но тут, взявшись неизвестно откуда, что-то холодное и твердое коснулось его горла и чья-то рука схватила его сзади за шею. Он оказался зажат между мозолистой ладонью, прижимавшей его затылок и лезвием огромного охотничьего ножа.

Это был тот самый бородатый мужчина в расшитой бисером куртке. От него пахло мокрой оленьей кожей и лошаадьми.

– Еще один проклятый южанин! – злобно прорычал какой-то штатский.

– Нет, – ответил бородач, – я этого парня знать не знаю. Только даже с псом шелудивым так не обращаются. Отпустите его.

Мужчины, державшие Чарльза, устали на Венейбла. Тот, чувствуя нож у горла, быстро заморгал и прошептал:

– Отпустите!

Когда разжались руки, Чарльз упал ничком, разбрызгав жидкую грязь. Бородач с отвращением отпихнул от себя полковника, который тут же снова начал ругаться. Тогда бородач приставил нож к самому его носу:

– В любое время, малыш. В любое время, один на один, или ты без взвода помощников не можешь?

Венейбл ткнул пальцем в сторону Чарльза, распластавшегося в грязи:

– Этот сукин сын пролез в армию Соединенных Штатов! Обманом!

Бородач чуть крутанул нож, и на носу полковника выступила крошечная капля крови.

– Двигай-ка ты отсюда, червяк. Да поживей!

Венейбл долго моргал, пока наконец не сумел изобразить на лице презрительную усмешку. Потом повернулся и заковылял к Египетскому дворцу.

– Эй, ребята, за мной! – крикнул он на ходу. – Угощаю всех!

Предложение было встречено троекратным «ура», после чего, прихватив Хейзена, все дружно пошли в сторону палатки и ни разу не оглянулись.

Дождь полил сильнее. Человек в расшитой бисером куртке, которому на вид было лет пятьдесят, убрал нож в ножны и стал смотреть, как Чарльз пытается подняться, но снова падает лицом в грязь. Постояв так немного, он направился к палатке. Его крупная, серая с белыми и черными отметинами собака пошла за ним. Ее левый глаз окружало большое черное пятно, похожее на пиратскую повязку. Она дважды встряхнулась, рассыпав вокруг водяные брызги, потом заскулила.

– Уймись, Фен! – коротко приказал ей хозяин.

В тени за палаткой стоял высокий толстый мальчик лет пятнадцати с бледным лицом. На нем была старая шерстяная куртка и много раз чиненные джинсы. Его ясные темные глаза чуть косили; крупная голова над бровями и ушами была круглой, а на макушке – почти плоской.

Выглядел мальчик испуганным. Бородач положил руку ему на плечо:

– Все в порядке, Малыш. Драка закончилась. Теперь будет тихо. Тебе больше нечего бояться.

Паренек двумя руками вцепился в его правую ладонь, и на лице его отразилось что-то вроде жалкой благодарной улыбки. Бородач левой рукой ласково похлопал его по запястью:

– Прости, что заставил тебя ждать здесь, просто захотелось промочить горло. Все-все, не бойся.

Мальчик смотрел на него, явно силясь понять. Напротив Чарльз со стоном снова попытался встать со скользкой от дождя дороги, опираясь на нее кулаками. Когда ему наконец удалось оторвать голову и полкорпуса от земли, он устало посмотрел прямо в их сторону, и бородач понял, что солдат их не видит.

– Решительный малый, – сказал он, – крепкий. И в армию теперь уж точно ему не вернуться. Может, мы нашли того, кого искали? А если нет, то хотя бы поступим по-христиански и дадим ему кров в нашем типе. – Он опустил руки мальчика, все еще державшие его, потом осторожно взял его за ладошку и сжал ее. – Идем, Малыш. Поможешь мне поднять его.

Так и держась за руки, они пошли вперед.

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Июль 1865-го. Наняла еще троих освобожденных, теперь их шестеро. «Пальметто банк» одобрил кредит в девятьсот долларов для строительства лесопилы. Вчера начали рыть яму для первой пилорамы. Энди Ш. до обеда руководил работами, потом до четырех часов вместе с двумя другими рабочими обтесывал ствол огромного кипариса, а с наступлением темноты вспахивал землю на собственном участке. Каждый новый рабочий получает свои пять акров, жалование и маленькую долю от будущей прибыли, которую мы когда-нибудь получим за проданный урожай или древесину.

Жена Немо Кассандра ожидала, что им дадут больше чем пять акров. Со слезами она показала мне толстую связку кольшиков, кое-как выкрашенных в красную, белую и синюю полоску. Бедная, простодушная женщина отдала за них последний доллар, а белый жулик, который обманом продал ей их, давно исчез. Просто удивительно, что происходит вокруг...

– Крашенные кольшики? – раздраженно спросил Джонсон.

– Да, мистер президент. Их продают цветным в Южной Каролине по два доллара.

Эндрю Джонсон швырнул перевязанный ленточкой доклад на стол:

– Это бесчестно, мистер Хазард!

Семнадцатый президент Соединенных Штатов пребывал в скверном настроении. Его гость, Стэнли Хазард, считал этого смуглого сорокавосемилетнего человека простолюдином. Да и можно ли было по-другому относиться к портному откуда-то из захолустья, который толком читать и писать не умел, пока его жена не научила? Джонсон даже не был республиканцем. На выборах шестьдесят четвертого года, которые проходили во время войны, он шел кандидатом в вице-президенты вместе с Линкольном от Национального союза.

Так или иначе, но простолюдин и демократ Эндрю Джонсон все-таки требовал объяснений. Его черные глаза смотрели с едва сдерживаемым гневом, пока Стэнли чуть дрожащими руками брал со стола доклад. Стэнли служил одним из нескольких помощников военного министра Эдвина Стэнтона и отвечал за работу Бюро по делам освобожденных, входившего в их департамент.

– Да, сэр, бесчестно, – сказал он, – но могу вас заверить, что наше бюро не имеет к этому никакого отношения. Ни министр Стэнтон, ни генерал Ховард не потерпели бы такого гнусного обмана.

– А как насчет слухов, которые воодушевили мошенников? О том, что каждому освобожденному негру дадут мула и сорок акров земли к Рождеству? Сорок акров – если он отметит их кольями, выкрашенными в патриотические цвета! Кто распустил такие слухи?

Бледное, толстое лицо Стэнли покрылось испариной. Ну почему главе бюро Ховарду пришлось уехать из Вашингтона и отправить его на ковер к президенту? Почему он не мог отвечать уверенно или хотя бы припомнить одну из ховардовских религиозных банальностей? Ему срочно требовалось выпить.

– Итак, мистер помощник?

– Сэр... – Голос Стэнли дрогнул. – Генерал Сакстон заверил меня, что агенты бюро в Южной Каролине никоим образом не подстрекают негров, создавая ложные надежды или распространяя слухи. Они не имеют к этому отношения...

– Тогда откуда взялись слухи?

– Насколько нам известно, сэр, это просто результат случайного замечания... – Стэнли откашлялся, мучаясь от мысли, что придется сказать нелицеприятные вещи о влиятельном члене их партии, однако страх потерять работу, пусть и ненавистную, был сильнее, – замечания конгрессмена Стивенса. – Он попал в точку; Джонсон фыркнул, как будто понюхал тухлую рыбу. – Он что-то говорил о конфискации и перераспределении трехсот миллионов акров земель бунтовщиков, – уже увереннее продолжил Стэнли. – Возможно, мистеру Стивенсу этого хочется, но у бюро нет такой программы, и никто не собирается затевать ничего подобного.

– Тем не менее эта новость разлетелась по Южной Каролине, ведь так? Что позволило всяким нечистоплотным барыгам продавать эти крашенные колышки направо и налево. Едва ли вы осознаете, Хазард, все масштабы этой авантюры. Мало того что слухи о сорока акрах и муле жестоко обманули негров, так они еще и оскорбили и оттолкнули от нас тех белых, которых мы должны были привлечь на свою сторону! Мне, как и вам, не нравятся плантаторы... – (Гораздо больше, подумал Стэнли; о ненависти Джонсона к южной аристократии ходили легенды.) – Однако, судя по конституции, они никогда и не выходили из Союза, потому что сам факт отделения ею просто не предусмотрен. – Он наклонился вперед, словно разлившийся школьный учитель. – Именно поэтому моя программа реконструкции Юга состоит всего из трех простых пунктов. Победенные штаты должны отказаться от идей Конфедерации. Они должны отменить все законы, связанные с сецессией. И ратифицировать Тринадцатую поправку, полностью запретив рабство. От них не требуется большего, потому что по конституции федеральное правительство и не может потребовать большего. Генерал Шерман совершенно этого не понимал, когда конфисковал прибрежные и речные земли своим незаконным военным приказом номер пятнадцать – слава Богу, уже отмененным. Ваше бюро тоже не понимает. Вы повсюду беспечно болтаете о праве участвовать в выборах, хотя по закону ограничения и допуск к голосованию – это дело каждого штата. И уж совсем никто, кажется, не понимает, что если мы будем угрожать отъемом земель, то лишь озлобим тех южан, которых хотим вернуть в паству. Или вы скажете, что я не прав? Я каждый день подписываю сотни прошений о помиловании и теперь получаю этот доклад.

– Мистер президент, при всем уважении я вынужден повторить, что бюро не имеет никакого отношения...

– А кто еще болтает о сорока акрах? Я возлагаю ответственность именно на бюро. Будьте так любезны передать это мистеру Стэнтону и генералу Ховарду. А теперь прошу меня извинить.

Жизнь Стэнли Хазарда в эти дни была сплошным мучением. Чтобы хоть как-то это выдержать, он стал теперь выпивать свою первую рюмку еще до восьми утра. В его письменном столе в старом офисном здании, где временно расположилось Бюро по делам освобожденных, были спрятаны разные бутылки с вином и бренди. Если в течение дня он выпивал слишком много, отчего переставал понимать обращенные к нему вопросы, спотыкался или ронял что-нибудь, то всегда бормотал одно и то же: что, мол, плохо себя чувствует и у него кружится голова. Тех, кто верил, находилось очень немного.

У Стэнли были серьезные причины для того, чтобы чувствовать себя несчастным. Много лет назад его младший брат Джордж отстранил его от управления семейным металлургическим производством. В глубине души Стэнли понимал почему. Просто он ни на что не был способен.

Его жена Изабель, властолюбивая и сварливая женщина, была на два года старше его. Она родила Стэнли двоих сыновей, Лейбана и Леви, которые так часто попадали в неприятно-

сти, что он даже завел специальный счет в банке, чтобы давать взятки судьям и тюремщикам и откупаться от забеременевших девушек. Близнецам было по восемнадцать, и Стэнли от отчаяния начал переводить часть «взяточных» денег в Йель и Дартмут. Изабель называла это благотворительными взносами, а Стэнли надеялся, что сыновей примут и они наконец уберутся из дома. Он их терпеть не мог.

Еще, как ни парадоксально, он совершенно не понимал, откуда взялось то огромное состояние, которое принес их обувной бизнес, и не представлял, что с ним делать. Сейчас фабрика в Линне была выставлена на продажу. Изабель настояла на том, чтобы они свернули дело, пока не поздно, потому что после войны уже возвращалась привычная конкуренция. Стэнли понимал, что никакой его личной заслуги в этом невероятном успехе не было.

Ко всему прочему его бывшая любовница, актриса варьете Джинни Кэнери, бросила его сразу после того, как Изабель узнала об их отношениях. Хотя она все равно бы его бросила, рассудил Стэнли. Деньги она могла получить от других своих многочисленных воздыхателей, а в постели из-за своей постоянной нервозности и пьянства он был ни на что не способен. По слухам, мисс Кэнери теперь была любовницей какого-то республиканца, чье имя, правда, не называлось.

Так что ничем, кроме борьбы и страданий, в этой жизни Стэнли похвастаться не мог, да еще был вынужден каждый вечер за ужином смотреть на свою некрасивую напыщенную жену в их прекрасном, огромном и безлюдном особняке на Ай-стрит. Поэтому он пил. Это поддерживало его в течение дня. А ночью милосердно помогало заснуть.

– Джонсон недоволен бюро, так, Стэнли?

– Так. Он бы с удовольствием его разогнал. Считает, что, действуя в соответствии с целями радикалов, мы попираем права штатов.

– Полагаю, это неудивительно, – задумчиво проговорила Изабель. – Он ведь демократ и, по существу, южанин. Мне любопытно другое: почему из-за южной земли такая свара? Она очень ценная?

Стэнли допил третий бокал шампанского:

– Не сейчас. Та, что конфискована министерством финансов, может быть выкуплена почти задаром. Но в перспективе, разумеется, она представляет большую ценность. Земельная собственность всегда ценна. А товарные культуры составляют основу всей экономики Юга. Там же нет никакой промышленности и никогда не было.

Глаза Изабель сверкнули, отразив огоньки свечей.

– Тогда, возможно, нам стоит подумать о вложениях в Юг, чтобы чем-то заменить фабрику?

Стэнли откинулся на спинку стула, как обычно изумленный смелостью жены и тем, как ее ум мгновенно вцепляется в жертву, которую он сам не успел еще и заметить.

– Хочешь сказать, мне следует навести справки в министерстве?

– Нет, милый. Я все узнаю сама. Лично. Я собираюсь покинуть тебя на неделю или больше... Уверена, ты будешь ужасно огорчен, – ядовито добавила она.

Стэнли мысленно обозвал ее ведьмой, криво улыбнулся и налил себе еще шампанского.

Старый мистер Марвин, наш давний друг из Грин-Понда, заезжал попрощаться. Он ужасно разозлен, ведь теперь он банкрот. Люди из министерства финансов конфисковали у него первосортный хлопок «Си Айленд» на пятнадцать тысяч долларов прямо из хлопкоочистительной машины, посчитав его «конфедеративным», и увезли на глазах у хозяина. А все потому, что он отказался дать взятку, которую потребовал чиновник из министерства. Янки могли бы оставить мистеру Марвину хлопок и разрешить продать его, но только если бы он согласился отдать половину прибыли.

Эти двуногие стервятники крадут земли и урожай повсюду. Сосед Марвина потерял прекрасную ферму – не смог выплатить сто пятьдесят долларов недоимки по налогам. Нам приходится здесь платить за наши грехи, но у северян, похоже, не осталось ничего святого.

Бодрый и мускулистый представитель министерства финансов Фило Траут встретил пароход Изабель в Чарльстоне. Из-за налетевшего на побережье тропического шторма, который обрушился на город мощными ветрами и ливнями и только потом отступил дальше, вылив больше чем на шесть дюймов дождя, им пришлось отложить отъезд на сутки.

Наконец они выехали. Траут правил с трудом проезжавшей по раскисшим дорогам двуколкой, а Изабель внимательно оглядывала затопленные поля. Когда она спросила Траута, откуда вода, он пояснил:

– Штормовой нагон из приливных рек. Теперь эти поля отравлены на несколько сезонов.

Это мгновенно заставило Изабель отказаться от идеи, которая привела ее на Юг. Ей больше не хотелось становиться владелицей земли в Каролине. Регулярные штормы создавали слишком большой риск для ее денег, но об этом Трауту она, разумеется, ничего не сказала.

Когда они ехали вдоль берега Эшли, Траут показал ей несколько плантаций, и в том числе Монт-Роял. Изабель отреагировала с молчаливым отвращением, но не показала виду, что знает владельцев.

Еще через несколько миль Траут остановил коляску на развилке возле какой-то лавки с покосившейся вывеской «БРАТЯ ГЕТТИС». На входной двери была приколочена табличка с одним-единственным словом «ЗАКРЫТО».

Траут сдвинул на затылок соломенную шляпу и поставил ногу на ступеньку двуколки:

– А вот это интересное предложение, хотя и не то, о чем вы говорили. Однако на этом маленьком магазинчике можно делать хорошие деньги и не беспокоиться из-за того, что соленая вода попадет на поля.

Изабель наморщила нос:

– Как такое жалкое место может приносить прибыль?

– Целыми тремя способами, мэм, и все они основаны на правильном вложении капитала. Причем это реальные деньги, а не бумажки Конфедерации. Местные плантаторы нуждаются в разных товарах. Инвентарь, всякие хозяйственные мелочи, семена. Сначала, конечно, придется хорошо вложиться. Но у плантаторов и бывших рабов нет наличности. Поэтому владелец магазина сможет превратить каждую продажу в кредит и устанавливать такую цену, какую захочет, и такой процент, какой ему вздумается, – хоть пятьдесят, хоть девяносто. Им придется или платить, или умирать с голоду.

После таких слов, несмотря на удушающую жару этих болотистых мест, несмотря на насекомых и вонь гниения, Изабель решила, что неудобства путешествия того стоили.

– Вы упомянули о трех способах, мистер Траут.

– Да, действительно. Чтобы обеспечить каждую сделку товарами, вы также потребуете определенный процент с продажи будущего урожая риса или хлопка. – Он усмехнулся. – Остроумно?

– Я и сама не придумала бы ничего более остроумного. – Изабель промокнула платочком пот на лице. – И кто же мог бы вести дела в таком магазине?

– Что ж, мэм, если его купите вы, вам, без сомнения, понадобится новый управляющий, ведь ваш муж занят на службе. До закрытия здесь всем заправлял Рэндалл Геттис, ярый сторонник Конфедерации. Я его знаю. Если останется он и, предположим, даже согласится продавать чернома... э-э... цветным, он с них сдерет раз в восемь или десять больше, чем с белых, просто от злости.

Изабель просияла:

– И что с того, дорогой мистер Траут? Да, мы с мужем республиканцы, но мне, честное слово, нет никакого дела до предубеждений управляющего или его торговой политики, лишь бы он зарабатывал деньги.

– О, это Рэндалл Геттис делать точно умеет. Он знает всех в округе. Раньше даже газету маленькую издавал и хотел бы снова этим заняться.

– Он может брать с негров в десять раз больше, чем с белых, если никто в Вашингтоне об этом не узнает, а нас с мужем не станут связывать с этим делом. Мужу это может повредить.

– Рэндалл и его родня в отчаянном положении, они готовы подписать контракт на продажу льда в аду.

Изабель с трудом сдерживала волнение. И как всегда, именно она все придумала и договаривалась о выгодном деле, а Стэнли оставался в тени.

– Все можно устроить, – заверил ее Траут. Он взялся за поводья и развернул лошадь в обратную сторону. – Я мог бы договориться и купить для вас эту недвижимость на аукционе в следующем месяце.

Они поехали обратно, в направлении Монт-Роял. Тени ветвей то и дело падали на вспотевшее лицо Изабель.

– Нам нужно обсудить еще кое-что, мэм, – сказал Траут.

– Плату за ваши услуги и... молчание?

– Да, мэм! – широко улыбнулся агент. – Знаете, я работал телеграфистом в Дейтоне, штат Огайо, пока дядя не пристроил меня на эту работу. За шесть месяцев я заработал здесь больше, чем мог бы заработать за всю жизнь на Севере.

– Да, Юг – это действительно земля возможностей для всех, не так ли? – откликнулась Изабель с самодовольной улыбкой.

«Братья Геттис» снова открылись. Лавку заново выкрасили и внутри, и снаружи, на полках и на полу громоздятся новые товары. Во главе всего этого изобилия воцарился молодой Рэндалл Г. Над входом он прибил кричащую вывеску с изображением боевого знамени Конфедерации и новым названием: «МАГАЗИН ДИКСИ»⁷.

Он отказывается говорить о таком неожиданном повороте своей судьбы, так что мы все в недоумении. Я не могу представить, чем вызвано такое внезапное возрождение, да у меня и нет времени думать об этом. К тому же ты знаешь мое отношение ко всей этой фанатичной семейке.

⁷ Южные штаты США.

Глава 7

– Совсем недолго побыли. – Джордж говорил громко, чтобы его услышали за шумом, с которым грузили багаж через два вагона от них. Он обнял Бретт, ощутив, несмотря на пышные юбки, ее округлившийся животик. – Ты уж побереги этого малыша, о котором я не должен упоминать, и доберись до Сан-Франциско заблаговременно.

Их окутали клубы пара. Пахнувшая лавандой щека Бретт была мокрой.

– Не беспокойся. Он родится в Калифорнии.

– Ты уверена, что это мальчик? – спросила Констанция.

– Абсолютно! – ответил Билли.

В новом широком пальто темно-серого цвета и галстук более светлого тона он выглядел очень элегантно. Они с Констанцией обнялись, потом женщины обняли друг друга. Джордж пожал брату руку:

– Не стану скрывать, Билли, мне бы хотелось, чтобы ты остался в Пенсильвании.

– Слишком много воспоминаний на этом берегу Миссисипи. Я всегда любил Вест-Пойнт, но, как и ты, сыт армией по горло.

И тем, что армия заставила тебя делать, подумал Джордж.

– Да защитит Бог тебя и всех вас, – сказал Билли.

– И вас с Бретт, и вашего сына. Поскольку за религию в нашей семье отвечает Констанция, я попрошу ее молиться о том, чтобы море было спокойным, пока вы плывете к Южной Америке и вокруг мыса Горн.

– Там сейчас зима, но мы справимся.

Лучше, чем получается у меня, с глубокой грустью подумал Джордж. Она не отпускала его, вызывая беспричинную задумчивость и апатию с той самой ссоры со Стивенсом в Вашингтоне.

– Если ваш корабль будет стоять в Лос-Анджелесе достаточно долго, – сказала Констанция, – пожалуйста, загляните в адвокатскую контору моего отца, передайте, что я его люблю.

– Непременно, – кивнул Билли.

– По вагонам! – объявил кондуктор.

Стоя чуть в стороне, Патриция махала рукой отъезжавшим путешественникам. Уильям смотрел на симпатичную девушку, спешившую к последнему вагону. Продолжая улыбаться, Патриция прошипела ему:

– Помашаи рукой, грубиян!

Уильям показал ей язык и махнул рукой.

Поезд тронулся. Джордж быстро пошел по платформе рядом с вагоном Билли и Бретт и закричал:

– Обязательно убедите Мадлен взять еще одну ссуду, если ей нужны деньги!

– Конечно! – крикнул в ответ Билли.

– Билли, сразу сообщи, как устроитесь! Пришли телеграмму!

– Обещаю! – (Паровоз засвистел.) – А ты сообщи, если станет что-нибудь известно о Чарльзе!

Джордж энергично закивал; поезд уже набирал ход.

Пока военное министерство не ответило на оба письма Билли с просьбой сообщить о местонахождении его лучшего друга, который предположительно должен был служить в кавалерии где-то на Западе.

Джордж побежал быстрее, размахивая шляпой и что-то крича, хотя его уже никто не слышал. Констанция звала мужа, прося вернуться. Поезд миновал платформу и пошел быстрее вдоль берега реки и старого русла канала. Билли и Бретт исчезли.

Как же Джордж завидовал их молодости, независимости! Восхищался их храбростью, ведь они решили переехать в штат, о котором только читали в старых путеводителях времен золотой лихорадки, не заслуживающих доверия. Впрочем, американцы в Калифорнии процветали. Четверо крупнейших предпринимателей, известных как Большая четверка, сейчас вели строительство самого сложного участка трансконтинентальной железной дороги через горы Сьерра-Невада, так что уже через каких-то несколько лет Тихоокеанское побережье будет связано с остальной страной. Билли твердо намеревался открыть свою строительную фирму, и никакие обещания Джорджа обеспечить ему прекрасное будущее на заводе Хазардов не могли его поколебать.

– Черт!.. – пробормотал Джордж, останавливаясь на краю платформы.

Прежде чем вернуться к своей семье, он смахнул слезы с глаз. Было понятно, что имел в виду брат, когда говорил о воспоминаниях, связанных с восточным берегом Миссисипи.

Как-то вечером они проговорили об этом несколько часов, когда в доме все уже спали. Война оставила в их душах глубокий след, навсегда изменив их обоих настолько глубоко и основательно, что они, возможно, этого еще даже не понимали.

Джордж рассказал о встрече с двумя отставниками перед его отъездом из Вашингтона. В баре отеля «Уиллард» они изрядно напились, и их потянуло на откровенность. Сначала один, потом второй признались, что чувствуют себя потерянными теперь, когда насыщенные переживаниями военные будни остались в прошлом.

Уже в глубокой ночи братья рассказали друг другу о мучивших их призраках. Билли не мог избавиться от воспоминаний о боевом товарище Лайдже Фармере, который погиб в бою, несмотря на свою непоколебимую веру в доброту Бога. Не мог он забыть и о тюрьме Либби; ему до сих пор снились кошмары о ней. Наверное, он бы там и умер, если бы не дерзкий побег, задуманный и осуществленный Чарльзом и Орри Мэйнами. А еще он слишком ярко помнил жестокий, холодный взгляд своего лучшего друга Чарльза, когда они встретились в конце войны.

Джордж никак не мог забыть тот день, когда узнал о смерти Орри, и те полчаса, которые он простоял на коленях возле его пустой могилы в Монт-Роял, после того как захоронил в ней письмо об их дружбе, написанное в шестьдесят первом году, но так и не отправленное. В письме он выражал надежду, что узы дружбы между Мэйнами и Хазардами выстоят в этой войне и, самое главное, что все члены их семей останутся в живых. Для Орри этим надеждам не суждено было сбыться.

Джордж вернулся к своей семье. Констанция сразу заметила подавленное настроение мужа. Она взяла его за руку, когда они шли к лакированному фаэтону, верх которого был откинут из-за августовской жары. Кучер открыл перед Хазардами дверцы, потом забрался на свое место и взмахнул кнутом над головами двух великолепных гнедых лошадей.

Мой город, думал Джордж, пока фаэтон катил вверх по склону. Джордж был главным совладельцем банка Лихай-Стейшн, имел более четверти акций; также ему принадлежал отель «Стейшн-Хаус», который сейчас высился слева, и почти треть домов в черте города. Большинство из них находилось в деловом квартале вдоль реки, но было и четырнадцать основательных кирпичных зданий, построенных выше на склоне. Они сдавались в аренду мастерам завода Хазардов и нескольким богатым торговцам.

Пока фаэтон ехал дальше, Джордж внимательно оглядывал улицы, выискивая трех жертв войны, живших в этом городе. Первым он увидел слепого юношу, просившего милостыню на оживленном тротуаре рядом с универсальным магазином Пинкни Герберта. Парень с деревянной ногой им так и не встретился, зато в следующем квартале он заметил Тома Хасслера.

– Стой, Джером! Подожди минутку! – крикнул Джордж и выскочил из кареты.

Патриция и Уильям нетерпеливо вздохнули. Короткие ноги Джорджа быстро донесли его до юноши, которому он дал работу на своем заводе. Однако Том не смог справиться даже с

самым простым делом, поэтому теперь бродил каждый день по городу, позвякивая жестяной банкой, в которую мать специально клала камешки, чтобы люди думали, будто юноше уже что-то подали. Джордж сунул в банку бумажку в десять долларов. Вид обвисших губ Тома и мертвых карих глаз всегда бесконечно расстраивал его. Как и двоим другим городским военным инвалидам, Тому Хасслеру не исполнилось еще и двадцати.

– Как ты сегодня, Томми?

Пустой взгляд юноши скользнул от реки к склонам холмов на другом берегу.

– Прекрасно, сэр. Жду приказа генерала Мида. Мы должны до темноты оттеснить бунтовщиков с Семинарского холма.

– Хорошо, Том. Ты победишь.

Джордж отвернулся, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. В последнее время с ним это случалось все чаще. Просто стыд какой-то! Он сел в фаэтон и захлопнул невысокую дверцу, не глядя на жену. *Как стыдно, что же со мной происходит?*

Иногда он, впрочем, понимал, что с ним происходит то же, что происходило с его братом и еще тысячами других мужчин. Мощные и незнакомые чувства после капитуляции. Дурные сны. Мысли о дружбе, появившиеся в странной атмосфере постоянной близости смерти. Воспоминания о хороших людях, убитых в бессмысленных боях, о дураках и трусах, которые выжили по воле случая или притворившись больными накануне сражения...

То, что происходило с Джорджем и со всей Америкой, стало последствием четырехлетнего противостояния, равного которому еще не знал мир. Не было ничего нового в том, что кузен убивал кузена или брат брата, однако появившееся в этой войне автоматическое оружие, телеграф и железные дороги сделали искусство уничтожения себе подобных более совершенным. На полях и лугах, в долинах рек и на горных склонах тысячи невинных людей испытали на себе ужасы современной войны.

И вот теперь эта война не хотела отпускать Джорджа. Констанция видела это в потерянных, измученных глазах мужа, когда фаэтон взбирался все выше по дороге к Бельведеру, их поместью на вершине холма. Ей хотелось взять его за руку, но она слишком хорошо понимала, что не сможет облегчить эту боль, как не сможет уже, наверное, никто и никогда.

Весь день Джордж провел на заводе. Военное производство было уже почти полностью свернуто, и предприятие вновь вернулось к выпуску кованых архитектурных украшений, чугунных изделий, предназначенных для разных целей, и, что, возможно, самое важное – рельсов. Почти все железные дороги на Юге были разрушены. А на Западе строили две новые ветки, что создавало еще один огромный рынок. Дороги «Юнион-Пасифик» вдоль долины реки Платт и «Юнион-Пасифик, Восточное отделение» в Канзасе не имели ничего общего, кроме названия, но обе тянулись к сотому меридиану. Первая ветка, дотянувшаяся до него, выиграла бы право на дальнейшее строительство и соединилась бы с дорогой «Сентрал-Пасифик», которая строилась на восток от Калифорнии.

Джордж вернулся домой только тогда, когда остальные члены семьи уже поужинали и собрались вокруг их нового сокровища – рояля, присланного в подарок Генри Штайнвегом и его сыновьями из Нью-Йорка. Хазард поставлял для их компании металлические пластины для фортепьяно, которые получили название «Штайнвей», потому что Штайнвегу оно показалось более благозвучным, коммерческим и американским. Штайнвег прошел долгий путь и даже сражался добровольцем в кровавой битве с Наполеоном при Ватерлоо. Джорджу очень нравился этот человек.

Он поздоровался с семьей и прошел на кухню, где съел пару тонких кусков холодного ростбифа, больше ничего не хотелось. Потом уселся на веранде и, поставив одну ногу на перекладину ограждения, стал делать карандашные пометки на архитектурном проекте нового

завода в Питтсбурге. Этот город, расположенный на двух огайских реках, почти наверняка мог стать металлургическим центром страны в ближайшие десять лет. Джордж хотел добраться туда раньше остальных.

Из дома доносились звуки рояля. Патриция играла и пела вместе с матерью «Listen to the Mocking Bird», «Dixie's Land» – любимую песню Бретт – и «Hail, Columbia!», которую многие уже считали национальным гимном, потому что конгресс и общество никак не могли прийти к согласию в этом вопросе.

Вскоре пение смолкло. Джордж продолжал работать, пока августовский день не подошел к концу. Он видел, как в стоящем по соседству доме Стэнли и Изабель, перемещаясь из комнаты в комнату, движется фонарь смотрителя, просвечивая сквозь занавешенные окна. Хозяева теперь бывали здесь редко. Джордж по ним не скучал.

Он попытался сделать кое-какие математические расчеты с учетом стоимости участка земли, необходимого для постройки нового завода. После четвертой попытки он отчаялся получить верный ответ и отложил бумаги. Снова навалилась тоска, необъяснимая и вместе с тем изматывающая. Он побрел в дом, чувствуя себя старым и уставшим.

В пустой библиотеке он остановился возле письменного стола и стал смотреть на два предмета, которые неизменно находились на его полированной поверхности. Одним из них был осколок метеорита – звездное железо, так называли их в древности. Для Джорджа этот гость с небес всегда олицетворял собой невероятную власть железа. Оно могло как облегчить жизнь человеку, так и отнять ее, если сделать из него оружие. Рядом с метеоритом лежала веточка горного лавра, в изобилии росшего в долине. В семье Хазард лавр всегда был символом жизнестойкости, торжества надежды и добра, которые могли дать только любовь и поддержка семьи. Веточка засохла, увядшие листья стали бурыми. Джордж бросил ее в холодный камин.

За его спиной открылась дверь.

– Я так и подумала, что ты здесь.

Констанция поцеловала его в щеку, и он почувствовал приятный запах шоколада. Ее рыжие волосы были заколоты шпильками, пухлое лицо сияло после умывания.

– Что не так, дорогой? – спросила она, взглядевшись в мужа.

– Не знаю. Просто чувствую себя ужасно несчастным. Сам не понимаю почему.

– Ну, какие-то причины я могу угадать. Твой брат едет на другой конец континента, и, возможно, тебе не дают покоя такие же чувства, в которых признались те двое мужчин из бара «Уилларда», когда сказали, что им так не хватает переживаний и ярких эмоций, испытанных на войне.

– Я бы сгорел от стыда, если бы затосковал по убийству людей.

– Не по убийству. По обостренному чувству жизни, как будто идешь по краю обрыва. Нет ничего постыдного в таком признании, если это правда. Тем более что все скоро пройдет.

Джордж кивнул, хотя и не поверил ей. Близкое к отчаянию чувство казалось слишком мощным.

– Через несколько недель дом совсем опустеет, – сказал он. – Уильям уедет в Йель, Патриция вернется в Бетлехем, в свою моравскую школу.

Она провела прохладной ладонью по его заросшей щеке:

– Родителям всегда грустно, когда дети покидают их впервые... Давай-ка мы с тобой немного прогуляемся, – добавила она, взяв его за руку. – Тебе станет легче.

Под жарким вечерним ветром они поднялись на холм за Бельведером. Слева внизу открывалась внушительная панорама завода Хазардов; доменные печи озаряли небо ярко-красным светом.

Неожиданно тропинка привела их прямо к тому месту, которого Констанция предпочла бы избежать, потому что оно символизировало отчаяние. Они оказались у большого кратера,

оставшегося после падения метеорита весной шестьдесят первого года, перед самым началом войны.

Джордж наклонился над краем кратера:

– Ни травинки. Даже сорняки до сих пор не выросли. Неужели земля навсегда отравлена? – Он посмотрел на тропу, бежавшую выше по холму. – Наверное, Вирджилия шла именно здесь, когда украла все серебро из дому.

– Джордж, не надо вспоминать только плохое.

– А о чем хорошем я могу вспоминать? Орри мертв. Том Хасслер бродит по улицам с помутившимся рассудком и уже никогда не поправится. Мы не слишком старались предотвратить эту войну и теперь получили то, что заслужили. Все вокруг твердят, что дело Юга проиграно. Что ж, значит, и дело Америки тоже. И нашей семьи. И мое.

Заводские трубы выбрасывали искры в ночное небо. Констанция обняла мужа:

– Как бы мне хотелось развеять эти твои чувства! Не могу видеть, как ты страдаешь!

– Прости. Мне и самому стыдно, что я так распустился. Это не по-мужски. – Он едва слышно выругался, уткнулся лицом в теплую шею жены и пробормотал: – Но я ничего не могу с собой поделать.

Констанция молча молилась Богу, в которого искренне верила. Она просила Господа прогнать тяжкие мысли из головы Джорджа и облегчить ту непосильную ношу, которую он сам на себя взвалил. Или хотя бы не добавлять новые, пусть даже самые маленькие. Она боялась, что иначе Джордж просто не выдержит.

Они долго стояли обнявшись на пустом склоне холма рядом с мертвым кратером.

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Август 1865-го. Она здесь – мисс Пруденс Чаффи из Огайо!

Ей двадцать три, она очень крепкая (родом из фермерской семьи) и без всякой жалости к себе называет себя некрасивой. Это правда. У нее круглое лицо и полноватая фигура. Но при всей внешней невзрачности от нее исходит какой-то чудесный свет. Что бы она ни говорила и что бы ни делала, во всем чувствуется удивительная преданность делу, как у тех редких и достойнейших людей, которые делают этот мир лучше, чем он был до их появления.

Ее отец наверняка был особенным человеком и не считал, как все остальные, что образование юных девушек никому не нужно и даже опасно, так как высшая математика чересчур утомительна для женского мозга, естественные науки слишком нескромны, а такие дисциплины, как география, представляют угрозу для догм Книги Бытия. Она и верит, и обладает хорошими знаниями, полученными в Западном женском колледже.

С собой мисс Чаффи привезла саквояж с одеждой, Библию, «Путешествие Пилигрима в Небесную страну» Джона Баньяна и с полдюжины синих книжечек Макгаффи⁸.

В первый же вечер, когда мы сидели за скудным ужинам, состоящим из горстки вареного риса, я постаралась честно предупредить ее о тех трудностях, с которыми нам придется столкнуться, и в первую очередь о недовольстве соседей, на что она мне ответила:

– Миссис Мэйн, я молилась как раз об этом. Ничто не собьет меня с пути. Я ведь одна из тех немногих счастливиц, о которых святой Павел написал в своем Послании к римлянам: «Он, сверх надежды, поверил с надеждою». Я приехала сюда учить, и я буду учить.

Орри, мне кажется, я нашла человека, которому смогу по-настоящему доверять, и друга.

...Пруденс продолжает удивлять меня. Повела ее этим утром к будущему зданию школы, его уже строят на полпути к заброшенному поселку рабов. Линкольн, наш самый

⁸ Иллюстрированные антологии детского чтения Уильяма Макгаффи получили огромную популярность с 1830 г., а в некоторых школах Огайо используются и в настоящее время.

последний нанятый рабочий из бывших рабов, покрывал крышу кипарисовой дранкой, изготовленной вручную. Пруденс заявила, что это ее школа, а значит, она должна участвовать в работе, тут же завязала юбку узлом между ногами и полезла вверх по лестнице. Линкольн выглядел ошеломленным и смущенным, хотя быстро опомнился, когда она принялась заколачивать гвозди, как будто для этого родилась. Я потом спросила, откуда у нее такие навыки.

– Папа научил. Он чувствовал, что я должна быть готова к любым неожиданностям в этой жизни. Думаю, он просто считал, хотя и никогда не говорил об этом, что на таком гадком утенке, как я, да еще с аболиционистскими идеями, ни один мужчина не захочет жениться. Но на самом деле я могу выйти замуж. Я ведь вам уже говорила, что надежда – это главное. Так или иначе, быть мне замужем или нет, но плотницкое дело все равно пригодится. Да и вообще, учиться всегда полезно. Вот почему я решила учиться сама.

...Утром ходила в лавку братьев Геттис, не была там с тех пор, как они снова открылись. Пухлый и белокожий мистер Рэндалл Геттис приветствовал меня, выйдя из-за прилавка.

Свидетельства его литературных притязаний были нарочито выставлены на видном месте на полу, в старом деревянном ящике. Подержанные сборники По, Кольриджа, романы Гилмора Симмса, наверняка выкупленные у какого-нибудь обнищавшего землевладельца. Но кто здесь их будет покупать, даже по пять центов, представить не могу.

Еще более откровенно были выложены свидетельства политических пристрастий мистера Геттиса – прямо на прилавке высились аккуратные стопки «Земли, которую мы любим», одного из тех изданий, которые поддерживают грустную веру в то, что дело Юга еще не потеряно...

Геттис встретил ее с преувеличенной любезностью и, выйдя из-за прилавка, подошел так близко, что ей даже стало неловко. Из нагрудного кармана его засаленного сюртука торчал огромный белый носовой платок, в стеклах маленьких круглых очков в металлической оправе посверкивало солнце. Щеки были гладко выбриты, но темная борода отчего-то придавала ему неряшливый вид.

Мадлен отметила изобилие товаров на полках:

– Я и не знала, что у вас такие хорошие запасы. И что у вас нашлись на это деньги.

– Денег дал один мой родственник из Гринвилла, – сразу же ответил Геттис.

Мадлен заметила, как он покосился на ее грудь, когда промокал подбородок платком.

– Для меня большое удовольствие видеть вас, миссис Мэйн. Что я могу вам предложить?

– Пока ничего. Я просто хотела узнать, какие у вас цены. – Она показала на бочонок. –

Например, на семенное зерно.

– Один доллар за бушель. И четверть полученного урожая или ее стоимость наличными.

Для цветных цена двойная.

– Рэндалл, я очень рада, что ваш магазин открылся, но не думаю, что нам здесь понравится ценовая политика такого рода.

Она произнесла это без малейшей враждебности, однако Рэндалл разозлился. Вся его елеяная вежливость вмиг слетела.

– Вот уж что точно здесь никому не понравится, так это ваша богомерзкая школа, которую вы собираетесь открыть. Школа для ниггеров!

– А также для всех белых, кто захочет получить новые знания.

Геттис пропустил ее замечание мимо ушей.

– Это оскорбительно! Более того – бессмысленно. Черный не способен учиться. Его мозг слишком мал. Он годится лишь для того, чтобы быть нашим дровосеком или водовозом, в

точности как сказано в Писании⁹. А если ниггер действительно имеет какие-то проблески ума, образование только разожжет его низменные страсти и пробудит ненависть к тем, кто выше его по положению.

– Боже мой, Рэндалл, избавьте меня от этих старых песен!

– Нет, мэм! – воскликнул он. – Не избавлю! Мы проиграли войну, но не утратили здравый смысл! Белые граждане нашего округа не допустят здесь африканизации!

Мадлен устало повернулась и пошла к двери.

– Вы бы лучше прислушались! – крикнул он ей вслед. – Вас честно предупредили.

Он смотрел ей в спину и не мог видеть, что после этих слов на ее лице отразился испуг. Она с горечью подумала о письме Купера, где он писал ей о Дезмонде Ламотте. Сколько же еще человек ополчатся на нее?

Суббота. Строительство навеса для лесопилы на берегу реки завершено, так что древесину можно будет отправлять почтовыми пароходами, когда их движение возобновится. Я с некоторой гордостью наблюдала за тем, как два наших мула тащили первое кипарисовое бревно к месту распила. Линкольн стоял наверху, а Фред ниже, в яме, и они пилили бревно длинной двуручной пилой. Способ, конечно, доисторический, и труд каторжный, но пока у нас нет паровой машины, по-другому не получится. Это лишь начало.

Пруденс хочет завтра пойти в церковь. Возьму ее с собой...

В церковь Святого Иосифа Аримафейского. Лучшие бы мы туда не ходили...

Остановив фургон и привязав лошадь, Мадлен увидела, как двое мужчин из их прихода отшвырнули свои сигары и быстро зашли в старую, построенную из глины и ракушечника церковь, где молились уже многие поколения приверженцев англиканской веры.

Мадлен и Пруденс были в своих лучших шляпках. Когда они подошли к дверям здания, крошечный орган внутри вдруг умолк, а на пороге появился добродушный пастор, отец Лавуэлл. За его спиной члены общины, сидевшие на освещенных солнцем скамьях, обернулись и посмотрели на женщин. Мадлен увидела многих знакомых. Вид у них был недружелюбный.

– Миссис Мэйн... – Розовые щеки священника блестели от пота, очки запотели. – Мне очень прискорбно говорить это... – он понизил голос, – но меня просили напомнить вам, что... э-э... цветным не разрешено здесь молиться.

– Цветным? – повторила Мадлен, задохнувшись, как будто он ее ударил.

– Да, верно. В нашей церкви нет хоров, где вы могли бы стоять, а занимать семейную скамью я больше не могу вам позволить.

Мадлен посмотрела за его спину – вторая в левом ряду скамья была пуста.

– Вы это серьезно, отец? – спросила она, едва сдерживая гнев.

– Да, вполне... Мне хотелось бы, чтобы все было иначе, но...

– Тогда вы просто злой и жестокий человек и у вас нет права называть себя христианином!

Он придвинулся ближе к ней и, тяжело дыша, произнес:

– У меня есть христианское сострадание к людям моей расы. А к полукровкам, которые сеют волнения, замышляют поджоги, проповедуют ненависть и молятся дьявольским доктринам черных республиканцев, у меня ее нет и быть не может!

Пруденс казалась ошеломленной и рассерженной. Мадлен все же сумела справиться с собой и ослепительно улыбнулась пастору:

⁹ «...за это прокляты вы! Без конца вы будете рабами, будете рубить дрова и черпать воду для дома Бога моего!» – Иисус Навин, 9: 23.

– Да поразит вас Господь на этом самом месте, отец! Прежде чем я уйду отсюда, чтобы спрятаться, точно какая-нибудь прокаженная, я скажу вот что: гореть вам в аду!

– В аду? – Он отшатнулся от нее, мягкая белая рука схватилась за ручку двери. – Сомневаюсь.

– Будьте уверены! Вы только что приберегли там местечко для себя.

Из церкви донесся сердитый ропот прихожан. Дверь захлопнулась.

– Идемте! – коротко бросила Мадлен, резко развернулась и пошла обратно к фургону.

Растерянная Пруденс поспешила за ней:

– Что все это значит? Почему он назвал вас цветной?

– Нужно было сразу вам рассказать, как только вы приехали, – вздохнула Мадлен. – Ладно, все узнаете по дороге домой. Если захотите, можете уехать. А насчет всего остального, о чем говорил отец Лавуэлл, боюсь, это означает объявление войны. Плантации, школе и лично мне.

...Пруденс обо всем узнала. И остается. Я молю Бога, чтобы она не пожалела об этом или чтобы из-за меня ей не причинили вреда.

Глава 8

Чарльз открыл глаза и, опершись на руки, попробовал приподняться, но в ту же секунду ему в лоб словно ударила невидимая дубина, и он снова упал.

– Черт побери...

Он повторил попытку, и на этот раз, несмотря на сильную боль в голове, все-таки смог сесть.

В неглубокой яме, вырытой в земле, горел огонь. По другую сторону костра сидел бородатый мужчина, загоревший почти до черноты, и крутил в руках гибкую палку, пытаясь ее сломать. Густо украшенная бисером куртка делала его похожим на странствующего лекаря, которые ездили по стране и продавали всевозможные якобы целебные снадобья. У ног мужчины лежала пегая собака и грызла кость. Тут же неподалеку, скрестив ноги, сидел мальчик с косящими глазами и уродливой головой.

Чарльз почувствовал какой-то мерзкий запах:

– Чем это так воняет?

– Разные травы, растертые с бизоньими мозгами, – ответил бородач. – Я смазал те места, которым больше всего досталось.

Чарльз наконец начал понимать, где находится. Они сидели в индейском типи, сооруженном из дюжины шестов высотой футов восемнадцать и натянутых на них бизоньих шкур. Конструкция жилища имела форму конуса с дыркой для дыма наверху. Над головой слышался стук дождевых капель.

– Все верно, вы в нашем типи, – сказал бородач, словно прочитав его мысли. – На языке дакотских сиу это означает «место, где живет мужчина». – Он наконец сломал палку и протянул ему половину через костер. – Джерки¹⁰. Вам надо подкрепиться.

Чарльз откусил кусочек копченого мяса бизона.

– Спасибо. Я такое уже пробовал.

– Вот как! – воскликнул бородач, явно довольный. – Выходит, вы не в первый раз на Западе.

– До войны служил у Боба Ли, во Втором кавалерийском в Техасе.

Незнакомец усмехнулся, обнажив желтые зубы:

– Все лучше и лучше...

Чарльз с трудом изменил позу. Голову снова пронзила резкая боль.

– Слушайте, я бы на вашем месте не спешил шевелиться, – предупредил его бородач. – Вы же весь лиловый, как кусок несвежей говядины. Пока вы там лежали, я немного потолкался среди народа, кое-чего подслушал. Тот маленький петушок, который все это затеял, заявил, что добьется вашего увольнения с большим шумом.

– Как дезертира?

– Точно. Думаю, туда вам лучше не возвращаться.

Чарльз с трудом сел, чувствуя сильное головокружение.

– Но у меня там вещи остались.

Незнакомец ткнул пальцем куда-то вбок, и Чарльз только тогда увидел, что рядом с ним, чуть сзади, стоит его саквояж.

– Я туда сходил, забрал все. Никто и слова не сказал, кроме парня, что в карауле стоял. Но за доллар и он с радостью голову в сторону повернул. Как вас зовут?

– Чарльз Мэйн.

Бородач протянул руку над костром:

¹⁰ Вяленое мясо.

– Рад познакомиться. А я Адольф О. Джексон. Для друзей – Деревянная Нога. – Он поднял ногу в кожаной штанине и сильно постучал по правому ботинку, произведя гулкий стук. – Дубовая. Она у меня с четырнадцати лет, после того как с ютами повстречаться довелось. Отец тогда еще живой был. Мы капканы ставили на бобров на восточных склонах Скалистых гор. Как-то раз я бродил один и случайно угодил ногой в чей-то чужой капкан. А потом рядом, как назло, оказались три юта, да еще в дурном настроении. Нужно было или как-то выбираться из капкана, или ждать, когда тебя убьют. Я достал нож и высвободил ногу, а потом сознание потерял. На мое счастье, отец меня нашел и увез оттуда, от индейцев подальше. А потом отрезал мне ступню. Иначе не выжить мне было. – Все это он говорил таким безмятежным тоном, как будто обсуждал вкус вяленого мяса, которое не переставая жевал.

Чарльз переждал, пока не пройдет приступ головокружения.

– Я вам благодарен, мистер Джексон. Я ведь поступил в кавалерию и служил бы, если бы этот сукин сын меня не узнал.

– Да, сэр, он, видно, до сих пор воюет с южанами.

– Спасибо, что подобрали меня и немного подлечили. Теперь я, пожалуй, пойду поищу какое-нибудь...

– Сидите на месте! – перебил его Джексон. – Вы пока не в том состоянии, чтобы ходить. – Он поковырялся в зубах. – Да и я ведь тащил вас из грязи не только потому, что драка была нечестной. У меня к вам предложение.

– Какое?

– Деловое. – Джексон обнаружил крошку вяленого мяса в своей длинной и широкой, темной с проседью бороде, вытащил ее и продолжил: – Имею честь представить: перед вами Торговая компания Джексона. Меня вы уже знаете. Этот прекрасный юноша за моей спиной – мой племянник Гершель. Я зову его Малышом, так удобнее. Когда его отец умер от испанки в Луисвилле, у него никого не осталось, кроме меня. Парень старается, но за ним нужно присматривать.

Деревянная Нога посмотрел на мальчика с нежностью и грустью. Один этот взгляд сразу вызвал в Чарльзе симпатию к нему. Джексон заставил его вспомнить об Орри; он тоже был привязан к родным, очень любил своего непутевого кузена и всегда старался помогать ему.

– А это, – Джексон показал на пса, грызшего кость, – Фенимор Купер. Если коротко, то Фен. Выглядит не ахти как. Бордер-колли все такие. Но вы бы удивились, увидев, какие тяжелые повозки он может тянуть. – Джексон наконец дожевал свой кусок джерки. – Мы, знаете ли, совершаем регулярные поездки к цис-цис-тас. – Он сделал упор на втором слоге.

– Это еще что за чертовщина?

– Все зависит от того, кого вы спрашиваете. Одни говорят, что это означает «наши люди», или «похожие люди», или «те, кто живет здесь», это как бы вольный перевод. Сиу говорят «шай-ела», что означает «люди, говорящие на красном языке». То есть на чужом. Другими словами, те, кого сиу не могут понять. – Джексон какое-то время наблюдал за Чарльзом с веселой снисходительной улыбкой, а потом, вволю позабавившись, добавил: – Мы торгуем с южными шайеннами. Если будете их называть так, все поймут. А еще можно показать так. – Он сделал несколько быстрых, плавных движений руками, то вращая кулаком, то выставляя и сгибая пальцы.

– Я знаю этот язык жестов, – сказал Чарльз. – Команчи в Техасе тоже им пользуются.

– Да, сэр, это универсальный язык всех племен. Я только что сказал: «Мы торгуем с шайеннами на Индейской Территории». Мы везем им разные товары, а назад возвращаемся с индейскими лошадьми. Это неплохой кусок хлеба, хотя и не такой жирный, как мог бы быть. Потому что я не торгую оружием или огненной водой.

Чарльз уже в общих чертах понял, в чем заключалось предложение Джексона.

– Кусок хлеба может и неплохой, но уж больно опасный, – сказал он.

– Только иногда. Тут всего двести, а может, триста тысяч краснокожих, но опасны из них меньше трети, да и те не всегда. Можно ехать спокойно, если они знают, что ты не боишься. – Он вытащил из волос индюшачье перо и провел указательным пальцем по широкой букве «V», вырезанной на стебле. – А еще они могут прочесть вот этот особый знак подвига. Он означает, что однажды я встретился с плохим индейцем и снял с него скальп, чтобы он не получил следующей жизни, а потом перерезал ему горло.

– И обо всем этом им скажет перо? – (Джексон кивнул.) – Вы действительно это сделали? Беззлобный взгляд Джексона остановился на Чарльзе.

– Дважды.

Чарльз вздрогнул. Мальчик положил ладонь на плечо дяди, сияя от гордости. Фен лениво вылизывал передние лапы. По шкурам типи чуть слышно стучал дождь.

– Вы говорили о каком-то предложении.

– Мне нужен помощник, чтобы прикрывать мне спину. Я покажу ему местность, научу всему необходимому, но я должен доверять ему, а он должен хорошо стрелять. Это главное.

– Я хорошо стреляю. Тренировался несколько лет, пока служил в разведке у генерала Уэйда Хэмптона.

Деревянная Нога одобительно кивнул:

– Южная кавалерия. Да, это рекомендация что надо.

– Вы первый раз берете напарника или хотите кого-то заменить?

Торговец снова провел языком по зубам:

– Думаю, нет смысла врать, если будем ездить вместе. В прошлой поездке я потерял человека. Своего напарника Дина. Он позарился на одну женщину. Ее муж и несколько его друзей из Красных Щитов порезали его на мелкие кусочки.

Вяленое мясо, казалось, подпрыгнуло у Чарльза в желудке.

– Что за Красные Щиты? – спросил он.

– Община воинов-шайеннов. Таких общин несколько: Щиты, Тетива Лука, Люди Собаки, или Собаки-воины – так их еще называют. Почти половина молодых воинов племени всегда принадлежит к какой-нибудь общине. Когда юноша достигает своей пятнадцатой или шестнадцатой зимы, он выбирает, к какой из шайеннских общин присоединиться, и это едва ли не самое важное событие в его жизни. Все эти группы появились очень давно. По легенде, один молодой шайеннский воин, которого звали Душистая Магия, забрался однажды на северный склон Священной горы – возможно, это были Черные Холмы, никто точно не знает – и встретился там с Великим Духом. Они долго разговаривали, а потом Великий Дух велел Душистой Магии вернуться домой и создать отряды для защиты племени. Он дал названия для всех этих отрядов, особую песню для каждого из них и во всех подробностях объяснил, как должны одеваться входящие в них воины. Эти группы до сих пор существуют по тем законам, которые ввел тогда Душистая Магия. Они занимают особое положение в племени, и вам лучше помнить об этом. Даже сорок четыре вождя на совете племени и пукнуть не посмеют без их одобрения.

– А чем они еще занимаются, кроме того, что верховодят в племени?

– Главная их работа – следить за порядком, когда приходит время охоты на бизонов. Они держат в узде молодых парней, чтобы никто внезапно не выпрыгнул и не напугал главное стадо.

– И я, стало быть, должен заменить человека, которого они зарезали?

– Да, мистер Мэйн. Не стану делать вид, что риска никакого. Но есть и хорошая сторона. Вы увидите самый нетронутый и самый прекрасный из краев, когда-либо созданных Господом, и вдобавок прелестнейших девиц. Я с большинством шайеннов живу вполне мирно. Им нравится старый Деревянная Нога.

Малыш, что-то ласково бормоча, придвинулся к дяде и погладил его бороду. Джексон сжал руку мальчика в ладонях. Подросток казался спокойным и радостным.

– Предлагаю такой расклад, – продолжил торговец. – В первый год я отдаю вам двадцать процентов от всего, что мы получим за пригнанных лошадей. Окажетесь молодцом, буду добавлять еще по десять каждый год, пока не дойдет до пятидесяти. А до того времени я буду хозяином всех товаров, и за все риски отвечать тоже буду я. Ах да... – он усмехнулся, – не беря в расчет риск вашим скальпом и вашей жизнью, я имел в виду. Что скажете?

Чарльз молчал, не зная, что ответить. Согласиться означало довольно основательно изменить свою жизнь. Присутствие Малыша, конечно же, заставило его подумать о сыне. Если он присоединится к Джексону, то месяцами не будет видеть маленького Гуса. Это ему не нравилось. Но работа была необходима, иначе не прожить. К тому же, служа в Техасе еще перед войной, он поклялся однажды вернуться сюда, потому что навсегда полюбил дикую красоту Запада.

– Итак, мистер Мэйн?

– Я бы хотел подумать до утра, – улыбнулся Чарльз. – Честно говоря, даже не знаю, смогу ли привыкнуть к тому, чтобы называть человека Деревянной Ногой.

– Да мне все равно, лишь бы стреляли метко.

Вскоре после этого разговора Чарльз закутался в теплую бизонью шкуру у гаснущего костра, долго ворочался, пока не нашел положение, при котором избитое тело не так болело, и наконец заснул.

Вместо бесконечных просторов прерий или жестоких индейцев он видел во сне Августу Барклай. В серых и невыразительных декорациях сновидений он обнимал ее теплое обнаженное тело. Потом неожиданно возникла какая-то другая женщина, заняв ее место. Он внезапно проснулся, испытывая мучительное чувство вины, которое сменилось острым ощущением бесприютности, ставшим еще острее после того, как он вспомнил, что его военная карьера окончательно потерпела крах.

Он по-прежнему не знал, стоит ли принимать предложение Джексона. Конечно, такую работу нельзя было назвать скучной и монотонной, но она была действительно опасной.

Все еще думая об этом, он повернулся на другой бок и невольно застонал, когда резкая боль пронзила ребра. Послышался какой-то звук, и Чарльз понял, что своим стоном разбудил пса, и теперь тот бежал к нему с другого конца типи. Когда Фен остановился возле его головы, Чарльз замер. Неужели укусит?

Собачья голова наклонилась ниже, и теплый шершавый язык трижды лизнул покрытое синяками лицо Чарльза.

Вот так это маленькое проявление нежности и привело к большим изменениям в его жизни.

– Отлично, просто здорово! – воскликнул Деревянная Нога, когда утром Чарльз объявил, что согласен.

Торговец порылся в куче одеял и завернутых в мешковину тюков и наконец нашел два мягких предмета, которые сунул в руки своего нового партнера.

– Что это? – спросил Чарльз.

– Мокасины из бизоньей кожи. Зимняя добыча. Зимой у бизонов самая густая шерсть. Их надо вывернуть наизнанку, видишь? Так ноги никогда не замерзнут.

Типи наполнилось роскошными ароматами горячего кофе и жарившегося на маленькой чугунной сковородке бекона. Малыш сидел на корточках перед очагом и правой рукой в рукавчике держал сковородку над огнем, при этом сосредоточенность на его лице казалась такой напряженной, что граничила со слабоумием.

– Мне понадобится лошадь, – сказал Чарльз.

– У меня есть одна из тех, что мы пригнали с Индейской Территории. Это четвероногое тупоголовое отродье дьявола никто не захотел купить. Если сможешь с ней справиться, она твоя.

– Я буду считаться вашим партнером?

Торговец с прищуром посмотрел на него:

– Типа того.

– У меня еще все болит. Скачка на необъезженной лошади тут вряд ли поможет.

– Ну, можно подождать денек-другой... – пожал плечами Джексон.

Чарльз потер ноющие ребра и, чуть помолчав, добавил:

– Нет. Давайте с лошадью решим сразу.

Они вышли наружу. Вокруг типи висел густой туман. Деревянная Нога поставил свое типи к западу от палаточного городка возле казарм Джефферсона. Он подвел Чарльза к жеребцу, привязанному на некотором расстоянии от других оседланных лошадей и выючных мулов. Это был небольшой поджарый конь черно-белой масти, с широким пятном на морде.

– Сдается мне, он из тех, кто убивает людей, – сказал Джексон, протягивая руку к ветке, к которой была привязана веревка. – Пристрелить бы его, да и дело с концом.

– Осторожно! – крикнул Чарльз, отталкивая торговца, когда конь встал на дыбы.

Передние копыта прорезали туман там, где только что стоял Джексон.

– Убедился? – спросил он. – Я кое-как обуздал его, но ездить на нем никто не может. Уже дважды собирался пустить в него пулю.

Чарльз почувствовал смутную тревогу. В памяти всплыл тот ужасный день в Виргинии, когда он в последний раз скакал на Бедовом. Уже смертельно раненный, его любимый конь спасал своего хозяина, теряя остатки сил в бешеной скачке, когда уносил седока в безопасное место. Чарльз вспомнил алые пятна его крови на снегу. Бедового тоже в свое время никто не хотел покупать.

– Только не вздумайте убивать его у меня на глазах, – сказал Чарльз. – Я потерял на войне лучшего в мире коня и не выношу, когда кто-нибудь причиняет им боль.

Однако опасения торговца были вполне понятны. В глазах пегого действительно горела смертельная угроза. Впрочем, Чарльз разглядел и достоинства. Конь был очень легким – не больше тысячи фунтов, с прекрасной шеей, маленькими копытами и головой, типичными для южных верховых лошадей.

– Говорите, это индейский пони?

– Ага. Армия их сгубила. Пичкала зерном, так что они и забыли, как жить на свежей траве. Становятся слабыми и вялыми. Ну, с этим такого не случится. Он так долго не проживет.

– Проверим. Где попона и седло?

Вокруг клубился туман. Джексон снова привязал веревку к ветке. Чарльз, прихрамывая, подошел к пегому.

– Все хорошо, – сказал он, набрасывая на коня попону. – Не бойся.

Пегий поднял переднюю ногу. В животе у Чарльза все сжалось. Но в следующую секунду копыто со стуком опустилось на землю, и конь шумно выдохнул. Чарльз осторожно положил седло на спину животного и с удивлением взглянул на Джексона, потому что пегий стоял совершенно спокойно и даже словно не почувствовал веса сбруи. Чарльз ничего не понимал. Может быть, в этой красивой голове время от времени просто случались необъяснимые вспышки безумия?

Он опустил стремяна и медленно сел в седло – не только из осторожности, но и из-за сильной боли во всем теле. Пегий стоял спокойно, хотя и повернул голову, пытаясь рассмотреть седока. В густом тумане словно вырисовывалась фигура мифического кентавра. Где-то вдалеке послышался сигнал горна – в гарнизоне играли утреннюю побудку.

– Отвяжите веревку, – тихо сказал Чарльз.

Джексон быстро шагнул к дереву и развязал узел. Чарльз взял веревку, обмотал вокруг одной руки и легонько потянул.

Когда Чарльз резко дернулся вверх, а левая нога вывернулась из стремени, он подумал: «Ну, теперь Джексон его точно пристрелит». Он ударился о круп пегого, когда тот снова встал на четыре ноги, а потом свалился на землю, потому что конь не переставая брыкался. От удара ему показалось, что все тело словно обожгло огнем. Копыто рассекло ему лоб до того, как он откатился в сторону и выхватил из кобуры кольт. Стоя на коленях и мучаясь от невыносимой боли, он сжал револьвер двумя руками, ожидая, когда животное бросится на него.

Пегий топал копытами, фыркал и стоял на месте. Малыш подошел к дяде и обхватил его сзади за талию, посматривая то на лошадь, то на мужчину с оружием в руках.

– Давай, Мэйн, чего ты ждешь?

– Нет, постойте-ка... Я только что заметил. Видите красный пузырь у него на губах?

Джексон сердито пробурчал, что ничего не видит. Чарльз знал, что у людей в таком возрасте зрение уже часто подводит. Он убрал кольт и медленно подошел к пегому.

– Дай-ка мне посмотреть, – ласково проговорил он. – Ты только стой спокойно и реши мне взглянуть... – Сердце Чарльза отчаянно колотилось; в глазах пегого снова вспыхнула злоба.

Однако конь все же позволил Чарльзу осторожно раздвинуть ему челюсти. Когда Чарльз увидел окровавленный обломок, он даже рассмеялся от облегчения.

– Идите сюда, посмотрите! Только не спешите. – (Деревянная Нога подошел боком и встал рядом.) – Вот оно в чем дело – у него просто коренной зуб сломался и нарывает. Без уздечки конь спокоен, а как взнуздаешь – бесится.

– А я и не заметил, – сказал Деревянная Нога. – Ну надо же, вообще ничего такого не заметил.

– Немудрено. – Чарльз пожал плечами; ему не хотелось говорить уже довольно пожилому человеку, что неплохо бы обзавестись очками в его возрасте. – Надо найти ветеринара, – он ласково погладил пегого по груди, – пусть выдернет этот зуб и залечит воспаление. Тогда все будет в порядке.

– Ты его берешь?

– Мы ведь об этом уже договорились, разве не так? Малыш, хочешь его погладить? Не бойся.

Племянник Деревянной Ноги порывисто шагнул вперед с выражением неопишуемого восторга на бледном лице. Когда он дотронулся до пегого и широко заулыбался, Джексон облегченно вздохнул.

– Тогда выбирай ему имя, Чарли, – сказал он.

Чарльз немного подумал, поглаживая лошадь вместе с Малышом.

– Имя должно быть таким, чтобы вызывало у людей уважение и не позволяло смеяться над ним. Им незачем знать, что он нежный и спокойный. – Он снова погладил коня. – Вы сказали, что он отродье дьявола. Вот и назовем его в честь папочки. Дьявол.

– Ни хрена себе! – воскликнул торговец и даже изобразил что-то вроде джиги, перепрыгивая со здоровой ноги на искалеченную с поразительной ловкостью. – Вот это да! Теперь дело точно пойдет.

ТЕАТР ТРАМПА В СЕНТ-ЛУИСЕ

скоро открывается с постоянной труппой!

МИСТЕР СЭМЮЭЛЬ ГОРАЦИЙ ТРАМП, эсквайр,

из общества «Лучшие актеры Америки»

и

прямиком из Нью-Йорка после своего триумфального успеха
несравненная МИССИС ПАРКЕР
в «УЛИЦАХ СТЫДА»,
НОВЕЙШЕЙ мелодраме
о жизни нью-йоркского ВЫСШЕГО СВЕТА и ДНА,
написанной Г. Т. Сэмюэлсом и переложенной для театра мистером ТРАМПЛОМ,
а также
«Жизнь и смерть КОРОЛЯ РИЧАРДА III»
в монументальном и международно признанном воплощении
С. Г. ТРАМПА

Места от 50 центов,
не дороже 1,5 доллара!!!

Глава 9

На следующий день после того, как Чарльз принял предложение Джексона, торговец повел пегого к ветеринару. Они оставили Малыша у лошадиного доктора, а сами отправились в город. Чтобы не столкнуться с солдатами из казарм Джефферсона, которые могли узнать Чарльза, пришлось сделать крюк и заехать с западной окраины. Собака бежала следом за ними.

Ранние поселенцы-креолы прозвали это место Пейн-Корт – «не хлебным», потому что в то время здесь был центр меховой торговли и очень бедный рынок сельскохозяйственных товаров.

Теперь все изменилось. На дороге, обсаженной платанами и липами, Чарльз и Джексон то и дело видели фермерские телеги и фургоны, нагруженные яблоками или мешками с зерном. Они объехали двух фермеров, которые гнали стадо свиней, наполнявших воздух пронзительным визгом и характерной вонью.

Вскоре показались крыши домов и висящий над ними серый смог.

– Ты смотри, в Сент-Луисе не дыши слишком глубоко, – посоветовал Джексон. – Они тут столько понастроили литейных заводов, кожевенных фабрик, мукомольных мельниц и всего остального, что от дыма дороги не видать. Наверное, американцам плевать, что они могут насмерть задохнуться, если это делает их богатыми.

День был ясным и холодным. Чарльз чувствовал себя прекрасно. Боль от побоев уже ослабевала, а в цыганском пончо было тепло и уютно. Его первое впечатление от Джексона оказалось верным – этому человеку можно было доверять. Возможно, через несколько недель он все-таки воспрянет духом, даже если для этого придется проскакать до самой Индейской Территории.

Они ехали к шумному центру города, мимо старых каменных креольских домов, окраинных хижин и более новых, наполовину бревенчатых строений с голландскими дверями, построенными большой немецкой общиной. Деревянная Нога сказал, что в Сент-Луисе живет около ста пятидесяти тысяч человек.

На Третьей улице уже был слышен грохот фургонов и крики грузчиков на набережной, которая тянулась на полторы мили. Когда Джексон сунул Чарльзу в руки свернутые рулончиком банкноты, раздался гудок парохода.

– Я пойду присмотрю товары, а ты пока купи себе зимнюю одежду. И нож. И винтовку, какая понравится, да патронов побольше. Не скупись, бери сколько надо. Там, куда мы отправляемся, магазинов не будет, так что тебе вряд ли понравится, когда ты встретишь отряд бешеных шайеннов, а у тебя патронташ пустой, потому что ты решил сэкономить один цент. О... – он усмехнулся, – сигар себе тоже купи, ты же их так любишь. Мужчина в прериях нуждается в маленьких радостях цивилизации. А зимние ночи ужасно длинные.

Он махнул рукой, повернул налево за угол прямо перед чьей-то повозкой и исчез.

Десять минут спустя Чарльз уже выходил из табачной лавки на Олив-стрит с тремя деревянными ящичками под мышкой. Он положил их в старую седельную сумку, которую ему дал Джексон. Все, кроме одной.

Когда он зажигал сигару, то увидел, что по другой стороне улицы размашистой походкой идет офицер, имени которого он не знал, но видел его в казармах Джефферсона. Едва дыша, Чарльз замер со спичкой в руке, пока огонь не обжег пальцы. Офицер свернул за угол, не обратив на него внимания.

Чарльз выдохнул, отбросил погасшую спичку и потер о штанину обожженные пальцы. Потом наконец закурил сигару и заметил, что к большому двухэтажному зданию на углу Олив-

стрит подъехала телега. Ярко-красная надпись на огромной вывеске, прибитой на уровне второго этажа, чтобы было видно с обеих улиц, сообщала, что это «Театр Трампа в Сент-Луисе».

Телега была нагружена некрашеными досками. Пузатый возничий в черной шляпе с заколотыми спереди полями привязал поводья к коновязи и вдруг, уже отходя, ни с того ни с сего с силой хлопнул старую лошадь по бедру. Эта ничем не объяснимая жестокость заставила Чарльза нахмуриться. Пусть возничий и казался мрачным, но дурное настроение его не оправдывало.

Толстяк вошел в дверь с табличкой «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД», что-то прокричал уже внутри, потом снова вышел и начал стаскивать доски из телеги. Выражение лица при этом у него было такое, словно он ненавидел не только свою работу, но и весь мир.

Из театра вышел черный кот и подошел к лошади. Та тихонько заржала и сделала шаг в сторону. Кот выгнул спину и зашипел. Лошадь попятилась, заржала громче и дернулась в сторону мостовой, чуть не столкнувшись с бело-зеленым гостиничным омнибусом, который вез с набережной пассажиров и багаж. Один из пассажиров потянулся, чтобы отогнать лошадь. Она снова попятилась.

Когда омнибус прогрохотал мимо, возничий бросил три доски на тротуар и хлопнул несчастную клячу по крупу шляпой.

– Чертова тварь! – Он ударил ее еще и еще раз.

Наблюдая за ним, Чарльз все больше и больше хмурился. Лошадь попыталась укунить своего мучителя. Тогда возничий сунул руку под сиденье, достал кнут и стал бить старую животику по шее, по спине, по ногам, куда придется.

Чарльз оставил пегого у коновязи и бросился через улицу, уворачиваясь от проезжавших по мостовой верховых и повозок. Возничий продолжал иступленно размахивать кнутом:

– Я тебе покажу, как кусаться, тупица хренова!

Какой-то джентльмен, проходивший мимо с дамой, сделал ему замечание, попросив быть аккуратнее в выражениях. Возничий тут же развернулся и замахнулся на него уже окровавленным кнутом. Прохожий поспешил увести свою спутницу.

Ослабевшая лошадь попыталась встать на дыбы, чем только рассмешила своего мучителя. Он еще раз хлестнул ее.

– Ударить снова – получишь пулю между глаз.

Возничий обернулся и увидел Чарльза, который стоял неподалеку на тротуаре, направив на него кольт; лицо его было багровым от гнева. Красные следы от кнута на теле лошади взбесили его, сердце колотилось так, что гремело в ушах.

– Это моя лошадь, ясно?! – крикнул возничий.

– Это беззащитное животное. Вымещай свои беды на людях!

Слева от Чарльза, в дверях театра, показалась женщина:

– Что здесь происходит?

Чарльз неосторожно посмотрел на нее, и возничий тут же ударил его кнутом по плечу.

Чарльз пошатнулся. Возничий выбил кольт из его руки. И тогда в голове Чарльза что-то взорвалось.

Он вырвал у толстяка уже занесенный кнут и отшвырнул его, а потом прыгнул на мерзавца, повалив того на дощатый тротуар. Его правая рука, не останавливаясь, двигалась вперед-назад. Кто-то из сразу собравшейся рядом толпы схватил его за плечи:

– Прекратите! Остановитесь немедленно!

Чарльз продолжал наносить удары.

– Прекратите! Вы же его убьете!

Двое мужчин наконец оттащили Чарльза. Когда красная пелена перед его глазами рассеялась, он увидел разбитое лицо возничего, лежащего на спине.

– Разгружайся-ка ты побыстрее, дядя, и мотай отсюда, – сказал кто-то из толпы.

Чарльз достал из заднего кармана синий платок и бросил возникшему, тот со злостью отшвырнул его и грязно выругался. Потом с трудом встал и начал стаскивать доски с телеги, косясь уже заплывающим глазом на Чарльза, который сгибал и разгибал ноющую правую руку.

– Довольно суровое наказание за то, что лошадь отхлестал, – заметил один из зевак.

– Он напал на меня, – ответил Чарльз и смотрел на любопытного тяжелым взглядом, пока тот не отошел, что-то пробурчав.

– Артур, – сказала женщина кому-то внутри театра, – помоги, пожалуйста, разгрузить доски.

Чарльз повернулся к ней, совершенно не ожидая увидеть то, что увидел. Ей было, пожалуй, лет двадцать, и она была поразительно красива. Стройная, но с прекрасными формами, голубоглазая и белокурая, с совершенно удивительным оттенком волос, которые отливали серебром. На ней было простенькое платье из желтого батиста, местами испачканное пылью. На руках она держала черного кота.

– Этот бродячий кот напугал лошадь, – сказал Чарльз. – С него все и началось. – Он вдруг вспомнил о хороших манерах и сорвал с головы старую соломенную шляпу.

– Просперо не бродяга. Он живет в театре. – Молодая женщина показала на вывеску на здании. – Я миссис Паркер.

– Чарльз Мэйн, мэм. Поверьте, обычно я так себя не веду, но, когда вижу, как кто-то жестоко обращается с лошадьми, не могу сдержаться.

Широкоплечий негр помог возникшему занести доски внутрь. Трудно было сказать, отчего тот помрачнел еще больше – из-за побоев или из-за того, что ему приходилось работать с чернокожим.

– Думаю, этот недостаток можно простить, – сказала миссис Паркер.

Чарльз кивнул и снова надел шляпу, уже собираясь уйти.

– Если хотите помыть руки, у нас в гримерке есть вода, – добавила она.

Наклонившись, чтобы поднять револьвер, Чарльз только тогда заметил, что руки у него испачканы кровью. И хотя все его нутро сопротивлялось тому, чтобы принять даже случайное проявление доброты от женщины, он все же ответил:

– Да, спасибо.

Они вошли в полутемное пространство за кулисами. Со сцены, залитой светом, к ним тут же направился дородный мужчина довольно странного вида. Он двигался согнувшись и как бы боком, к спине его была привязана большая подушка, напоминавшая горб, руки безвольно висели вдоль тела, раскачиваясь, словно маятники, а из уголка рта торчал язык. Подойдя к ним, он вдруг мгновенно выпрямился:

– Уилла, ну как я могу сосредоточиться на зиме моих смут¹¹, когда разные бездельники устраивают дебош у моего порога?

– Это никакой не дебош, Сэм, а просто маленькое недоразумение. Мистер Мэйн, разрешите представить вам: мой партнер мистер Сэмюэль Трамп. – Она показала на подушку. – Мы репетируем «Ричарда Третьего».

Чарльз подумал, что это, наверное, пьеса Шекспира, но не стал уточнять, боясь обнаружить свое невежество.

– Я имею честь обращаться к своему коллеге-актеру? – спросил Трамп.

– Нет, сэр. Я коммерсант. – Чарльзу самому было немного странно называть себя так.

– Вы торгуете с индейцами? – спросила девушка, и Чарльз подтвердил. – А говорите как южанин, – продолжила она. – Вы служили в то время, которое теперь называют недавним недоразумением?

¹¹ «Итак, преобразило солнце Йорка в благое лето зиму наших смут» – первые строки трагедии У. Шекспира «Ричард III». Перевод М. Донского.

– Да. Я из Южной Каролины. Все четыре года прослужил в кавалерии генерала Уэйда Хэмптона.

– Вам повезло, что выбрались целым и невредимым, – заявил Трамп.

Чарльз подумал, что опровергать такое глупое замечание бессмысленно, и промолчал.

Миссис Паркер рассказала Трампу о том, что случилось на улице, причем в таких выражениях, которые весьма польстили Чарльзу и преуменьшили его буйную ярость.

– Я предложила мистеру Мэйну вымыть руки в гримерной.

– Конечно-конечно! – ответил Трамп. – Если хотите посмотреть наше новое представление, сэр, то рекомендую купить билет заранее. Я предвижу грандиозный успех, возможно, даже в Нью-Йорке такого не видывали!

Уилла грустно улыбнулась:

– Сэм, ты же знаешь, это дурная примета.

Трамп не обратил на ее слова никакого внимания.

– Адью, мои добрые друзья! Искусство зовет меня! – Он снова бессильно опустил руки, согнулся в три погибели и боком заковылял на сцену, что-то бормоча под нос.

– Идите за мной, – позвала Уилла Чарльза.

Она закрыла дверь просторной неприбранной гримерной, чтобы не выскочил кот. На маленьком трехногом диванчике спал какой-то джентльмен, накрыв лицо рукописным текстом своей роли. Просперо прыгнул ему на живот и начал умыться. Актер даже не пошевелился.

Уилла показала Чарльзу таз с чистой водой в углу на столике, рядом с баночками грима, расческами и пудрой. Потом нашла для него чистое полотенце.

– Спасибо, – сказал Чарльз.

Он чувствовал себя ужасно неловко. После смерти Августы Барклай он избегал общества женщин. Его визиты к гарнизонным шлюхам проходили почти без разговоров.

Пока он отмывал кровь с ладоней, Уилла, сложив руки на груди, откровенно разглядывала его.

– Как вы называете этот свой наряд? Плащ? Пончо?

– Цыганский балахон. Я сам сшил его из того, что было под рукой, когда форма уже вся износилась, а Ричмонд не спешил присылать новую.

– Я мало знаю о войне, только то, что читала. Мне было всего пятнадцать, когда она началась.

Такая молодая...

Чарльз положил полотенце рядом с тазом; вода стала красноватой.

– Скажу до того, как вы спросите. Я не сражался за сохранение рабства, и вопрос отделения меня тоже не волновал. Из армии Соединенных Штатов я ушел, чтобы воевать за свой штат и свой родной дом.

– Да, мистер Мэйн, но война закончилась. Вам больше незачем проявлять такую враждебность.

Он извинился за свое невольное раздражение. В этом была какая-то горькая ирония. Скольким людям он сам говорил те же слова? Да, война закончилась, но, как видно, не для него.

– Это было тяжелое время, миссис Паркер. Его трудно забыть.

– Возможно, я смогу вам хоть немного помочь. Сегодня вы совершили по-настоящему человеческий поступок и заслужили награду. Мне бы хотелось угостить вас ужином, если вы не против. – (От удивления Чарльз раскрыл рот.) – Вижу, вы потрясены, – рассмеялась Уилла. – Простите, я не хотела. Знаете, мистер Мэйн, театр ведь дело одиночек. Поэтому театральный народ цепляется друг за друга, чтобы не чувствовать этого одиночества. Общепринятые формальности среди нашей братии мало соблюдаются. Если актрисе захочется часок поболтать по душам в приятной компании, для нее нет ничего постыдного в том, чтобы обратиться к сво-

ему товарищу-актеру. Полагаю, со стороны это выглядит не так уж невинно. Поэтому неудивительно, что проповедники считают нас распущенными и опасными. Но уверяю вас... – добавила она насмешливо, – я ни то и ни другое.

– Да мне и в голову бы не пришло, ведь вы замужем.

– А-а... миссис Паркер. Это только ради удобства. Сдерживает не в меру настырных поклонников. Я не замужем, и мне нравится самой выбирать себе друзей. – Она улыбнулась ему теплой, искренней улыбкой. – Так что повторяю свое предложение. Хотите со мной поужинать? Скажем, завтра вечером? Сегодня у нас репетиция.

Чарльз чуть было не отказался, но что-то словно подтолкнуло его.

– С удовольствием.

– И вы не будете возражать, если по счету заплатит женщина?

– Никаких возражений. – Чарльз наконец тоже улыбнулся.

– Тогда в семь? Отель «Нью-Плантерс-Хаус» на Четвертой улице.

– Отлично. Я постараюсь выглядеть более rispetабельно.

– Вы выглядите великолепно. Настоящий портрет доблестного кавалериста. – Она окончательно сразила его таким удивительным прямотушием, а потом еще и пожала ему руку. – Значит, до завтра.

– Да, мэм.

– О, прошу вас! Уилла и Чарльз, хорошо?

Он кивнул и вышел из театра.

Бродя из магазина в магазин и покупая все, что нужно, Чарльз постоянно спрашивал себя: почему же он все-таки согласился пойти на этот ужин? Была ли это простая тоска по женскому обществу? Или его подкупило то, с какой неожиданной прямооту девушка пригласила его, словно поменявшись с ним ролями? Ответа он не знал, зато точно знал, что очарован юной актрисой, и это беспокоило его по двум причинам. Во-первых, он чувствовал, что предает память Августы, а во-вторых, опасался, что даже в невинной дружбе его может подстергать боль.

– Она правда сама тебя пригласила?! – воскликнул Джексон, когда Чарльз рассказал ему.

– Да. Она не совсем обычная женщина. Актриса.

– А, тогда понятно. Что ж, пользуйся возможностью, Чарли. Говорят, актрисы всегда быстро соглашаются запрыгнуть в постель.

– Только не эта, – возразил Чарльз.

Это была одна из немногих вещей, которые он мог с уверенностью утверждать в отношении Уиллы Паркер.

Глава 10

Сказать, что синяя визитка была старой, было все равно что назвать Атлантический океан прудом. Изрядно поношенный сюртук обошелся Чарльзу в четыре доллара.

– Будешь мне должен, – заявил Деревянная Нога. – Я, конечно, не против романов, но у меня нет привычки ссужать их деньгами.

Галантерейщик нашел и ношенный шейный платок, а еще на один доллар, взятый взаймы у нового партнера, Чарльз купил немного макассового масла для волос. Одевшись и пригладив длинные, непослушные волосы маслом, он решил, что выглядит ужасно глупо и чересчур франтовато.

Видимо, двое негров в зеленых бархатных ливреях, которые встречали гостей у входа в элегантный отель «Нью-Плантерс-Хаус», решили так же. В Сент-Луисе было два отеля с таким названием. Чарльз передал поводья мальчику-слуге и прошел между швейцарами. Его армейская выправка и слегка злое выражение лица предостерегли их от каких бы то ни было замечаний насчет его вида.

Уилла встала с одного из плюшевых диванчиков в просторном холле. Ее открытая улыбка слегка успокоила Чарльза.

– О! – воскликнула девушка. – Для индейского торговца вы даже очень элегантны.

– Просто особый случай. Нечастый для меня. А вот вы действительно элегантны.

– Спасибо, сэр. – Она взяла его под руку и повела в ресторанный зал.

С помощью какой-то удивительной магии женственности, непостижимой для Чарльза, девушка буквально сияла красотой юности, несмотря на то что одета была почти во все черное. Ее наряд состоял из пышной юбки с кринолином, свободной шелковой блузы и маленькой шляпки с крашеным черным пером; в руке Уилла держала черную атласную сумочку. И только белые кружева, обрамлявшие шею и кисти рук, добавляли ее образу драматического контраста.

Надменный метрдотель попытался усадить их за кадкой с папоротником у входа в кухню.

– Нет, благодарю вас, – вежливо сказала Уилла. – Я миссис Паркер из театра Трампа. Многие наши зрители по моему совету приходят насладиться вашей кухней, и я не хочу сидеть за самым плохим столиком. Вот тот, в центре, пожалуйста.

Это был столик на четверых, но метрдотель, сраженный обаянием Уиллы, проводил их к нему и еще долго пространно благодарил гостью.

Мягкий газовый свет и свечи на столах создавали утонченную, интимную атмосферу в шумном зале. Несколько джентльменов прекратили беседу и с восхищением повернулись к Уилле. Ее черный строгий наряд и живые голубые глаза просто завораживали, когда она сидела напротив Чарльза за столиком, застеленным розовой скатертью. Салфетки в винных бокалах напоминали розовые цветы.

– Я здесь совсем не к месту... – начал было Чарльз.

– Ерунда! Вы здесь самый красивый мужчина и, пожалуйста, больше не напрашивайтесь на комплименты.

Чарльз хотел возразить, но понял, что она его поддразнивает. Официант принес им меню в кожаном переплете. Чарльз побледнел, когда открыл карту вин:

– Но здесь всё на французском... то есть я думаю, что это французский.

– Так и есть. Я закажу для нас обоих?

– Да, лучше вы. А здесь подают сухари или кукурузный хлеб?

Она прыснула от смеха, на что Чарльз и рассчитывал. Он уже начал получать удовольствие от вечера.

– Сомневаюсь, – сказала девушка, – а вот телячья вырезка у них всегда хороша. А для начала, пожалуй, escargots.

Чарльз рассеянно разглядывал серебряные приборы, пытаясь скрыть свое полное невежество относительно природы этих самых escargots.

– Вы любите красное вино? – спросила Уилла. – У них есть бордо из одной маленькой деревушки в Помероле, оно вполне подошло бы.

– Отлично.

Официант ушел.

– Вы много знаете о еде и винах, – сказал Чарльз.

– Актерам часто приходится жить в отелях. Спросите меня о растениях в саду или о ловле рыбы, и я ничего не отвечу.

От ее улыбки Чарльзу стало удивительно легко. Он напомнил себе, что следует быть осторожнее, не забывать об Августе и о том, что он чувствовал, потеряв ее.

– Значит, вы собираетесь ехать на Индейскую Территорию. Что ж, возможно, в этом году там будет поспокойнее. – (Чарльз наполовину вытащил из кармана сигару и тут же сунул ее обратно.) – Нет, пожалуйста! Я ничего не имею против сигар.

– Вы много знаете об индейцах? – закурив, спросил Чарльз.

Он задал вопрос шутливым тоном, однако ответ девушки прозвучал серьезно.

– Достаточно много. В Нью-Йорке я состояла в одной группе, которая называлась Обществом дружбы с индейцами. Мы собирали подписи под обращениями в конгресс, просили правительство остановить бойню в Сэнд-Крик. Знаете о ней? – (Чарльз ответил, что знает.) – Вина за это полностью лежит на белом человеке. Сначала мы крадем земли, принадлежащие индейцам, а потом убиваем их, если они сопротивляются или протестуют. Вся история отношений белых с коренным населением – это постыдная история обмана, несправедливости, нарушенных обещаний, неисполненных договоров и чудовищной жестокости.

Чарльз невольно восхитился тем, с какой страстью это было произнесено.

– Мой партнер с вами согласился бы, – сказал он. – Ему нравятся южные шайенны. Ну, по крайней мере, большинство из них.

– А вам?

– У меня довольно небольшой опыт общения с команчами в Техасе, и все они очень хотели пристрелить меня.

– Я понимаю, что невозможно остановить расширение на запад. Но оно не должно происходить за счет уничтожения коренных жителей этой страны. Слава Богу, уже появились признаки движения к миру. Тот кровожадный генерал Додж хотел бросить туда тысячу человек, чтобы убивать каждого индейца, которого обнаружат вдоль дороги на Санта-Фе, но его остановили. А вчера я прочитала в «Миссури газетт», что индейский агент полковник Джесс Ливенворт сумел заключить перемирие с теми индейцами, за которыми он присматривал от агентства Верхнего Арканзаса. Вы понимаете, что это значит? – Уилла наклонилась вперед, щеки ее порозовели, и Чарльз не мог отвести от нее глаз. – Это значит, что Уильям Бент, Кит Карсон и сенатор Дулиттл из Висконсина получили реальный шанс вскоре созвать мирную конференцию. Возможно, впервые мы добьемся договора, справедливого для обеих сторон.

Официант принес маленькие серебряные вилочки и что-то странное, похожее на ракушки, уложенные полукругом на каждой из тарелок. Чарльз с недоумением взял вилочку.

– Escargots, – сообщила девушка. – Улитки.

Чарльз закашлялся и схватился за сигару, лежавшую в хрустальной пепельнице. Несколько глубоких затяжек помогли ему пережить первую встречу с улитками, которых, оказывается, еще и ели, а не только наблюдали за тем, как они переползают по камню или по листку дерева.

После того как официант перелил в графин темно-красное густое померольское вино и Чарльз немного выпил, разговор пошел легче. Он почувствовал себя свободнее и вскоре уже рассказывал Уилле о войне, о своем самом близком друге Билли Хазарде и о том, как вызво-

лил его из тюрьмы Либби. Вспомнил и об офицере Бенте, который испытывал необъяснимую ненависть к семьям Мэйн и Хазард.

– Он пропал во время войны. Скорее всего, погиб. Не могу сказать, что сожалею о нем.

Они выпили еще немного вина, а потом официант принес телятину с гарниром из ярких кружков тыквы и стручковой фасоли. Чарльз с заметным волнением говорил уже о своей любви к Монт-Роял, к их сожженному, но теперь, слава Богу, возрождавшемуся дому, о привязанности к кузену Орри, который еще в юности спас его, не дав пойти по кривой дорожке.

– А как насчет вас? – спросил он через какое-то время. – Вы здесь родились?

Прежде чем ответить, Уилла донесла до рта кусочек телятины, держа вилку в левой руке, что прежде Чарльзу доводилось видеть только в кругу самых утонченных людей.

– Нет. Я приехала по приглашению Сэма Трампа, чтобы помочь ему сделать театр хоть немного прибыльным. Он старый друг моего отца, который, кстати, был вовсе на Паркер, а Поттс. – Она скосила глаза, соорудив умильную рожицу, и Чарльз рассмеялся.

Они говорили и говорили, и Чарльз уже давно забыл, как нелепо должны выглядеть его намащенные волосы и как неловко он себя чувствовал сначала в ношенном сюртуке. Вино быстро убывало, мягкий свет свечей подчеркивал красоту девушки. Сидящие в углу очень торжественные скрипач и виолончелист, оба с пышными усами и в строгих фраках, начали играть что-то классическое.

– А что привело в Сент-Луис вас, Чарльз? Как вы стали торговцем?

– Вообще-то... – Хватит ли у него смелости признаться? Чарльз заглянул в ее голубые глаза и понял, что не сможет ей солгать, – я никогда этим не занимался. Когда-то я окончил Вест-Пойнт, а после войны решил вернуться в армию, но в казармах Джефферсона меня узнал один человек, который учился там в то же время, что и я. И меня вышибли. В буквальном смысле слова. Я стал искать работу, ведь мне нужно как-то содержать сына...

Ложечка выпала из рук Уиллы, ударилась о край вазочки с черникой со взбитыми сливками и упала на пол. Чарльз увидел в глазах девушки гнев.

– Нет-нет, послушайте... – Он порывисто протянул руку и сжал ее пальцы. – Я вас не обманывал! Да, у меня есть сын, ему восемь месяцев. Но его мать умерла в Виргинии при его рождении.

– О... простите... мне очень жаль. – Успокоившись, она взяла новую ложечку, которую официант бесшумно положил рядом с ее золоченой вазочкой, и, не отрывая глаз от десерта, пробормотала: – Похоже, у нас обоих не слишком обычное прошлое.

Чарльзу показалось, что в ее словах просквозила едва уловимая боль. Какой-то мужчина попросил музыкантов сыграть «Logena», Чарльз и Уилла переглянулись и позволили грустной мелодии говорить за них.

В ночном воздухе ощущался запах дыма и скорой осени. Уилла предложила прогуляться по набережной и взяла Чарльза под руку. На этот раз девушка не была так осторожна, и Чарльз чувствовал, как его рукав то и дело касается ее груди под тонким шелком блузки. Это прикосновение заставило его сердце биться чаще.

Они повернули направо, к широкой набережной, и неторопливо пошли вдоль причалов и ряда деревянных и серых каменных складов и служебных построек. Неяркий свет молодого месяца скрывал грязь и мусор, смягчал силуэты больших деревянных ящиков и бочек, составленных вокруг в ожидании погрузки на корабли. Сторож, сидевший на одном из бочонков, вынул изо рта трубку, сделанную из кукурузного початка.

– Вечер добрый... – Его левая рука при этом лежала на карабине.

– Да, вечер был чудесным, – вздохнула Уилла. – Поскольку вы уже знаете эту мою особенность предлагать первой, я бы рискнула сказать, что с удовольствием повторила бы его.

Остановись, сказал себе Чарльз. Немедленно остановись, не заходи дальше. Но он выпил слишком много роскошного красного вина из винограда деревушки Помероль, поэтому ответил:

– Я тоже.

– Прекрасно! И как долго мне придется ждать?

– Полагаю, до весны. Именно тогда Джексон возвращается с лошадьми, которых собирает всю зиму.

– Хорошо... – кивнула девушка, и черное перо на ее шляпке колыхнулось. – Начиная с первого апреля я буду оставлять в билетной кассе постоянную контрамарку на ваше имя. У вас будет место в ложе на любое представление. Когда я увижу вас среди зрителей, то буду знать, что пришло время повторить ужин.

– Интересное предложение... Вы так уверены, что ваш театр будет процветать?

– Я этого добьюсь. – Уилла не хвасталась, она просто говорила то, во что верила. – Сэм, как и множество других актеров, очень милый, обаятельный человек, тщеславный и все такое. Но он слишком любит выпить. Если мне удастся сдерживать его и если мы введем в репертуар две-три новые постановки, возможно комедию Мольера и какую-нибудь из мелодрам, которые Сэм пишет под псевдонимом Сэмюэлс... вообще-то, они ужасны, но публика их любит, потому что Сэм знает, как задеть тонкие струны души... если мы сможем все это сделать, то к тому времени, когда вы вернетесь, мы добьемся успеха. И тогда придется подумать о наборе актеров для гастрольной труппы.

– Для столь юного возраста вы весьма решительны.

Уилла смотрела на реку. Большой белый колесный пароход шел вверх по течению, вдоль бортов сияли янтарные огоньки иллюминаторов.

– Чудесная картина, Чарльз... согласны?

– Да, но огни в каютах вызывают во мне чувство одиночества.

– Знаю. Я чувствую то же самое с тех пор, как в детстве проезжала с отцом через незнакомые города, и мне хотелось, чтобы одна из ламп в окнах горела для нас... Поздно уже, – внезапно сказала она. – Пора возвращаться. Я всегда проверяю, поужинал ли Сэм и трезв ли он. Завтра утром мы начинаем репетировать «Улицы стыда».

Какое-то время они шли молча, слушая вечерние звуки Сент-Луиса: где-то ссорились мужчина и женщина, музыкант наигрывал на банджо «Old Folks at Home», откуда-то доносились крики уличных торговцев.

– Какая прелестная мелодия, – сказала девушка, когда они подошли к театру. – Что это?

– Вы о чем?

– О той мелодии, которую вы напеваете. – Она повторила несколько нот.

– А я и не заметил... Просто это напоминает мне о доме.

– Вот чего у меня никогда не было, так это настоящего дома.

Они остановились у служебного входа в театр. Уилла нашла в сумочке ключ.

– Сэм ночует в кабинете, а моя постель на чердаке над сценой. Так я экономлю кучу денег, не снимая жилье, хотя надеюсь, что, если в этом сезоне меня ждет успех, я смогу переехать в место поуютнее.

Она подняла голову, явно ожидая. Чарльз наклонился и поцеловал ее почти по-братски, едва коснувшись губами уголка ее губ. Рука Уиллы взлетела, на мгновение коснулась его шеи, и они тут же отступили друг от друга.

– Вы уж там поосторожнее на Западе. Я хочу снова увидеть вас весной.

– Уилла... – Чарльз собрался с духом, понимая, что должен это сказать. – Вы со мной откровенны, позвольте и мне ответить вам тем же. Я веду одинокую жизнь, особенно теперь, когда умерла мать моего сына. И я избегаю... привязанностей.

– К дружбе это тоже относится? – ровным тоном спросила Уилла.

Чарльз смутился и смог только повторить:

– Привязанностей.

– А почему вы их избегаете?

– От них слишком много боли. С одним человеком что-то случается, и другой страдает. Разумеется, я не имел в виду, что вы и я... – Он откашлялся. – Вы мне нравитесь, Уилла, но мы должны остановиться на этом.

– Насчет меня не беспокойтесь, Чарльз. Спокойной ночи.

Она отперла дверь и скрылась внутри. Чарльз остался на улице, глядя на освещенное лунной здание и поздравляя себя с тем, что все-таки смог сказать то, что хотел.

Но если он был так доволен собой, почему его сердце наполнялось такой радостью и такой странной тоской, когда он представлял себе ее лицо, вспоминал, как его рукав касался ее груди во время их прогулки, когда думал о ее словах и о той удивительной естественности, пленившей его.

Что-то шевельнулось в его душе, что-то очень опасное.

У тебя будет куча времени, чтобы избавиться от этих мыслей, сказал он себе, потом резко повернулся и быстро пошел в сторону отеля.

Войдя в театр Трампа, Уилла прислонилась спиной к наружной двери.

– Ладно, – сказала она вслух, – это была просто крохотная надежда.

Она давно уже узнала, что в этом мире надежды часто и легко разбиваются. Выпрямившись, она на мгновение коснулась пальцами глаз и пошла к полосе света, пробивавшегося из-под двери кабинета. Громкий храм Сэма избавил ее от чар этого вечера и высокого южанина, а также от всех глупых фантазий.

Урок XIII

Хорошая девочка

– МАМА, можно мне сегодня пошить?

– Да, дитя мое, что ты хочешь сшить?

– Я хочу пришить оборочку к твоей шляпке. Это ведь новая шляпка? Я вижу, у нее нет оборки.

– Ты можешь сшить для меня оборку. Я буду рада носить шляпку с оборкой, которую ты сшила...

Джейн садится на табурет и шьет, как маленькая леди. Вскоре она говорит:

– Мама, я сделала все как ты говорила. Посмотришь?

– Да, дитя мое, все замечательно, даже если и есть небольшие ошибки, ты скоро научишься шить хорошо.

– Я хочу шить хорошо, мама, потому что тогда я смогу помогать тебе делать чепчики и платья, и я надеюсь, что стану тебе полезной.

Сборник Макгаффи для начинающих читателей, 1836–1879 годы

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Сентябрь 1865-го. Купер получил помилование.

Я узнала об этом от Юдифи. Она приехала из Чарльстона вместе с Мари-Луизой, чтобы посмотреть, как мы тут живем. Я показала им здание школы, уже почти достроенное, и познакомила с Пруденс, которая их просто очаровала. Купер больше не хочет приезжать в Монт-Роял именно из-за школы. По словам Юдифи, он считает единственным приемлемым социальным порядком тот, при котором цветные всегда будут стоять ниже белых. Он согласен дать им свободу, но не равенство. Юдифь этим очень огорчена.

Зная о нашей растущей изоляции, она привезла несколько чарльстонских газет, где писали о важном конституционном конвенте, который прошел в баптистской церкви в Колумбии. Декрет о сессии отменен, Тринадцатая поправка утверждена. Временный губернатор Перри осудил тех немногих, кто требовал смягчить отмену рабства с помощью компенсаций бывшим рабовладельцам и запрета принимать негров на любую работу, кроме тяжелой физической. «Нет, – сказал он, – с этим покончено навсегда, и возврата не будет».

Так что два из условий Джонсона выполнены. Третье – отказ от уплаты военных долгов – нет. Перри сказал: «В таком случае конституция Южной Каролины окажется менее Республиканской, чем в других штатах».

Делегаты рекомендовали на должность губернатора Джеймса Орра. Это человек умеренных взглядов, противник радикальных мер, бывший спикер палаты представителей в Вашингтоне. Я помню, что ты его уважал. Еще будучи в сенате Конфедерации, он выступал за мирные переговоры, предвидя поражение в войне. Только его никто не слушал.

Целую бурю эмоций вызвало предложение о помиловании для мистера Дэвиса. Делегат Пикенс попытался умиротворить страсти: «Нам не к лицу попусту болтать, брюзжать, красоваться, как не к лицу и шуметь, угрожать и неистовствовать. И наш родной штат, и весь мир предлагают нам перевязать раны Южной Каролины и пролить на них масло мира».

Кто-то попытался возразить ему, утверждая, что мы навсегда останемся пленниками наших старых традиций, старых пристрастий и старых ошибок...

В сумерках нашла в начале нашей аллеи какой-то странный пакет. Представления не имею, как он туда попал...

Мул узнал сгорбленного негра и обнюхал его. Джуба втащил свое уставшее, пораженное артритом тело на крыльцо лавки братьев Геттис и, морщась от боли, ухватился за дверной косяк. Двое белых почти минуту не замечали его присутствия. Наконец Ламотт спросил:

– Ты оставил его там, где я велел? – Рядом с высоченным Ламоттом Геттис, хозяин лавки, казался маленьким мальчиком.

– Да, сэр... мистер Дезмонд. Никто меня не видел, будьте уверены.

– Хорошая шутка, – засмеялся Геттис. – Просто отличная!

– Это только начало, – сказал Дез. – Подожди снаружи, Джуба.

– Сэр, я тут сказать хотел... я с утра не ел еще ничего...

– Через пару часов вернемся в Чарльстон, там и поешь.

У несчастного Джубы хватило ума промолчать. Он медленно вышел наружу, в сгущавшуюся тьму.

– Когда я здесь остановился, – сказал Дезмонд, – чтобы подождать, пока мой ниггер выполнит поручение, я и подумать не мог, что встречу кого-нибудь вроде вас, Геттис.

– Да, похоже, у нас общие убеждения, мистер Ламотт.

– Меня поразило то, что вы говорили о Монт-Роял. Я даже представить не мог, что эта черная сучка так обнаглела. Ее необходимо остановить. Если вы считаете так же, мы просто обязаны объединить наши усилия.

– Да, сэр, я полностью согласен с вами.

Снаружи, в темноте, стоял Джуба, прислонив ноющее тело к стволу дуба. Он с грустью думал о том, насколько бессердечными могут быть некоторые люди.

Мадлен держала загадочный пакет в вытянутой руке, стараясь рассмотреть буквы, кое-как нацарапанные на обертке из старых обоев. Она не могла позволить себе купить очки, в которых нуждалась. «МАДЛЕН МЭЙН» – это она видела отчетливо.

– Но что это может быть? – спросила Пруденс, сидевшая по другую сторону лампы.

– Сейчас узнаем.

Она разорвала обертку плоского пакета. Внутри оказался старый, потемневший дагеротип, примерно в десять дюймов шириной, наклеенный на кусок картона. Это был портрет негритянки, самой уродливой из всех, каких только доводилось видеть Мадлен, с длинным, вытянутым подбородком и выступающими верхними зубами. Хотя женщина улыбалась, ее улыбка источала жгучую злобу. Вся одежда на ней – платье с оборками, кружевные перчатки и шляпа с перьями – была белой, как и открытый зонтик, который она держала над головой.

Мадлен покачала головой:

– Должно быть, это некий намек на мое происхождение, но женщина мне незнакома.

Она поставила дагеротип на маленькую полку. Обе женщины внимательно рассмотрелись в него, и чем дольше они смотрели, тем более зловещей казалось им улыбающееся лицо на снимке. В ту ночь незнакомка приснилась Мадлен.

На следующий день какие-то дела, связанные с лесопильней, привели в дом Линкольна. Едва начав говорить, он заметил дагеротип и мгновенно умолк. Мадлен задержала дыхание.

– Линкольн, ты узнал эту женщину?

– Нет... я... да. – Линкольн старательно отводил взгляд. – Я когда-то на нее работал, две недели. Но не выдержал ее жестокости и сбежал. – Он покачал головой. – Как эта ужасная вещь попала к вам в дом?

– Кто-то оставил портрет на аллее вчера вечером. Не знаешь почему? – (Линкольн снова отвел взгляд.) – Линкольн, ты же мой друг. Ты должен сказать мне. Кто эта женщина?

– Обычно ее называют Нелл Белая Пташка. Пожалуйста, мисс Мадлен...

– Продолжай.

– Ну... то место, где я работал... ее дом... там всегда было много белых джентльменов, они приходили и уходили в любое время...

Линкольну не хватило храбрости продолжить. Мадлен прижала ладонь к губам, разгневанная, расстроенная и напуганная. Кем бы ни был ее неведомый мучитель, он знал не только то, что в ней течет восьмая часть черной крови, но и то, что ее мать была проституткой.

Больше никаких «подарков» или происшествий подобного рода не было. Пруденс требует, чтобы я созгла дагеротип. А я настаиваю, что мы должны его сохранить – как напоминание о том, что нам всегда следует быть начеку...

...Прошла неделя – все тихо. Губернатор Орр созвал законодательное собрание, и они жарко спорили о новых законах, которые помогли бы свободным неграм, а также в целом улучшили бы экономическое положение штата. Не думаю, что из этого выйдет толк. Это все та же старая система, только принаряженная по-новому. Если те, кому нужны полевые работники, добьются своего и это станет законом, мы наверняка пожнем плоды гнева северян.

...Радостный день. По крайней мере, так он начался. Пруденс записала в школу первых учеников: Прайда (ему двенадцать) и Гранта (ему четырнадцать). Они сыновья нашего бывшего раба Сима и его жены Лидии. Когда хозяином мальчиков был Фрэнсис Ламотт, они носили вычурные классические имена – Ясон и Улисс. Вторым мальчик взял реванш и назвал себя в честь менее популярного Улисса!¹²

Но даже еще более обнадеживает то, что у нас появилась белая ученица. Дорри Отис пятнадцать, пришла она робко, по настоянию матери, но быстро проявила жадный интерес к смыслу странных значков, напечатанных в книгах. Ее отец – бедный фермер, никогда не имевший рабов, но приветствующий саму систему рабства. Как я рада тому, что мать девочки выиграла битву за образование дочери!

¹² Имеется в виду не герой древнегреческой мифологии, а политик и полководец северян Улисс Грант.

Один-единственный день радости – вот и все, что было нам даровано...

– Проснитесь, Мадлен! – Пруденс снова встряхнула ее, и она услышала крики, раздававшиеся снаружи. – Там Немо... Пожар!

– О Боже!..

Мадлен порывисто встала с кресла-качалки и потерла глаза. Непослушными пальцами застегнула верхние пуговицы грязного платья. Чуть раньше она их расстегнула, чтобы немного отдохнуть от душной жары, и заснула там, где сидела.

Она подбежала к открытой двери. Фонарь на крыльце освещал испуганное лицо Немо. Мадлен увидела в небе зарево:

– Школа?

Немо лишь молча кивнул.

Мадлен выскочила из дому и прямо босиком помчалась по песчаной дорожке к старому поселку рабов. Пруденс не отставала, ее взмокшая хлопковая ночная сорочка облепила пышную грудь и широкие бедра. Дорожку заливал яркий свет луны, проникавший между деревьями.

Когда они добежали до школы, последняя уцелевшая стена рухнула внутрь, подняв в воздух фонтаны пламени и искр. Жар стоял невероятный, но Пруденс, похоже, об этом не думала.

– Все мои книги! – воскликнула она. – Они были там! И моя Библия! – кричала она.

– Тебе нельзя туда! – Мадлен оттащила ее подальше.

Несколько мгновений Пруденс пыталась вырваться из ее рук, но потом сдалась и лишь с болью и недоверием смотрела на огонь.

За их спинами собралась небольшая толпа негров: Энди, Немо, Сим и их жены. Прайд и Грант выглядели растерянными.

– Кто-нибудь видел поблизости чужих? – спросила Мадлен.

Никто не видел, Сим сказал, что его разбудил свет пожара; он спал чутко.

Задышавшись от гнева, Мадлен нервно ходила из стороны в сторону. У нее было такое чувство, что надругались не только над ней, над ее собственностью, но и над самыми простыми и разумными устоями порядочности и благопристойности.

Наконец она остановилась и отбросила со лба прядь повлажневших волос:

– Рэндалл Геттис предупреждал меня, чтобы я не открывала школу. Думаю, это его рук дело... Однако сам он вряд ли стал бы поджигать. Мне он показался самым настоящим трусом. Ему бы понадобились сообщники...

Она посмотрела на ближайшие деревья, опасаясь, что огонь перекинется на них. Но этого не случилось; вокруг горящего строения было достаточно расчищенного пространства. Огонь уже слабел, но жар все еще оставался сильным.

– Хуже всего – не знать, кто твой враг. Ну, что пользы гадать... Может кто-нибудь из вас сходить в дом и принести мне ту фотографию черной женщины?

Линкольн шагнул вперед:

– Я сбегаю.

Он торопливо ушел. Мадлен снова принялась ходить взад-вперед, она никак не могла успокоиться. Пруденс негромко разговаривала с неграми, покачивая головой и пожимая плечами, поскольку не могла ответить на их вопросы.

Линкольн принес дагеротип с портретом Нелл Белая Пташка. Мадлен взяла его и шагнула к пышущим жаром руинам:

– Этот огонь разожгли люди настолько презренные, что им приходится прятать свои деяния под покровом темноты. Уверена, те же люди прислали мне это. – Она вытянула вперед руку, показывая всем лицо проститутки. – Это дурная черная женщина. Люди, которые сожгли

нашу школу, утверждают, что черные – это зло, а зло – это черные. Да покарает их Господь! Знаете, почему они прислали мне этот снимок? Моя мать была квартиронкой. – (Негры застыли в изумлении.) – Более того, в какое-то время своей жизни она продавала себя мужчинам. Но мой отец обожал ее. Он женился на ней. И я чту ее память. Я горжусь тем, что во мне течет ее кровь. Ваша кровь. Дурные люди хотят, чтобы мы думали, будто это позор. Что мы ниже, чем они. И ждут, что мы забьемся в угол и будем благословлять их за то, что они бросают нам объедки, или благодарить, когда нас бьют. Пусть катятся к чертям! Вот что я думаю о них, об их поступках и об их угрозах!

Она разорвала дагеротип пополам и швырнула на гору углей. Половинки задымились, скручиваясь, потом загорелись и вскоре исчезли.

Лицо Мадлен казалось красным в отсветах пожара. От жары и от душившего ее гнева его заливал пот.

– На случай, если вы хотите знать: да, меня это очень расстроило и нет – ничего не изменится. Когда здесь все остынет, мы расчистим место и построим новую школу.

По одному из «негритянских законов», которые глупейшим образом проводят новые законодатели, цветными считаются те, в ком течет более одной восьмой негритянской крови. Значит, я под этот закон не подпадаю, но почему-то, дорогой мой, у меня такое чувство, что моих недругов это не остановит.

Я убеждена, что мистер Геттис – один из них. Возможно ли, что учитель танцев тоже причастен? Этого я не знаю, да и не хочу знать. Кто бы они ни были, эти люди объявили мне войну, а большего мне знать не нужно.

Признаюсь тебе, мой дорогой, что я очень боюсь. Я ведь не такая храбрая. Но меня с детства научили отличать хорошее от дурного и всегда упорно добиваться первого.

Школа – это хорошее. Как и мечта о новом Монт-Роял. И я не отступлюсь. Чтобы помешать мне, им придется меня убить.

Неграм разрешается покупать собственность и владеть ею.

Неграм разрешается искать справедливости в судах, быть истцами и ответчиками, выступать свидетелями в любом процессе, где участвуют только негры.

Неграм разрешается жениться, и штат будет признавать такой брак законным, как и детей, рожденных в нем.

Неграм не разрешается вступать в брак с особами другой расы.

Неграм не разрешается работать где-либо, кроме ферм или в услужении, без специальной лицензии стоимостью от десяти до ста долларов в год.

Негр будет подвергнут порке по решению судебного чиновника и возвращен обратно, если он сбежит от хозяина, к которому нанялся служить; если ему меньше восемнадцати лет, порка будет щадящей.

Негр не может вступить в ряды ополчения или держать у себя какое-либо оружие, кроме охотничьего.

Негр может быть отправлен на принудительные полевые работы, если будет признан судом виновным в преступлении или бродяжничестве.

Негр может быть выдворен из штата или отправлен на каторжные работы за все преступления, за которые не положена смертная казнь.

Негр может быть приговорен к смерти за призывы к бунту, за проникновение в чужой дом, за нападение на белую женщину, а также за кражу лошади, мула или тюка хлопка.

Выдержки из «черного закона» Южной Каролины, 1865 год

Глава 11

Дорогой Джек! – писал Чарльз. – Я отправляюсь на Запад с торговой компанией на шесть месяцев. Мой партнер говорит, что все письма для меня будут храниться на фактории Райли в Канзасе. Как только вернусь, дам знать. Надеюсь, что с моим сыном все будет в порядке, что он не забудет меня и не причинит слишком много хлопот вам с Морин. Обнимите его и скажите, что папа его любит.

Мне пришлось уехать, потому что я больше не служу в армии. В казармах Джефферсона произошли кое-какие неприятности...

Между землей и плотно затянутым серым небом на западе тянулась узкая полоска света. Судя по календарю, еще продолжалось лето, стоял сентябрь, но мокрая листва и прохлада в воздухе уже напоминали об осени.

Торговая компания Джексона выехала из леса, ведя за собой дюжину мулов, изрядно нагруженных товарами. В холщовых свертках лежали мешки со стеклянными бусинами всевозможных цветов, размеров и форм; Джексон Деревянная Нога предпочитал граненые стеклышки, похожие на бриллианты, как те, что сверкали на его собственной куртке.

Он объяснил Чарльзу, что бусины нужны шайеннкам для украшения одежды, которую они шьют. Яркие стекляшки привезли на Запад белые, раньше ничего подобного индейцы не знали. Традиционно они украшали свою одежду иглами дикобразов, которые во множестве водились на берегах Миссисипи, но редко встречались на сухих равнинах, куда отправлялись торговцы. Впрочем, связки игл они с собой тоже везли.

Также Джексон взял и довольно большие предметы. Например, железные лопаты, которые служили дольше, чем изготовленные из бизоньих костей, привязанных к палкам сыромятными ремешками. Долговечность была достоинством и другого товара, которым Джексон тоже запасся в большом количестве. Это был маленький железный прямоугольник, одна длинная сторона которого заострялась с помощью напильника. Он заменял собой подобный скребок из кости, с его помощью индейцы соскабливали шерсть со шкуры бизонов, чтобы потом шить из очищенной и обработанной кожи одежду или верх для типи.

Джексон уверял, что мог бы продать и множество других вещей, однако предпочитает возить только те, что уже доказали свою популярность за долгие годы. Весь товар предназначался для женщин, но платить за него должны были мужчины, используя самый обычный признак индейского благосостояния – лошадей.

Чарльз внимательно слушал партнера, чтобы понять секрет его успеха.

– В фортах есть и другие торговцы, которые продают то же, что и я, только шайенны их не подпускают. А я вожу товары в их деревни уже почти двадцать лет.

– А разве индейские агенты не регулируют торговлю?

Деревянная Нога выплюнул жевательный табак, выразив таким образом свое отношение к служащим Индейского бюро при министерстве внутренних ресурсов.

– Конечно, они бы с радостью от меня избавились, это ведь в основном жадные, никчемные людишки, мечтающие всю торговлю подмять под себя. Но я держу ухо востро. Если они меня не найдут, то и остановить не смогут. Шайенны меня не выдадут по той же причине, по какой я до сих пор не потерял скальп. Я их друг.

– Который может превратиться в кого-то совершенно другого, если его разозлить. – Чарльз показал на перо с зарубками.

– Ну да, такое тоже возможно.

Над полями новенькой плосковерхой шляпы Чарльза висел дымок сигары. Еще в Сент-Луисе он пришел к джинсам с внутренней стороны бедер полоски буйволиной кожи, и теперь сидеть в седле было очень удобно. Пегий уже избавился от своих хвороб, но Чарльз натягивал поводья только слегка, в основном направляя коня коленями и нажимом ладоней. Дьявол чутко откликался на все его действия; он оказался очень умным, и Чарльз не жалел о своем выборе.

В его седельном чехле лежала семизарядная винтовка Спенсера со сменным магазином. На поясе, прикрытые цыганским пончо, висели нож боуи длиной в фут и острый томагавк с древком, украшенным узорами индейского племени пауни, перьями и бисером. Чарльз был вооружен лучше, чем кавалеристы армии США, которым приходилось самим добывать себе дополнительное оружие любыми средствами.

Осенние пейзажи, холодный воздух и приближавшаяся ночь навевали на него уныние. Джексон попытался разговаривать своего спутника.

– Ну и как твоя актрисулька? Небось сохнет по тебе?

– Сомневаюсь.

– Собираешься снова с ней встретиться?

– Может быть, весной.

– Чарли, да что с тобой? У тебя странный вид. Мне уже встречались такие парни. Потерял какую-то женщину?

– Да, в Виргинии. Только я не хочу об этом говорить.

– Значит, не будем. Но все равно хорошо, что ты познакомился с той актрисой, какое-нибудь, а утешение.

– Она просто знакомая. Кроме того, одна женщина не может заменить другую. Давайте больше не будем об этом.

– Конечно. Да ты и сам скоро обо всем забудешь. Там, куда мы едем, у тебя появятся совсем другие мысли. – Тон Джексона был скорее слегка зловещим, чем веселым.

Чарльз и рад был бы хоть ненадолго забыть о Гус Барклай, но не мог. И в глубине души очень хотел, чтобы чувство вины перед ней все-таки позволило ему думать о Уилле Паркер не только как о просто знакомой. Эта девушка не выходила у него из головы, покорила его невероятным сочетанием юности и житейского опыта, идеализма и веселой снисходительности. Он решил, что не будет ничего дурного в том, если он примет ее приглашение и придет на спектакль, когда вернется в Сент-Луис.

Если вернется.

Джексон держался уверенно, но все же впереди их ждал долгий путь по огромным степям. Никто не стал бы отрицать, что некоторые индейские племена с большим недовольством относились к присутствию в их краях армии, а также к участвовавшей миграции белых на Запад.

Фенимор Купер носился взад-вперед перед всадниками, виляя хвостом; он бросался то влево, то вправо, но всегда возвращался обратно с веселым лаем. Пес, наверное, очень счастлив, подумал Чарльз, что его пока не пристегнули к волокуше и он может бегать свободно.

Малыш заметил в кустах синюю сойку и восторженно захлопал в ладоши. Чарльз попытался сигарой и время от времени похлопывал Дьявола по холке. Торговая компания Джексона удалялась все дальше на запад, постепенно теряясь в темноте.

Глава 12

Над Ричмондом бушевала гроза. Потоки воды лились с крыши городской богадельни «Пристанище», заливали надгробия на кладбище в Шоко¹³, которое начиналось сразу с ее южной стороны. Шум грозы в эту промозглую сентябрьскую ночь не давал заснуть пациентам приюта.

Один из пациентов лежал на боку, поджав колени к груди и крепко обхватив их руками. Его кровать находилась в конце ряда, поэтому он мог повернуться лицом к голой стене и погрузиться в свои мысли.

В темной комнате с высоким потолком мужчины ворочались и стонали, комкая постельное белье. Лампа медсестры проплыла через палату, как светлячок. Какой-то юноша с совершенно седой бородой внезапно сел на кровати:

– Кавалерия Союза! На левом фланге кавалерия Шеридана!

Медсестра бросилась к нему. Ее голос успокоил юношу, и он замолчал. Вскоре ее лампа снова поплыла в темноте.

В разгар войны эта богадельня стала госпиталем конфедератов, а ближе к концу здесь временно разместились кадеты Виргинского военного колледжа, после того как он был почти полностью сожжен во время кампании в долине Шенандоа. После капитуляции несколько флигелей богадельни вновь открылись, чтобы принять повредившихся в уме ветеранов, эти человеческие отбросы, выброшенные потоком войны на мирный берег и всеми забытые. Сейчас в «Пристанище» нашли кров без малого пятьдесят таких несчастных. А еще сотни, если не тысячи бродили по разоренным южным городам и разбитым дорогам, не получая никакой помощи.

Пациент на крайней койке метался и ворочался. Знакомая острая боль пронзила его лоб и теперь шилом поворачивалась внутри, проникая все глубже и глубже. От этой боли, как и от той, что мучила его изуродованное тело, он страдал с тех пор, как упал в...

В...

Боже, его рассудок они тоже погубили! Ему понадобилось несколько минут только для того, чтобы закончить мысль.

В реку Джеймс.

Да. Джеймс. Вместе с другими заговорщиками он хотел избавить Конфедерацию от ни на что не годного Джефферсона Дэвиса, но их обнаружил какой-то армейский офицер. Его звали...

Его звали...

Но как больной ни старался, он не мог вспомнить имя, хотя точно знал, что у него есть причины ненавидеть того человека. Ведь именно тот офицер вытолкнул его в окно дома над рекой, когда они сцепились в драке в ту ночь, когда заговор был раскрыт.

Он отчетливо помнил то потрясение, которое испытал в момент падения. Ударяясь об острые камни головой, ногами, ягодицами, он катился все дальше вниз, пока не рухнул в воду.

Его постоянно преследовал сон о том, что случилось дальше. Он погружался в темную воду, бился изо всех сил, чтобы вынырнуть на поверхность, но ничего не получалось. Во сне он всегда тонул. Реальность была другой. То ли случайно, то ли ценой каких-то невероятных усилий он все-таки сумел выбраться на берег, проблевался водой и потерял сознание.

С той ночи он стал другим человеком. Теперь боль была его вечным спутником. Часто его голову наполняли странные огни. Сейчас, слыша шум грозы, он снова их увидел – желто-зеленые точки взрывались, превращаясь в алые, оранжевые и ослепительно-белые огненные

¹³ Местечко в окрестностях Ричмонда.

шары. И как будто всех этих страданий еще было недостаточно, его вдобавок постоянно подводи́ла память.

Неизвестно как, но он тогда добрался до Ричмонда и пережил большой пожар, почти уничтоживший город в ту самую ночь, когда пало правительство Конфедерации. Он помнил, как бродяжничал по ночным улицам, попрошайничал, даже воровал. Из последнего, что ему удалось добыть, были два доллара и красивая, хотя и старомодная касторовая шляпа, которая лежала сейчас на полке над кроватью. Помнил, как подолгу голодал – иногда по два и даже три дня подряд. Но как оказался в «Пристанище», он не помнил совершенно. В приюте ему сказали, что он упал в обморок на улице.

Почему одни события иногда всплывают в его памяти, а другие – нет? А потом вдруг опять появляется целая череда уже новых воспоминаний, а те, прежние, исчезают в его больном мозгу на часы или даже дни. И все это происходит с ним потому, что его искалечил...

Имя так и не приходило.

Дождь полил сильнее, капли стучали, как барабанный бой. Его рука шарилась под койкой, словно лапа слепого белого паука, но что он искал, он не помнил. Что-то нащупав, он крепко прижал это к грязной больничной рубашке из грубой холстины. Потрепанный журнал, который ему дали в один из моментов просветления. «Харперс мэгэзин», номер за июль этого года.

Он даже помнил кое-что из раздела «В редакторском кресле». Там описывался большой парад армий Гранта и Шермана в Вашингтоне, который продолжался два дня в...

В...

В мае, точно.

Он сжал пальцы в кулак.

Я должен был быть там. Мне просто помешали, не дали исполнить роль, для которой я был рожден.

Словно наяву он видел, как сидит верхом на огромном холемом жеребце, как кланяется в ответ на приветствия толпы, как салютует саблей президенту Линкольну, а потом едет дальше и восторженная, потная толпа кричит ему вслеп:

– Бо-на-парт! Бо-на-парт!

Он был американским Бонапартом.

То есть должен был им стать. Но ему помешали... Эти люди, которых звали...

Звали...

Бесполезно.

Но однажды он их обязательно вспомнит. Этот день придет. И когда это случится, помоги Господь им и всему их роду!

Почти всю ночь он прислушивался к стуку дождя за окнами, но около четырех утра все же уснул. Проснулся он в шесть, все так же сжимая в руке рваный журнал. И хотя боль отступила, он чувствовал себя бесконечно несчастным. О причине он не думал.

Он не помнил даже собственного имени.

Часть вторая. Счет зим

Стоит лишь сожалеть о том, что характер индейца, описанный в увлекательных книгах мистера Купера, не соответствует действительности... Лишенный красивого ореола романтики, которым мы так долго хотели его окружать, и перешедший с заманчивых страниц писателя в те места, где мы вынуждены сталкиваться с ним, – в его родной деревне, на тропе войны или во время его набегов на наши приграничные поселения и торговые дороги, – индеец сразу лишается своей претензии на звание благородного... краснокожего. И мы видим его таким, каким он был всегда, то есть дикарем во всех смыслах этого слова.

Генерал Дж. А. Кастер, «Моя жизнь на Равнинах», 1872–1874 годы

Я родился в прерии, где вольно гуляет ветер, где ничто не заслоняет солнечный свет. И я хочу умереть там, а не в четырех стенах. Десять Медведей, вождь команчей, Медисин-Лодж, 1867 год

¹⁴ Календарь индейцев.

Глава 13

Утром они переходили реку, поднимая в воздух серебряные фонтаны брызг. Илистая долина блестела на солнце после ночного дождя. Индейцы, работавшие на полях, засеянных кабачками, бобами и тыквами, махали самодельными лопатами и приветственно кричали им. Выше по течению, плохо различимые в дымке, виднелись бревенчатые постройки с дерновой кровлей; они проезжали мимо индейских жилищ, построенных недалеко от переправы.

– Это канза, – сообщил Деревянная Нога, показывая на работавших в поле. – Их еще называют кау. – Он повел своих спутников от отмели в густые заросли бородача высотой в фут. – Они почти со всеми ладят. Думаю, когда-то давно это было типично для всех племен. Даже шайенны такими были, пока жили в Миннесоте или еще где-то. Теперь все не так. Скоро ты сам увидишь причины.

Так и случилось. Двигаясь почти на запад, причин они увидели предостаточно.

Это были и фургоны переселенцев, катящие на запад, хлопая на осеннем ветру белыми парусиновыми стенками; и почтовая карета курьерской службы Баттерфилда, которая повернула к дороге на Смоки-Хилл, грохоча колесами и поднимая облака пыли; и рабочий поселок железнодорожников, состоящий из двухэтажных служебных вагонов, составленных в каком-то тупике, который заканчивался прямо в середине поля, покрытого чертополохом, клевером и увядшим золотарником.

– Все это племенные земли, Чарли. Индейцы привыкли кочевать и выбирать то место, где им понравится, все равно как арабы в другой части света. Они всегда жили за счет щедрот этой земли. Охотились на зайцев и на бизонов. Вот канза, к примеру, сменили образ жизни. Стали оседлыми. Но не шайенны. Они живут по-старому. Так что ты не можешь украсть их землю или вытолкать их на какую-нибудь ферму и ждать, что они станут в благодарность целовать тебе ноги. Поэтому они и убивают. Разве ты не делал то же самое, когда северяне хлынули на твою землю?

– Да, сэр... – ответил Чарльз; теперь ему многое стало понятно.

В Топике Джексон купил целую гору оловянных горшков.

– Женщинам они нравятся больше, чем мешки, сшитые из сыромятной кожи или бизоньих желудков, – объяснил он. – В таких горшках можно просто кипятить воду, а не возиться с этими горячими камнями и прочей ерундой.

Из-за того что появился дополнительный груз, Фенимору тоже пришлось взять на себя часть поклажи. Колли теперь тащил индейскую волокушу, в которой лежали шесты и крышка для типи. Пес мог идти так много часов без отдыха, и только его свесившийся наружу язык показывал, как он устал.

От отряда кавалеристов они узнали, что мирные переговоры с индейцами действительно начались в устье реки Малый Арканзас, как и говорила Уилла.

– Может быть, вам, ребята, наконец-то достанется спокойная зима, – сказал им командир отряда.

– Вот болван, – пробормотал Джексон, когда они тронулись дальше; по его красному лицу стекал пот, хотя никакой особой жары не было. – Этот капитан – еще один из тех, кто ни черта не смыслит в том, как живут индейцы. Он думает, если какой-нибудь мирный вождь вроде Черного Котла, с которым мы собираемся встретиться, поставит свою метку на соглашении, то и все остальные тут же с ним согласятся и сложат оружие. Эти недоумки не понимают, что никакой индеец не может говорить за всех индейцев. Никогда не мог. И никогда не сможет.

– Похоже, вы высокого мнения о южных шайеннах?

– Так и есть, Чарли. Они лучшие в мире наездники. Прекрасные кавалеристы, если так тебе больше нравится. К тому же я живу здесь достаточно долго, чтобы видеть в индейцах разных людей, а не просто толпу меднокожих на одно лицо. Если кто-то из Людей-Собак насиловал жену какого-нибудь фермера, кавалеристы не должны расстреливать за это миролюбивого старого вождя, но ведь они не замечают разницы. Мне повезло. Мой отец научил меня видеть каждого в отдельности. Среди них есть хорошие и плохие, как в любом народе. Я даже влюбился в одну настолько, что взял в жены несколько лет назад. Но она умерла, когда рожала дочку. И малышка тоже умерла, через неделю. – Джексон вдруг закашлялся и, наклонив вперед голову, стиснул зубы и схватился за ворот рубашки.

Чарльз повернул коня и взял Джексона за руку:

– Что с вами? Скажите, где болит?

– Ничего... – Старый торговец с трудом отдышался. – Все в порядке. – Он судорожно втянул воздух, мокрые глаза блеснули. – У моего отца было слабое сердце. И мне такое же досталось. Не думай об этом, поехали дальше.

Вскоре пологие холмы совсем выровнялись, а ивы и тополя стали попадаться все реже и реже. В покрытой короткой бизоновой травой прерии не было никого, кроме чернохвостых луговых собачек, которые вытягивались над холмиками своих нор. Осенний свет заливал все вокруг, подчеркивая первозданную красоту окрестных холмов, словно исчерченных ветром белой, желтой и оранжевой пастелью. Чарльз не мог пока сказать, что он счастлив, но с каждым днем он чуть меньше думал о Гус Барклай.

– Так, Чарли, – заявил Деревянная Нога, когда они перешли вброд Смоки-Хилл. – Пора тебе начинать учебу.

– Ты никогда не знаешь, когда тебе понадобится скорость. Мы с Малышом тренировались, пока не научились собирать типи за десять минут и разбирать вдвое быстрее. С твоей помощью это время можно еще сократить. Заметил, что круглый вход всегда обращен на восток? Так можно избежать большинства сильных дождей и ураганов с запада и увидеть восход солнца. А еще индейцам это всегда напоминает о Великом Духе, который приносит им свет и пропитание. Ну, за дело, Чарли. У тебя восемь минут, если хочешь получить ужин.

Мерцающий свет костра падал на моток медной проволоки. Волосы Деревянной Ноги уже достаточно отросли, чтобы их можно было заплетать в косы, что он и сделал, закрепив концы кусочками проволоки.

Чарльз жевал пеммикан – высушенное и растертое в порошок мясо бизона, смешанное с жиром и ягодами.

– Если хотите, я могу укоротить вам волосы ножом, – сказал он.

– Ну уж нет. Тот, кто отрезает мужчине волосы, потом заберет его жизнь. Если шайенн когда-то и стрижется, его женщина тут же сжигает то, что состригли, чтобы никто не смог наложить заклятье с помощью волос.

Малыш вдруг взволнованно подпрыгнул:

– Дорога! Дорога!

Чарльз посмотрел туда, куда указывал палец мальчика, – на светлую полосу поперек звездного неба.

– Это Млечный Путь, Малыш.

– Это Висячая Дорога, Чарли, – поправил его Джексон. – Путь, по которому шайенны отправляются в мир духов. Дорога в страну мертвых.

Торговец ласково похлопал племянника по плечу, успокаивая его, открыл свой парфлеш – кожаную сумку, украшенную иглами дикобраза и росписью, откуда достал рулончик чистой

мягкой кожи и расстелил ее перед костром. Потом открыл маленькие глиняные горшочки с красной и черной краской, которую немного разбавил слюной. И уж совсем удивил Чарльза, когда извлек из сумки маленькую кисточку для живописи.

Обмакнув кисточку в черную краску, он начал рисовать в верхнем левом углу куска кожи три схематичные фигуры всадников на лошадях. Последней он пририсовал фигурку поменьше, на четырех ногах.

– Это еще что такое? – спросил Чарльз.

– Начинаем наш счет зим. Это что-то вроде рисованной истории человеческой жизни. Его ведут вожди и воины. – Он усмехнулся. – Думаю, Торговая компания Джексона теперь достаточно солидная, чтобы начать свой в этом году.

Они увидели стадо бизонов; животные двигались на юг, как обычно в это время года. У ручья, ссохшегося едва ли не до шести дюймов от берега до берега, им пришлось ждать несколько часов, пока стадо не прошло. Оно растянулось на шесть или семь миль от начала до конца и почти в милю шириной. Джексон показал на старого быка, который шел впереди:

– Индейцы иногда называют бизонов дядюшками. Оно и понятно, ведь буффало дают им почти все, что они едят или используют в хозяйстве, поэтому и становятся чем-то вроде родни.

Под мрачным серым небом, где вспыхивали серебряные зигзаги молний, Чарльз, придерживая шляпу, всмотрелся в восьмерых молодых индейцев, вооруженных копьями и винтовками. Они были не очень далеко, поэтому он отчетливо слышал, как они кричат:

– Сукины дети! Сукины дети!

Один воин встал коленями на спину своей небольшой лошади и выставил к ним задницу, хлопая по ней правой ладонью.

– Да уж, – вздохнул Деревянная Нога, – они точно умеют такое, чему и нам неплохо бы научиться.

Малыш подъехал поближе к дяде. Чарльз положил винтовку на правую ногу; от волнения внезапно пересохло во рту. Молния прорезала небо с востока на запад, вдали послышались раскаты грома. За воинами топтался табун по меньшей мере из пятидесяти диких жеребцов, кобыл и жеребят. Белые остановились, когда заметили индейцев, перегонявших лошадей через пологие холмы.

– Это же просто деньги на копытах, вот что такое для них лошади, – сказал Джексон. – Богатство племени. Они не станут рисковать ими, гоняясь за нами. И вообще, они редко нападают, если только их много, больше, чем противников, а еще если они попадают в западную или их к этому вынуждают. К тому же они достаточно близко, чтобы разглядеть вот это.

Он несколько раз поднял над головой винтовку. Воины ответили новыми оскорблениями. Но когда ветер усилился и полил дождь, они умчались прочь вместе со своим табуном. Чарльзу понадобилось минут десять, чтобы успокоиться. На войне он тоже испытывал страх перед сражением, но теперь это чувство показалось ему острее и глубже. Возможно, в этом были виноваты здешние места. Пустые, безлюдные и прекрасные.

– Нырай, Чарли! – закричал Деревянная Нога. – И стреляй!

Чарльз выдернул ноги из стремени и резко свесился влево. Повиснув между седлом и травой, пока Дьявол несея вперед бешеным галопом, он на секунду подумал, что вот-вот свернет себе шею.

Но все обошлось. Обхватив ногами круп коня, он зацепился левой рукой за шею пегого и так, прячась за ним, постарался забыть о земле, несущейся мимо.

– Стреляй! – проревел его учитель.

Чарльз подтянулся настолько, чтобы пустить пулю над холкой мчавшейся лошади. Джексон одобрительно завопил, а потом крикнул:

– Еще раз!

После пяти выстрелов рука Чарльза не выдержала, и он упал с коня, лишь в последний момент вспомнив, что нужно расслабиться. Так что удар о землю едва не вышиб из него дух.

Фенимор тут же стал носиться вокруг него кругами с бешеным лаем. Малыш громко смеялся и хлопал в ладоши. Деревянная Нога поднял Чарльза с земли и пошлепал его по спине, помогая восстановить дыхание.

– Неплохо, Чарли. Даже очень неплохо. Просто здорово. Ты словно родился в прериях. Настоящий природный дар, видит Бог.

– Думаете, научиться стрелять из-под лошади так важно для меня? – с некоторым скептицизмом спросил Чарльз.

Джексон пожал плечами:

– Чем больше ты умеешь, тем больше у тебя шансов сохранить свой скальп на случай, если какой-нибудь дикий шайенн вдруг очень захочет снять его. Они сами постоянно используют этот трюк с наклонами. Даже соревнования устраивают, только вместо настоящего оружия берут замотанные в тряпки копыя. Стараются ими сбить друг друга с лошади. Кое-кто считает, что и стрелять таким способом гораздо безопаснее. Ну, как себя чувствуешь?

Вернулся Дьявол и, опустив голову, шумно вздохнул.

– Грохнулся я основательно, – улыбнулся Чарльз. – А в остальном все отлично.

– Ладно. Надо потом еще раз попробовать. Упал ты, кстати, потому, что...

В тот вечер Джексон добавил еще одну пиктограмму к их счету зим. Условная фигурка из палочек изображала Чарльза, который стрелял, повиснув сбоку на мчавшейся лошади. Чарльз даже ощутил прилив гордости, когда торговец показал ему готовый рисунок, и впервые за несколько недель в ту ночь спал без всяких снов.

Они скакали на юг, все еще ученик и учитель.

– Вот это значит «шайенн». – Джексон несколько раз вытянул правый указательный палец поперек левого. – Вообще это означает полосатую стрелу, но еще и шайенн, потому что они используют для своих стрел полосатые индюшачьи перья.

Чарльз повторил жест пару раз. Потом Деревянная Нога согнул пальцы, вытянув указательный и мизинец:

– Лошадь.

Упираясь друг на друга кончиками пальцев, сложил руки домиком, изобразив перевернутую букву «V».

– Типи. Ну а это ты сам угадаешь. – Он прижал к вискам кулаки, выставив вверх указательные пальцы.

– Бизон?

– Отлично, отлично! Осталось выучить еще примерно тысячу плюс-минус парочку.

Уроки касались не только названий, но и правил поведения. Джексон отъехал на небольшой склон и заставил лошадь двигаться зигзагом, взад и вперед, снова и снова.

– Если индейцы слишком далеко, чтобы рассмотреть твое лицо или сосчитать твое оружие, так ты им сообщишь, что у тебя мирные намерения. – Когда они наблюдали еще за одним табуном диких лошадей, несущихся вдоль горизонта на юго-востоке, он сказал: – То, что тебе придется здесь делать, Чарли, перевернет твои представления о жизни с ног на голову. Здесь не действуют законы и порядки белого человека. Например, если ты украдешь лошадь в Топике, тебя повесят. А здесь угнать десять-двадцать голов лошадей из другой деревни – храбрый поступок. Если бы мы научились договариваться на условиях индейцев, а не на своих собственных, то на Равнинах, возможно, действительно наступил бы мир.

Однажды хмурым утром, присев на корточки возле каких-то следов, Деревянная Нога спросил:

– Чарли, что ты можешь об этом сказать?

Чарльз внимательно рассмотрел отметины на земле – множество почти одинаковых полос, частично перекрывающих друг друга. Потом взглянул на Фенимора, который пока отдыхал от своей волокуши, и наконец на пустынную, плоскую землю.

– Волокуши. Много, судя по следам от шестов. Деревня.

– То есть предполагалось, что ты должен подумать именно так. Но посмотри назад, пройди две мили туда, где эти следы начинаются. Ты не увидишь никаких признаков собак, ни единой кучки дерьма. Только конский навоз. Нет собак – нет деревни. Эти следы оставили несколько воинов, привязав к поясам длинные шесты с камнями потяжелее. Так они в мгновение ока заставили тебя подумать о деревне, достаточно большой, чтобы ты испугался. Древние страхи – отличное средство. Они заставляют тебя видеть то, что ты ожидаешь увидеть, вместо того, что есть на самом деле. Посмотри туда.

Он приподнялся на стременах и показал вдаль, другой рукой придерживая шляпу, чтобы ее не сорвало резким ветром. Далеко на юго-востоке Чарльз рассмотрел крошечные фигурки всадников. Их было четверо.

– Вот и вся твоя деревня. Но если бы ты просто увидел такие следы, ты бы постарался объехать то место, куда они ведут, верно?

Чарльз почувствовал себя глупо и не сумел этого скрыть. Деревянная Нога хлопнул его по плечу, давая понять, что все это – просто часть новой науки. А потом поднял винтовку и выстрелил в воздух. Звук выстрела донесся до далеких всадников, и те быстро скрылись из виду. Этот урок, как и все другие, Чарльз запомнил раз и навсегда.

Древние страхи – отличное средство... Они заставляют тебя видеть то, что ты ожидаешь увидеть, вместо того, что есть на самом деле...

Тем вечером, сидя у костра и пририсовывая дневные события к счету зим черными и красными штришками, Джексон мягко спросил:

– Ну что, понемножку забываешь ее? Ту женщину, которую потерял?

– Вроде того... – В последние дни Чарльз иногда думал и об Уилле тоже. – Спасибо вам. Джексон махнул тонкой кисточкой:

– Все ради дела. Если мне нужен настоящий партнер, я должен вытащить тебя из уныния. Здесь столько всего интересного и столько причин попасть в серьезную передрагу, что просто нет времени на то, чтобы раскисать. Здесь всегда нужно быть настороже, чтобы не потерять скальп.

– Верю, – кивнул Чарльз.

Опираясь на локти, он откинулся назад, согретый огнем и дружбой, ощущая новое для себя, пусть и хрупкое пока чувство удовлетворенности. Он уже начинал испытывать такую же привязанность к этим местам, какую испытывал к Техасу.

Примерно за час до рассвета Чарльз проснулся оттого, что захотел в туалет. И зачем он опять выпил так много кофе?

Он встал, стараясь не шуметь. От дыхания в воздух вылетали облачка пара, отчетливо видимые в слабом свете углей, тлевших на полу в центре вигвама. Он развязал ремешки откидного входа в типи и тихо выскользнул в круглое отверстие.

Его сразу насторожило то, что лошади и мулы в своем загончике явно были чем-то взволнованы, и он никак не понимал, чем вызвано их беспокойство. Холодная звездная ночь казалась безмятежной. Одно можно было сказать наверняка: даже если где-то поблизости рыскали

конокрады, Фенимор и не подумал бы сообщать об этом своим лаем. Сторожевым псом он точно не был.

Чарльз прошел вперед вдоль канавы, уходя от слабого света, мерцающего внутри типи. Расстегнул штаны, потом кальсоны, а потом сквозь шум струи вдруг услышал чей-то голос.

Он резко прекратил свое занятие, рывком надел исподнее и штаны и машинально протянул руку к бедру.

Кобуры с кольцом там не было. На ночь он клал ее возле изголовья. С собой был только боуи в чехле.

Осторожно ступая по траве, он медленно пошел обратно к типи и увидел на кожаной стене силуэты, подчеркнутые светом тлеющего костра. Два человека сидели на корточках, третий стоял между ними, держа что-то в руке.

Револьвер.

Облизнув пересохшие губы и яростно отогнав остатки сна, Чарльз подошел вплотную к типи. Незванный гость, который, должно быть, прокрался в вигвам сразу после его ухода и не заметил Чарльза, говорил с Малышом.

– Сиди тихо, идиот пустоголовый! Только пикнешь – и я этому старому дураку башку разнесу в клочья. – Тень махнула револьвером в сторону тени головы Джексона. – А ты, старый хрыч, давай сюда свой товар. И деньжата, все, что есть.

– Для перелетных птишек вроде еще рановато, а? – откликнулся Джексон, и Чарльз заподозрил, что партнер вовсе не так спокоен, как могло показаться по его голосу. – Я-то думал, парни вроде тебя всю зиму сидят на армейской кормежке и только весной вылетают на свободу.

– Заткнись, урод, если не хочешь, чтобы я пристрелил этого пучеглазого кретина!

– Нет, я не хочу, чтобы ты это делал, – очень тихо произнес Джексон.

– Тогда гони товар.

– Весь товар в дорожных сумках. Снаружи.

Мужчина ткнул его в плечо дулом револьвера:

– Пошли!

Глава 14

Чарльз вытащил боуи из ножен. Сердце бешено колотилось. Он быстро сделал пару широких шагов и замер сбоку от круглого входа за несколько секунд до того, как Джексон выбрался наружу.

Торговец почувствовал присутствие Чарльза, но не подал виду и даже не повернул головы в его сторону. Следом из типи вышел мужчина с револьвером. В свете звезд Чарльз сначала увидел бородатое лицо, а потом рукава с желтыми нашивками капрала. Точно, дезертир.

– Стой, дед! – приказал мужчина, выпрямляясь.

Крепкий и приземистый, он был на голову ниже Джексона, хотя тот тоже не мог похвастаться высоким ростом. Один Бог знал, из какого форта он сбежал – может, из Ларнеда, а может, из того, что поновее, – из Доджа.

Чарльз переступил с ноги на ногу, готовясь нанести удар, но дезертир то ли услышал, то ли почувствовал что-то. Он резко развернулся, увидел Чарльза и выстрелил.

Пуля оцарапала щеку Чарльза и пробила кожаную стену типи. Чарльз мгновенно вонзил нож в синюю рубашку дезертира и повернул его.

– О нет... – выдохнул солдат, приподнимаясь на цыпочки. – Нет...

Через мгновение он обмяк, пальцы разжались, револьвер упал на землю. Колени капрала согнулись, и он растянулся на земле, как тряпичная кукла. Скорее всего, уже мертвый.

Чарльз вытер нож о траву:

– Что будем с ним делать?

Джексон тяжело дышал, как после долгого бега.

– Оставь его падальщикам... – Он почти задышался. – Лучшего он не заслужил.

Из темноты выбежал Фенимор. Он тихо поскуливал, чувствуя беду. Джексон ласково погладил пса.

– А ты отлично управляешься с ножом, Чарли. Быстро учишься. – Он схватился за воротник синего мундира и приподнял голову убитого; в лунном свете безжизненные глаза блеснули, как оловянные монетки. – Или это у тебя старые навыки?

Чарльз еще раз дочиста оттер нож пучком сухой травы и вернул его в ножны, похлопав по ним ладонью. Такого ответа было достаточно.

Внутри типи, скрестив руки на груди, сидел съевшийся Малыш. Он плакал. К этому времени Чарльз уже знал, почему мальчик так реагирует. Дело было не только в страхе. Даже со своим жалким умом бедняга иногда понимал, что его дядя находится в затруднительной ситуации или должен выполнить какую-то сложную задачу. В таких случаях парнишка всегда хотел помочь, но его мозг не мог отдать правильные приказы ни рукам, ни ногам, ни каким-то другим частям тела. Чарльз уже дважды видел, как он рыдал от яростного отчаяния.

Джексон обнял мальчика и ласково похлопал его по спине, успокаивая. А потом снова резко рванул ворот своей рубашки. Чарльз увидел, как густо покраснело его лицо. Джексон заметил его взгляд.

– Я тебе говорил, что это ничего не значит! – сердито буркнул он.

Чарльз промолчал.

В начале ноября они встретили на дороге с полдюжины арапах, которые направлялись на север. У всех шестерых волосы были густо смазаны жиром, но у одного из них, вероятно более чувствительного к недавнему летнему солнцу, они были скорее золотисто-каштановыми, чем черными. Выбритая часть головы, рядом со скальповой прядью, у всех была выкрашена красной краской.

Деревянная Нога заговорил с арапахо на смеси языка жестов, примитивного английского и их собственного языка. Чарльз несколько раз услышал уже знакомое ему слово «Мокетавато» – так шайенны называли Черного Котла, миролюбивого вождя, которым восхищался Джексон.

Чарльзу не нужно было особо понимать индейцев, чтобы увидеть враждебность арапахо. Она сквозила в каждом слове, в каждом резком жесте и злобном взгляде. Но все же они продолжали говорить с Деревянной Ногой, усевшись на корточках в полукруг напротив него; разговор длился почти час.

– Не понимаю, – сказал Чарльз после того, как арапахо усаkali. – Они же нас ненавидят.

– Верно.

– Но при этом разговаривали с вами.

– Ну, мы же ничего такого не сделали, чтобы их рассердить, поэтому они обязаны обращаться с нами цивилизованно. Так поступает большинство индейцев. Но не все, так что не зевай.

– Вы говорили с ними о Черном Котле.

Деревянная Нога кивнул:

– Меньше двух недель назад он и мирный вождь арапахо Маленький Ворон поставили свой знак одобрения на соглашении, подписанном на Малом Арканзасе. По этому соглашению теперь будут определены границы новой резервации, отведены участки земли для каждого шайенна или арапахо, кто захочет там жить, а тем, кто потерял кого-нибудь из родителей или мужа у Сэнд-Крик, вдобавок от щедрот еще выделяют аж сто шестьдесят акров. Правительство осуждает то, что там случилось, они даже отправили туда Билла Бента, чтобы он этой зимой проследил, как бы солдаты опять не натворили бед в индейских деревнях. Билл Бент, конечно, человек хороший, вот только шайеннов на Малом Арканзасе живет всего около восьмидесяти душ, а еще почти две сотни бродят где попало, так что для них это мирное соглашение значит не больше чем шум ветра.

Чарльз почесал подбородок; щетина уже превращалась в бороду.

– А вы узнали, где сейчас Черный Котел?

– Прямо впереди, на Симарроне. Как раз там, где я и собирался его искать. Так что отправляемся дальше.

У подножия невысокого утеса Деревянная Нога показал на разбросанные кости:

– Бизон спрыгнул. Индейцы поворачивают стадо и гонят к обрыву. Уже очень скоро бизоны летят вниз и ломают ноги, так что воинам легко их убить.

Прошло два дня после их встречи с арапахо. Стоял безветренный день, с неба падали легкие снежинки и таяли, едва коснувшись травы. Чарльз с удовольствием затягивался сигарой и думал о том, как бы его сын воспринял первый в своей жизни снег. Ему бы очень хотелось на это посмотреть...

– Такая охота не столь почетна, как убийство бизона в погоне, – продолжал Джексон. – Но зима близко, и если запасов мало, то это самый простой способ... – Он вдруг резко замолчал и повернул голову. – Постой-ка... – Быстро взбежав по склону, Джексон опустился на колени и прижал ладони к земле.

– Что такое? – спросил Чарльз.

– Всадники. Скачут сюда... быстро. Проклятье!.. Их десятка два, а то и больше. Сдается мне, Чарли, мы всю свою удачу истратили на того дезертира...

Чарльз бросился к Дьяволу, выхватил из седельной сумки кольт, но Джексон велел убрать оружие.

– Почему?

– Потому что сперва нужно посмотреть, кто это. Если хочешь, чтобы тебя точно убили, выстрели в индейца первым, не попытавшись сначала вступить с ними в переговоры.

Он прошелся вдоль обрыва, засунув большие пальцы за пояс с патронташем; неторопливые движения говорили о полном спокойствии, и только в глазах виднелась нешуточная тревога. Чарльз присоединился к партнеру. Когда к ним бешеным галопом уже неслись всадники на неоседланных лошадях, Джексон жестом подозвал к себе Малыша.

На индейцах были кожаные штаны с бахромой, а у нескольких – еще и повязанные вокруг талии красные одеяла. Шестеро были в головных уборах из орлиных перьев. Также Чарльз без особого восторга заметил, что трое одеты в форму армейского образца: на двоих были короткие солдатские мундиры со светло-голубыми пехотинскими нашивками, а на третьем – длиннополый сюртук старого образца с красной отделкой, указывающей на принадлежность к артиллерии. К сюртуку было прицеплено две медали.

Еще у одного индейца, лет двадцати с небольшим, худощавого, стройного и очень смуглого, на груди висел огромный серебряный крест на цепочке. Рукава и перед его рубахи, сшитой из оленьей кожи, были украшены длинными полосками из какого-то тонкого материала – в основном черными, но попадались также желтые и белые.

Чарльз предположил, что крест, как и форма, был украден.

– О Боже, шайенны... – пробормотал Джексон. – И во главе их – Люди-Собаки. На них нет отличительных знаков, но я узнал того, что впереди. Хуже и быть не может.

– А кто этот...

Чарльз не успел задать свой вопрос о вожаке, потому что шайенны как раз остановили лошадей, и воздух сразу наполнился звоном маленьких колокольчиков, вплетенных в гривы. Тех самых колокольчиков, которые они получили от белых торговцев, как и карабины, уже направленные на Джексона и его спутников. Кроме винтовок, у всех индейцев были луки со стрелами.

Фенимор пытался вырваться из упряжи и злобно рычал. Чарльз закусил сигару, уже превратившуюся в маленький окурок. Малыш спрятался за дядю.

Самый смуглый индеец, с крестом на шее, взмахнул рукой и что-то крикнул на своем языке. У него было красивое узкое лицо, хотя и излишне суровое. Красная краска, которой он, как и остальные, раскрасил лицо и руки, была с особой тщательностью нанесена на его левую щеку. Две широкие параллельные полосы обрамляли длинный белый шрам, который тянулся от внешнего края брови вниз вдоль линии челюсти, и там немного загибался кверху, к левому уголку рта. Все это напоминало обведенный красным рыболовный крючок.

Снег повалил сильнее. Шайенны смотрели на Чарльза и его партнера, пока их вождь продолжал свою страстную речь. Чарльз понимал отдельные слова или жесты, уроки Деревянной Ноги уже давали о себе знать. Но и без этого было очевидно, что почти все фразы вождя полны злобы и неприязни.

Джексон стойко, ни разу не повысив голоса, отвечал каждые несколько секунд. Вождь в это время продолжал говорить. Чарльз слышал, как его партнер снова упомянул о Черном Котле. Молодой вождь покачал головой и засмеялся. Все его спутники тоже развеселились.

Деревянная Нога вздохнул. Его плечи обвисли. Он поднял правую руку, прося передышки. Усмехаясь еще шире, молодой индеец выкрикнул нечто принятое Чарльзом за согласие.

– Чарли, сюда...

Торговец повел Чарльза вдоль края обрыва. Мушки карабинов последовали за ними. Джексон казался подавленным, в таком состоянии Чарльз его еще не видел.

– Теперь сокрушаться без толку, но я ошибся. Мы не должны были заговаривать первыми. Эти парни жаждут нашей крови.

– Я думал, они не нападают, если их не рассердить.

– Всегда бывают исключения. Боюсь, этот парень как раз из их числа. – С горечью посмотрев на смуглого индейца, Джексон продолжил: – Он боевой вождь и при этом очень и очень

молодой. Его зовут Мужчина, Готовый Воевать. Белые называют его Шрамом. Люди Чивингтона убили его мать у Сэнд-Крик. Они срезали ей волосы. Я хочу сказать, *все* волосы. – Повернувшись к индейцам спиной, Деревянная Нога похлопал себя между ног. – А потом вывесили их вместе с другими скальпами в том денверском театре, где Чивингтон демонстрировал свои трофеи. Уж не знаю, как Шрам об этом прослышал... может, через вторые или третьи руки. Вокруг Денвера тогда бродило много мирных старых индейцев, которые вымолили себе жизнь. Но я точно знаю, что ему известно о позоре его матери, и он не собирается ни забывать, ни прощать это. Пожалуй, я бы тоже не простил. Только нам не поможет то, что мы это понимаем.

– А как же соглашение?

– Думаешь, оно для него хоть что-нибудь значит? Я же тебе объяснял: вожди подписали договор только от имени восьмидесяти домов.

– Он очень много говорил. Что ему нужно?

– Шрам и его друзья хотят забрать нас в деревню. И уже там решить, что с нами делать.

– Тогда, может, все еще обойдется? Разве это не деревня Черного Котла?

– Да, она, – уныло ответил Джексон, – только вождь еще не вернулся после переговоров. Задержался. И пока его нет, главный голос принадлежит Шраму.

Чарльз похолодел:

– И что нам делать? Стрелять?

Деревянная Нога чуть повернулся, чтобы видеть племянника. Малыш крепко обхватил себя руками, глаза его стали огромными.

– Тогда нам точно конец, – сказал Джексон. – Может, в деревне они тоже решат нас прикончить, но, думаю, нам лучше поехать туда с ними. Малыш не сможет защититься от этих головорезов. А там, глядишь, кто-нибудь из женщин его и пожалеет и не даст мужчинам содрать с него скальп. – Джексон вздохнул. – Вообще-то, с моей стороны нечестно звать тебя с собой... Но это именно то, что я собираюсь сделать...

Чарльз докурил сигару и швырнул окурочку вниз, на бизоньи кости. Сигара показалась ему вкуснее, чем обычно, – наверное, оттого, что она могла оказаться последней в его жизни.

– Я иду с вами.

– Хорошо. Спасибо.

Они пошли обратно к шайеннам, старый торговец шагнул впереди. Когда Джексон сообщил индейцам, что они согласны отправиться в деревню без сопротивления, воины заулыбались, а Шрам завыл по-собачьи, отчего бедняга Фен снова задержался в своей упряжи. Шрам протянул руку к колчану со стрелами, висящему за плечом, и вытянул оттуда трехфуттовую палку, обтянутую куском оленьей кожи, покрашенной в красный цвет и расшитой иглами дикобраза. Один конец украшали нарисованные глаза, другой – орлиные перья. Привязанные к палке высушенные пальцы какого-то животного делали ее похожей на погремушку, которой Шрам энергично взмахнул, спрыгнув с лошади.

Продолжая греметь, вождь вдруг метнулся вперед и, прежде чем Чарльз успел отойти в сторону, ударил его палкой по щеке. Чарльз выругался и замахнулся кулаком, но Джексон удержал его:

– Не надо, Чарли! Говорю – не надо! Он просто посчитал ку¹⁵, только резче, чем следовало.

Чарльз знал, что у индейцев существует обычай подсчитывать ку, которые могли совершаться даже на поверженных противниках. Чем больше ку набирал воин, тем более храбрым он считался. Но, как сказал Джексон, знание этого факта никак не могло помочь им в их ситуации, как не могло и ослабить его страх.

¹⁵ Особый ритуал воинской доблести, совершаемый индейцами Равнин; заключался в прикосновении к врагу.

Черноглазый индеец закинул голову назад и залаял. Несколько его товарищей сделали то же самое, отчего Фенимор начал прыгать как безумный, заходясь в неистовом лае. Один из шайеннов направил карабин на пса. Джексон тут же схватил Фена за ошейник и придержал его, получив укусы за свою заботу.

Чарльз стоял неподвижно, чувствуя одновременно гнев и испуг. Малыш топтался рядом с ним, пытаясь спрятать свою несчастную уродливую голову в складках цыганского плаща. Трое шайеннов спрыгнули с коней и бросились к выючным мулам, взрезая ножами холщовые тюки с товарами. Обнаружив пучок с иглами дикобраза, один из индейцев радостно вскрикнул, разрезал связывающий их кожаный ремешок и подобрал иглы в воздух.

Другой вскрыл мешок, из которого дождем хлынули бусины. Индеец набрал их в пригоршню и побежал к друзьям, отсыпая каждому понемногу. Деревянная Нога сдерживал Фенимора, скрипя зубами, и только без конца повторял:

– Черт побери, черт побери...

Шрам с важным видом подошел к торговцу и ударил его по плечу той же кожаной палкой, добавив себе еще один ку. Потом залаял громче прежнего. Снег собирался на полях шляпы Чарльза, на плечах, таял на лице, и у него вдруг появилось странное ощущение непоправимости происходящего. Нечто подобное он чувствовал на войне накануне сражений. Это предчувствие всегда заканчивалось чьей-то смертью.

– Ты, наверное, уже сто раз пожалел, что послушал меня, – пробормотал Джексон.

– О чем вы?

– Ну, я ведь все время талдычил, мол, всегда есть исключения, а теперь думаю, что и сам плохо усвоил этот урок. Тот еще учитель.

– Любой учитель может ошибаться, – ответил Чарльз, стараясь говорить бодро.

– Ага, только в этом случае и одной ошибки чересчур много. Прости, Чарли. Надеюсь только, что мы не отправимся по Висячей Дороге уже сегодня.

КАЗНЬ ВИРЦА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ДНИ ЖИЗНИ КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ АНДЕРСОНВИЛЛЬ
ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ЕГО АДВОКАТА СМЯГЧИТЬ ПРИГОВОР
СТОЙКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННОГО В СКАФФОЛДЕ

ОН ДО ПОСЛЕДНЕГО ЗАЯВЛЯЛ О СВОЕЙ НЕВИНОВНОСТИ И МУЖЕСТВЕННО
ПРИНЯЛ СВОЮ СУДЬБУ

СТАЛИ ИЗВЕСТНЫ ПОДРОБНОСТИ ПОПЫТКИ ОТРАВИТЬ ЕГО
ПИЛЮЛЮ СО СТРИХНИНОМ ПЕРЕДАЛА ЕГО ЖЕНА

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Ноябрь 1865-го. Пока я спала, нашу туманную осень сменила холодная каролинская зима. Дубы в это утро окутало густой белой мглой, воздух насыщен запахом соленого прилива. Когда вокруг такая красота, я особенно сильно тоскую по тебе.

Как же мне хочется, чтобы реальность была такой же мирной, как вид из окна! Денег мало. У фургона сломалась ось. Пока Энди ее чинит, мы не можем перевозить древесину в Уолтерборо или Чарльстон, а потому и дохода нет. Написала Докинзу, умоляя позволить задержать на несколько недель квартальную плату. Ответа пока нет.

От Бретт из Калифорнии тоже нет вестей. Она должна родить к Рождеству. Молюсь, чтобы роды прошли легко.

Школа будет заново отстроена дней через тридцать или даже раньше. Пруденс пока дает уроки на лужайке возле дома. Еще одна неприятность: Бёрл Отис, отец Дорри, запретил ей приходить. То ли он заодно с поджигателями, то ли боится их, то ли все вместе.

Сама ходила к нему умолять, чтобы он разрешил девочке учиться. Он обругал меня, обозвав черномазой смутьянкой.

В лавке Геттисов уже дважды видели рыжеволосого мужчину. Мне сказали, что это учитель танцев из Чарльстона. Говорят, учеников у него нет, поэтому он на мели, что только усиливает его ожесточение. Но кто, кроме нескольких жуликов, сейчас в Каролине не на мели?

...Геттис, вечный дилетант во всем, теперь вообразил себя журналистом. Вышла его новая, очень плохо отпечатанная маленькая газетка «Белая молния». Я просмотрела несколько заголовков – «Проигранное дело не проиграно», «Белая вдова вышла замуж за чернокожего цирюльника» и так далее, – прежде чем сжечь ее. Злобная газетенка. И вдвойне отвратительная, потому что Геттис утверждает, что представляет демократов. Если он может позволить себе печатать такую дрянь, его лавка, должно быть, приносит немалую прибыль. Кстати, у дороги Бофорт – Чарльстон открылась вторая с таким же названием «Магазин Дикси», и, по слухам, скоро появится третья, уже в самом Чарльстоне. Явно Геттис тут ни при чем. Даже не представляю, кто в Южной Каролине обладает таким капиталом, чтобы строить и содержать их...

Изгнанник ехал из Пенсильвании в Вашингтон, постаревший, но все такой же циничный и уверенный, несмотря на все свои неудачи военного времени.

Саймон Кэмерон, в 1860 году обменявший на съезде республиканцев свои голоса на кабинетную должность, был одним из тех амбициозных рассудочных негодяев, которым незнакомо слово «поражение». Будучи военным министром, он оказался замешан в скандале, связанном с протекционизмом при заключении контрактов. Линкольн поспешил избавиться от него, отправив послом в Россию, а палата представителей осудила бывшего министра за коррупцию. Но к 1863 году он вернулся и попытался занять место сенатора от своего родного штата.

Потерпев неудачу, Кэмерон уехал в Пенсильванию и продолжал воздействовать на политические дела. «Меня никогда не отстранят от федерального правительства навсегда», – писал он своему ученику и денежному источнику Стэнли Хазарду, когда сообщал о нынешнем визите в Вашингтон.

Стэнли пригласил босса, как он по старой привычке называл Кэмерона, в клуб «Конкорс», в который он вошел совсем недавно благодаря дружбе с сенатором Беном Уэйдом и некоторыми высокопоставленными республиканцами. В уютных комнатах второго этажа клуба учитель и ученик устроились в глубоких креслах рядом с мраморным бюстом Сократа. Пожилые чернокожие слуги, вышколенные до подобострастия, ожидали распоряжений. Один только что принял заказ Стэнли и бесшумно вышел. Кэмерон сразу же заговорил о пожертвовании.

Стэнли ожидал этого. В ответ он пообещал дать еще двадцать тысяч долларов. Не обладая никакими талантами, он был вынужден покупать дружбу и успех.

Хотя было лишь половина двенадцатого утра, Стэнли выглядел опухшим и рассеянным.

– Слабость отчего-то, – объяснил он.

На это Кэмерон ничего не ответил, а потом спросил:

– Как вам ваша работа в Бюро по делам освобожденных?

– Отвратительно. Оливер Ховард все никак не может забыть о том, что он военный. Прислушивается только к тем служащим, которые прежде были генералами. Я собираюсь попросить мистера Стэнтонна об отставке. Вот только не знаю, чем заняться, если он согласится.

– Вы думали о политической карьере? – (Стэнли изумленно посмотрел на него.) – Я говорю серьезно, – сказал Кэмерон. – Для палаты представителей вы были бы ценным приобретением.

А, ну конечно. Теперь Стэнли все понял. Кэмерон имел в виду вовсе не его способности. Он мог стать ценным приобретением, потому что делал щедрые вклады и никогда не обсуждал

приказы партийных шишек. И покорность была для него необходима, потому что ни единой собственной идеи по части политического процесса он не имел. Но даже при всех этих не слишком приятных уточнениях предложение босса его обрадовало.

Чернокожий официант принес их заказ. В бокале Стэнли спиртного было в два раза больше, чем у Кэмерона. Воображение Стэнли уже рисовало ему радужные перспективы, но босс вернул его на землю.

– Знаете, мой мальчик, у вас было бы блестящее будущее, если бы не одна помеха.

– Вы, должно быть, о Джордже?

– О нет. Ваш брат совершенно безвреден. Идеалисты всегда безвредны, потому что излишне совестливы. В трудной ситуации угрызения совести мешают человеку и делают его поступки предсказуемыми. – Он пристально посмотрел на Стэнли и очень тихо сказал: – Я имел в виду Изабель.

Стэнли понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать услышанное.

– Моя жена...

– Главная помеха. Мне очень жаль, Стэнли. Никто не станет отрицать того, что Изабель – умная женщина. Но она раздражает людей. Она считает все ваши успехи только своей заслугой, а это, согласитесь, оскорбительно для большинства мужчин. – Кэмерон деликатно не замечал краснеющего лица своего воспитанника; Стэнли прекрасно знал, что босс прав. – Ей недостает такта, – продолжил Кэмерон. – Умный политик скрывает свою неприязнь к противникам, не выставляет ее напоказ. Но хуже всего то, что Изабель больше не пользуется доверием в этом городе. Никто уже не верит ее лести, потому что она не скрывает своего желания пробиться на самый верх и получить власть. – Быстро оглядевшись по сторонам и убедившись, что их никто не слышит, Кэмерон еще больше понизил голос. – Вот если бы вы стали... ну, скажем так, независимы и вдобавок все это произошло бы в результате какого-нибудь скандала, не касающегося лично вас, тогда я почти с полной уверенностью мог бы гарантировать, что в скором времени вас бы выдвинули в кандидаты на место сенатора от вашего округа. А выдвижение означает избрание. Об этом уж мы позаботимся.

Ошеломленный и взволнованный, Стэнли пробормотал:

– Я был бы очень рад, Саймон... Я бы усердно работал... Но ведь мы с Изабель женаты много лет. Я хорошо ее знаю... Она очень добродетельная и честная женщина, невозможно даже подумать о том, чтобы она запятнала себя в какой-нибудь сомнительной истории...

– О, я вам верю! – искренне произнес Кэмерон, думая при этом о лице Изабель, которым бы никто не прельстился. – И все же, мой мальчик, скандал не обязательно подразумевает нечто романтическое. До меня доходили слухи о вашей жене и некоей фабрике в массачусетском Линне.

Старый разбойник... Он отлично знал, что Стэнли вместе с женой во время войны заработали целое состояние на продаже дешевой армейской обуви, однако его язвительный взгляд намекал на то, что правду не обязательно высекать на камне.

Мысль о том, чтобы отплатить Изабель за все насмешки и оскорбления, которыми она его постоянно осыпала, была и новой, и пьянящей. По ее приказу Стэнли бросил свою любовницу, терпел от нее бесчисленные унижения. И вот теперь босс предлагал ему награду за то, что он избавится от нее.

Однако Стэнли вовсе не хотел показывать свою готовность выполнить это условие. Он напустил на себя унылый вид и протяжно вздохнул:

– Мне очень жаль, босс, но я не думаю, что то, о чем вы говорите, когда-нибудь случится. Но если все-таки это вдруг произойдет, я вас немедленно извещу.

– Буду ждать с нетерпением. Надежных и преданных партии людей найти нелегко. В то время как женщин вокруг предостаточно. Подумайте об этом, – негромко закончил он и отпил из бокала.

Когда Кэмерон ушел, Стэнли с трудом сдержал волнение. Босс открыл перед ним некую дверь, куда ему хотелось тут же запрыгнуть. Но как это сделать?

Он отказался от приглашения поужинать с одним приятелем по клубу и поел в одиночестве, запихивая в себя огромное количество еды и запивая ее шампанским. Когда подали десерт – целую четверть черничного пирога со сливочным соусом, – к нему наконец пришло вдохновение. Стэнли придумал верный способ, как нанести Изабель удар в спину, который в конечном счете приведет ее к краху.

В то же самое время это решение могло избавить его от ситуации, которая, несмотря на свою прибыльность, постоянно рождала в нем тревогу, когда он думал о том, что всё рано или поздно откроется. Он мог продолжать копить барыши еще год или два. А потом, тщательно выбрав момент...

– Великолепно! – вслух произнес он, имея в виду вовсе не шампанское и не пирог.

Прежде чем покинуть клуб, он привел план в действие. Он был поражен его простотой и весьма доволен собственной изобретательностью. Наверное, он слишком долго недооценивал себя. Пожалуй, он вовсе не был тем идиотом, каким его считали Джордж, Билли, Вирджилия и Изабель с ее уродливым лицом...

Он отдал пожилому белому служащему, сидевшему за столом у входа в клуб, запечатанную записку:

– Пожалуйста, положите это в его ячейку, чтобы он получил, когда зайдет в следующий раз.

– Это срочно, мистер Хазард?

– О нет-нет, ничуть, – ответил Стэнли, небрежно взмахнув тростью.

Привратник прочитал надпись на конверте, когда Стэнли, насвистывая, уже спускался по лестнице. «Мистеру Дж. Диллсу, эсквайру».

Он положил записку в соответствующую ячейку для писем, подумав при этом, что за последние год-два не видел мистера Стэнли Хазарда таким веселым или таким трезвым в середине дня.

Из «Пальметто банка» пришло короткое письмо. Леверетт Д. сообщил, что совет директоров позволит задержать платеж, но только один раз. При этом обращался он ко мне не как раньше, по имени, а «миссис Мэйн». Уверена, все из-за школы. А ведь близится зима...

Глава 15

Сержант из форта Марси ушел в полночь.

Эштон потрогала смятую постель. Еще теплая. На ее лице проступило сначала отвращение, а потом мучительная тоска. Она села на кровать и обхватила голову руками, чувствуя, как ее охватывает отчаяние.

«Ты просто бесхребетная размазня, – наконец сказала она себе, сжав кулаки. – Хватит уже страдать!»

Это не помогло. С каждым из сегодняшних посетителей – каким-то мексикашкой, начисто лишенным манер дона Альфредо, туповатым возничим из Сент-Луиса, солдатом – она все сильнее чувствовала, что вот-вот взорвется от разочарования и ярости. На дворе стоял ноябрь, но она уже готова была бежать, несмотря на риск умереть голодной смертью где-нибудь по дороге или опасность расправы, которая неминуемо последует от деверя хозяйки, если ее поймают.

Она прорыдала минут десять. Потом задула свечу и обратилась к Тиллету Мэйну, чего не делала с тех пор, как приходила на его могилу давным-давно.

Я так хотела, чтобы ты гордился мной, папа. Это было трудно сделать, ведь я женщина, но я почти добилась успеха с помощью Ламара Пауэлла. Вот только «почти» не считается. Прости меня, мне правда очень жаль, что так получилось.

Она снова заплакала. А потом почувствовала волну жгучей ненависти – к себе, к этому грязному месту и ко всему на свете.

Это было во вторник. В пятницу в заведение пришел какой-то мужчина и снял ее на всю ночь.

Очень и очень старый. Похоже, она скатилась на самое дно.

– Закрой чертово окно, девочка! В это время года развалины вроде меня все время мерзнут. – Он поставил на пол потертый чемоданчик с медными углами. – Очень надеюсь, что у тебя-то кровь точно горячая. Хочу прижаться к тебе покрепче и провести приятную ночь.

Боже, что за мерзкий тип! – подумала Эштон. Ему же лет шестьдесят, не меньше. Кроткие голубые глазки, длинные седые волосы, торчащие в разные стороны. Единственное утешение, что он выглядел хотя бы чистым.

Старик сбросил поношенный сюртук, спустил с плеч подтяжки, снял штаны и ботинки. Потом открыл чемоданчик. Сверху лежала пачка одинаковых печатных листов с изображением какой-то толстухи, сидевшей за роялем. Порывшись в бумажках и ворохе несвежего белья, старик извлек бутылку виски.

– Это для моего проклятого ревматизма. – Когда он сел на кровать, его колени хрустнули. – Я слишком стар для таких путешествий. – Он глотнул из бутылки.

– Как тебя зовут, милый? – спросила Эштон, изобразив лучшую из своих профессиональных улыбок.

– Уиллард П. Фенуэй. Но ты зови просто Уилл.

Эштон снова обольстительно улыбнулась:

– Чудесно... Ну что, Уилл, ты сгораешь от желания?

– Нет, я и не собирался заниматься с тобой любовью. Я нанял тебя только для того, чтобы поболтать по-человечески, погреться и спокойно выспаться. – Он всмотрелся в нее мимо бутылки, которую снова поднес к губам. – Хотя ты, конечно, потрясающая девушка. И это желтое платье на тебе тоже потрясающее.

– Уилл, ты правда хочешь сказать, что не собирался...

– Трахаться? Нет. И нечего краснеть тут, это хорошее, откровенное слово. Те, кто слишком громко возмущаются, когда слышат неприличные слова, сами говорят и похуже, только втайне. – Он потянулся, снова сделал глоток и с удовольствием уставился на ее декольте. – Ну а тебя как зовут, красотка?

Даже самой себе Эштон не смогла бы объяснить, почему она не солгала ему.

– Эштон. Эштон Мэйн.

– Южанка, стало быть?

– Да, только не спрашивай, как я оказалась в подобном месте. Этот вопрос я слышу по двадцать раз за неделю.

– Ты так много трахаешься? Черт! Как прекрасна молодость! Я так давно этим занимался, что почти уже и забыл подробности.

Эштон искренне расхохоталась. Ей уже нравился этот старый чудак. Может быть, именно поэтому она решила открыть ему правду.

– Тебе, так и быть, расскажу, – сказала она, садясь рядом. – Я внезапно овдовела здесь, в Санта-Фе. И эта чертова дыра оказалась единственным местом, где я смогла найти работу.

– Но ты ведь не собираешься остаться здесь навечно?

– Нет, сэр. – Эштон посмотрела на чемоданчик. – А ты вроде как торговец?

– Коммивояжер. Таким, как я, сейчас несладко, время трудное. Там у меня в кармане сюртука визитные карточки. Уиллард П. Фенуэй, представитель на западных территориях, «Рояли Хохштайна», Чикаго.

– Теперь понятно, что означают те картинки с толстой дамой. Что ж, ты продаешь прекрасные инструменты. Я видела рояли от Хохштайна в самых богатых домах Южной Каролины. Там я выросла. Слушай, ты не против, если я подготовлюсь ко сну? – (Он лишь поторопил ее сделать это как можно скорее.) – Хочешь, чтобы я легла в рубашке или нагишом?

– Нагишом, если не возражаешь. Так мне будет теплее.

Эштон стала раздеваться, радуясь непонятно чему.

– Хочу кое-что уточнить. – Фенуэй взмахнул опустевшей бутылкой. – Я не продаю рояли, а пытаюсь их продавать. За эту поездку сумел пристроить только один – модель «Артист», та, что на листовках. Купил торговец скотом из Эль-Пасо, жуткий тупица. Для своей жены, так она даже нот не знает, просто хотят пустить пыль в глаза. Это, пожалуй, единственный инструмент, который я продал за несколько месяцев. Хозяин выделил мне эти проклятые земли к западу от Миссисипи, а значит, мои потенциальные покупатели не кто иные, как шулера, разорившиеся золотоискатели, пьянчуги-солдаты, краснокожие, нищие фермеры, мексикашки, шлюхи – только без обид, ладно? – и случайно подвернувшаяся жена слабоумного ковбоя. Слушай, когда ты наконец ляжешь? Я замерз.

Эштон задула лампу и прыгнула к нему под одеяло. Впрочем, каким бы старым и костлявым он ни был, его тело оказалось крепким, а рука, обнявшая ее за плечи, – неожиданно сильной. Видимо, частые разъезды закаляют, решила Эштон. Кожа Уилла приятно пахла маслом грушанки.

– Ты наверняка мог бы продать рояль здесь, – сказала Эштон. – Ну, может, не рояль, но спинет точно. Посетители вечно требуют музыку.

– Только не от Хохштайна.

– Почему?

– Старик Хохштайн ужасно религиозен. Суров как грех на людях, особенно рядом с этой старой ослицей, своей женой. А самого каждую неделю новая потаскушка ублажает. Но это его единственные отношения с дамами твоего ремесла. Уж ты мне поверь: если бы можно было, я бы пристроил его рояли в половину публичных домов Иллинойса и спокойно ушел на покой.

– Такой большой рынок?

– Работай я в Индиане или Айове, я бы жил как какой-нибудь граф или герцог. Но Хохштайн не желает иметь дел с публичными домами. Эй, куда ты?

– Хочу зажечь свет. Нам надо кое-что обсудить.

Она чиркнула спичкой, и огонек лампы осветил комнату. Эштон схватила свой голубой шелковый халат, расшитый павлинами, подарок сеньоры. Раньше халат принадлежал девушке, которую хозяйка выгнала.

Фенуэй стал жаловаться на холод. Эштон подоткнула ему под подбородок старое одеяло, приглушив звук, и снова села.

– Уиллард...

– Уилл, черт побери, Уилл! Ненавижу имя Уиллард.

– Прости, Уилл. Ты только что подал прекрасную идею, сам того не заметив. Неужели тебе не хочется дать пинка под зад этому старому мистеру Хохштайну? И самому заработать кучу денег на выгодной сделке?

– Еще как хочется, можешь не сомневаться. Я уже двадцать два года на него ишачу, как раб. Но...

– А ты готов ради этого немного рискнуть?

Уилл немного подумал:

– Наверное, да. Зависит от того, насколько велик риск и каково вознаграждение.

– Ну, ты ведь сам сказал, что мог бы жить как аристократ, продавая пианино в бордели трех штатов. А если продавать их по всему Западу?

Фенуэя словно дубинкой по голове ударили.

– Бог мой, девочка... – с трудом прохрипел он. – Да это же Эльдorado!

Эштон хлопнула в ладоши:

– Так и знала, Уилл, что мы станем партнерами!

– Партнерами? Да я здесь и десяти минут не провел...

– Да, верно, и все-таки мы партнеры, – заявила Эштон, энергично кивая. – Мы открываем свой бизнес. Ты и правда знаешь, как делают пианино?

– Конечно. Я бы никогда не нанялся продавать то, в чем ничего не смыслю. Но где, скажи на милость, два фортепьянщика смогли бы найти сорок или пятьдесят тысяч долларов, чтобы начать дело? А?

– Мы их найдем в Вирджиния-Сити. Как только ты pomoжешь мне сбежать из этого гадючника.

Эштон наклонилась к нему, и грудь одного из вышитых павлинов на халате выпятилась под напором ее пышного бюста. Она первый раз ощутила дыхание Фенуэя. От него не воняло, как от большинства клиентов. Старик жевал гвоздику, чтобы освежить дыхание, и это еще больше покорило Эштон.

– Видишь ли, Уилл, у моего покойного мужа была кое-какая собственность в Вирджиния-Сити. Рудник. Теперь он принадлежит мне. Нам только нужно добраться туда, вот и все.

– Ну, это проще простого, – ответил Уилл. – Не так уж и далеко. Но я хотел бы уточнить: все это действительно правда?

– Действительно. О, постой-ка... Ты связан какими-то обязательствами?

– Ты имеешь в виду жену? Нет. Я выгнал трех, или они выгнали меня, точно не помню.

Он усмехнулся. Снизу раздался треск сломанной мебели, потом Эштон услышала визг виновного. Луис. Фенуэй не понял, почему в ее глазах на мгновение сверкнула злоба.

– Вы мне правду говорите, мисс Эштон? Ваш муж владел рудником в Неваде?

– «Мексиканский рудник».

– Ну, бывал я там. Знаю этот рудник. Большой.

– Я не стану тебя обманывать, Уилл. Документов, доказывающих мое право на владение рудником, у меня нет, а брачное свидетельство, в котором говорится, что я миссис Ламар Пауэлл, осталось в Ричмонде.

– Нам бы только добраться до Фриско, а там я знаю одного джентльмена, который сделает тебе новое. – Эштон заметила, как вспыхнули его глаза, он явно клюнул на приманку. – Но этого документа может оказаться недостаточно.

Эштон положила ладонь на вздвухнувшегося павлина:

– О, поверь мне, я знаю способы, как убедить любого, кто начнет сомневаться...

Фенуэй порозовел:

– Красиво говоришь... Может, ты и чокнутая, но мне это нравится.

– А теперь серьезно, Уилл. Самое трудное – выбраться отсюда и из Санта-Фе. Хозяйка, женщина, которой ты заплатил, – настоящая дрянь. А Луис, ее деверь, и того хуже. У тебя есть лошадь?

– Нет, я путешествую дилижансами.

– Может, ты смог бы купить пару лошадей в форте Марси?

– Да. Пожалуй, на это денег у меня хватит.

– А оружие у тебя есть?

Фенуэй мгновенно побледнел:

– То есть предполагается стрельба?

– Не могу сказать. Возможно. Нам понадобятся решимость, лошади и заряженное оружие – просто на всякий случай.

– Ну... – Рука с набухшими венами махнула в сторону чемоданчика. – Есть кое-что под теми рекламными картинками. «Пеппербокс» Аллена. Старый, ему уже лет двадцать пять, но у путешественников он популярен. – Уилл откашлялся. – Только вот мой больше для виду. Зарядов нет.

– Тогда тебе придется купить немного.

Пока Фенуэй это обдумывал, скандал внизу возобновился. Громкий треск заставлял предположить, что кто-то сломал некий предмет обстановки о чью-то голову. Губы Эштон скривились, когда она услышала донесшийся снизу рев Луиса:

– Vete, hijo de la chingada. ¿Gonsalvo, y dónde está el cuchillo? ¡Te voy a cortar los huevos!¹⁶

Пронзительный вопль и громкий топот дали знать, что потенциальная жертва отступила. Фенуэй вытаращил глаза:

– Это ее деверь?

– Не обращай внимания. Мы с ним разберемся... если зарядим пистолет.

– Но я мирный человек! Я не умею обращаться с заряженным оружием!

Сладкая улыбка Эштон отвлекла его от ее злых глаз.

– Ничего, я умею. – Она погладила Фенуэя по щеке, заросшей седой щетиной. – Так что теперь, мой хороший, решать тебе. Думай сам, что выбрать – таскаться и дальше по западной глуши в безопасности и нищете или немного рискнуть и, кто знает, может, сказочно разбогатеть и больше никогда не работать.

Фенуэй покусал нижнюю губу. Из кантины доносился зычный голос Луиса, – похоже, тот праздновал победу над своим недавним противником. Фенуэй задумчиво посмотрел на Эштон. Да, это была та еще штучка! Таких он еще не встречал.

Он не тешил себя иллюзиями насчет девушки, которая сейчас, нежно воркуя, явно заигрывала с ним. Да и она, похоже, не притворялась и показала себя перед ним такой, какой была на самом деле. Черт, да она просто написала это на себе большими буквами и заставила бы

¹⁶ Убирайся, сукин сын! Гонсальво, где нож? Я сейчас тебе твои чертовы яйца отрежу! (исп.)

любого, кому это не понравится, целовать себе ноги! Определенно эта сладкоголосая волчица уже начинала ему нравиться.

Эштон чмокнула его в губы. Он почувствовал на лице ее горячее, волнующее дыхание, потом она потерела его ухо нежными пальчиками и, чуть коснувшись кончиком языка, прошептала:

– Ну же, Уилл, скажи мне... Нищета или пианино?

При мысли о ее декольте, а также о возможном богатстве или о своей впустую потраченной жизни сердце Фенуэя дрогнуло, и он решительно произнес:

– Да какого черта... Давай попробуем. Все, мы партнеры.

Через два дня, с началом ранних зимних дождей, налетевших на Санта-Фе, Уилл Фенуэй вернулся со своим чемоданчиком, точно так же как и в прошлый раз, когда они с Эштон придумывали свой план. Слегка задышавшись, он закрыл за собой дверь и прислонился к ней, слушая, как дождь барабанит в ставни. Эштон выхватила из его рук чемоданчик и, положив на кровать, открыла:

– Ты заплатил за всю ночь?

– Нет. Не смог себе этого позволить.

– Уилл! – недовольно воскликнула Эштон с досадой и волнением.

– Послушай, я уже начинаю думать, что это чертовски глупая идея! Я потратил все до последнего цента на пули, порох и двух кляч, а теперь сеньора с ее мерзким родственником играют внизу в карты, и, кроме них, там ни души из-за ливня. Они услышат каждый шорох!

– Подождем, пока они не уйдут.

Эштон достала из пустого чемоданчика пистолет, проверила, заряжен ли он, потом бросила туда же кое-что из своей скромной одежды, просто на всякий случай. Плаща у нее не было, значит придется мокнуть. В груди у нее все сжималось, но она старалась быть спокойной и собранной.

– Сколько у нас времени? – спросила она, положив в чемодан свою шкатулку.

– Я смог заплатить только за час.

– Должно хватить. Спустимся по черной лестнице и выйдем через кладовую. Ты все сделал, как...

– Да. Все сделал, – ответил Фенуэй, от страха впадая в раздражительность. – Лошади в маленьком сарае за домом. Но...

– Никаких «но». – Она начала нежно поглаживать его липкий от пота лоб кончиками пальцев. – Сядь, Уилл. Давай ты спокойно посидишь, и мы подождем, пока внизу не станет более шумно. Луис всегда шумит, когда напивается. Все будет хорошо, поверь мне.

Фенуэй достал из кармана старого сюртука серебряные часы, со щелчком откинул крышку и положил их на кровать. Они стали смотреть на черные стрелки. Было десять минут десятого. Потом большая стрелка перепрыгнула на одно деление. Прошла минута.

Эштон стояла за спиной Фенуэя, опытными движениями массируя его шею и плечи.

– А теперь просто перестань волноваться. Мы отлично справимся. Таких умных партнеров никому не остановить.

Кроме разве что Луиса, который так громко наливал себе очередную порцию спиртного, что им было слышно, как звякает бутылка о край стакана.

Времени оставалось все меньше, а удача, похоже, вовсе не собиралась поворачиваться к ним лицом. Луис вдруг запел громким хриплым баритоном.

– No me fastidies!¹⁷ – крикнула ему сеньора Васкес-Рейли.

¹⁷ Не позорься! (исп.)

Но он продолжал. Через пять минут, а было уже без девяти минут десять, сеньора должна была подняться по лестнице и выгнать Уилла. Ливень за окном еще больше усилился, сотрясая небо раскатами грома.

– Мы должны это сделать, Уилл... прямо сейчас!

Эштон завязала под подбородком концы кружевной мантильи – тонкая накидка лишь слегка прикрывала голову, но это было лучше, чем ничего. Сунув в руку Фенуэя закрытый чемоданчик, она взяла заряженный пистолет, отперла дверь и опасно выглянула в темный вонючий коридор, освещенный единственным огарком свечи в оловянной плошке.

Коридор, тянувшийся до самой лестницы, был пуст. Эштон медленно двинулась вперед, ее свистящее дыхание отчетливо слышалось в тишине.

– Ступай осторожнее! – прошептала она, наклонившись к самому уху Фенуэя. – Здесь несколько досок ужасно скрипят, если на них сильно нажать.

Почти на цыпочках они прокрались вдоль коридора мимо первой закрытой двери. Изнутри доносился храп. За дверью второй комнаты, где жила Роза, было тихо.

На лестнице Эштон рискнула пойти быстрее. Но Фенуэй, шедший за ней, вдруг ненароком всей своей тяжестью наступил на одну из ступенек, и та пискнула, как кошка, которой прищемили хвост.

Дождь как раз немного утих, поэтому звук прозвучал довольно громко, и удача снова отвернулась от них.

Дверь комнаты Розы распахнулась. Девушка вышла в коридор нагишом, держа халат в руках. Поскольку шум раздался со стороны лестницы, она посмотрела налево – и увидела беглецов.

Ее визг, вероятно, слышали даже в форте Марси.

– ¡Señora! ¡Señora! ¡La puta Brett, se huye!

– Чтоб ей! – вскрикнула Эштон, хватая Фенуэя за лацкан сюртука. – Бегом, милый!

Она помчалась вниз, перепрыгивая через ступеньку, рискуя свернуть себе шею, если бы вдруг споткнулась.

Поскольку их побег уже был раскрыт, они больше не таились и со всех ног бросились к кладовой. Однако Роза продолжала завывать, и в то мгновение, когда Эштон пробиралась между грудami разбитых ящиков, к воплям сверху присоединился голос сеньоры, требовавшей, чтобы Луис поспешил.

Дверь кантины распахнулась. Янтарный прямоугольник света упал на пол, и беглецы у задней двери стали отчетливо видны.

Луис бросился к ним. Эштон выстрелила.

Сквозь дым она увидела, как Луис наклонился вбок, а потом – как сеньора в кантине вытерла кровь со щеки. Ее задело щепками, отлетевшими от дверного косяка, а Луис просто отпрянул в сторону, уворачиваясь от выстрела.

– Скорей, Уилл! – закричала Эштон, широко распахивая заднюю дверь и выскакивая прямо под дождь на раскисшую дорогу.

Фенуэй, задыхаясь, вышел следом за ней и, случайно толкнув ее, сильно ударил по ноге своим чемоданом. Эштон пошатнулась и чуть не упала. Уилл подхватил ее под локоть и развернул в нужную сторону.

– Тут рядом, вон в том сарае... – сказал он. – Все, пришли...

Эштон почувствовала конский запах; лошади испуганно всхрапывали и переступали копытами. В проеме двери, откуда они только что вышли, появился Луис, изрыгавший проклятия. Он бросился за беглецами, но поскользнулся в жидкой грязи и упал, истошно завопив, из чего Эштон заключила, что он или что-то сломал, или сильно ушибся.

Растянувшись на боку, он пытался левой рукой дотянуться до беглецов. В слабом свете было видно его измазанное грязью взбешенное лицо.

- Levántate, Luis! – визжала сеньора от двери. – Maldita seasa! Levántate y sígelos.
- No puedo, puta, me pasa a la piern¹⁸.
- Забирайся в седло, Бога ради! – взмолился Фенуэй.

Он уже сидел на лошади, судорожно вцепившись в ручку чемодана. Казалось, прошла вечность за те несколько секунд, пока Эштон, обернувшись, смотрела на живописную картину во дворе кантины: на сеньору, стоявшую в дверях и требующую, чтобы ее деверь поднялся, и лежавшего в грязи Луиса, который в бессильной злобе тянул к ним руку.

За эти бесконечные мгновения в голове Эштон пронесся целый поток ругательств, оскорблений и проклятий в ее адрес. Они оба, и сеньора, и Луис, были ее обидчиками, но Луис оказался ближе. Эштон шагнула к нему, хладнокровно прицелилась и пустила пулю ему в голову.

Они проскакали через пустынную центральную площадь, залитую дождем. Эштон мчалась впереди. Она подвернула юбку и сидела в седле по-мужски, низко пригнувшись и внимательно глядя перед собой.

– Зачем ты убила того человека? – прокричал Фенуэй сзади. – Он уже ничего не мог нам сделать.

– Луис меня оскорблял. Я его ненавидела! – крикнула ему Эштон через плечо.

Прямо перед ней на дорогу вышли двое солдат из форта, их прорезиненные плащи блестели при вспышках молний. В последнюю секунду один из них резко толкнул другого, чтобы тот не угодил под копыта, и они оба упали на землю.

На лице Фенуэя отразилась глубокая тревога. Он, конечно, и раньше понимал, что у этой маленькой южаночки каменное сердце, но даже вообразить не мог, что она способна невозмутимо выстрелить в беспомощного человека. С кем же он связался? Чувствуя себя почти больным от волнения и бешеной скачки, он уже не радовался той свободе, которую мог дать их побег. Наоборот, у него возникло неприятное ощущение, что он угодил в ловушку.

Хотя дорогу освещали лишь редкие вспышки молний, Эштон, с детства привыкшая к верховой езде, скакала легко, наклонившись к шее лошади. Она мчалась так, словно за ней гнались все черты ада, и ничто не могло ее остановить; ее спутник тащился следом, взятый в плен невероятной силой ее воли. Он услышал, как она крикнула:

– Мы это сделаем, милый! Мы уйдем от этих грязных мексикашек! Не останавливайся!

Фенуэй подумал, что и вправду мог бы уйти от любой погони, когда лошадь несла его по скользкой дороге и он подпрыгивал в седле, как пробка на бурных волнах, только вот уйти от Эштон ему вряд ли удастся. Было слишком поздно – она поймала его на крючок.

И она совершила убийство.

С его помощью.

Начальник военной полиции округа и комендант гарнизона форта Марси допрашивали сеньору Васкес-Рейли, которая заявила им:

– Конечно, я могу сказать, кто убил моего дорогого невинного деверя. И опишу вам ее во всех подробностях. Только я всегда сомневалась, что она назвалась своим настоящим именем. Так что поймаете вы ее или нет, от вас зависит.

¹⁸ – Вставай, Луис! Ну же, вставай, черт тебя подери! Хватай их!– Я не могу, мать твою, у меня нога сломана! (исп.)

Глава 16

В Ричмонде молодой доктор обходил палаты «Пристанища» в сопровождении старшей медсестры миссис Пембер. Доктор был здесь новичком, из добровольцев, как и все остальные, кто заботился об этом печальном скопище человеческих отбросов.

Кто-то из пациентов бросал на него отсутствующие взгляды, но большинство просто не обращало внимания. Один скорчился на полу рядом со своей койкой и сосредоточенно исследовал кончиками пальцев некую невидимую стену перед собой. Другой живо беседовал с заметными только ему слушателями. Третий сидел, сложив руки крест-накрест и подоткнув их под себя, словно был в смиренной рубашке, и беззвучно плакал.

Доктор диктовал медсестре свои замечания, переходя от койки к койке. Рядом с кроватью в конце ряда на упаковочном ящике у открытого окна сидел пациент. Над выгоревшей частью города до сих пор продолжал подниматься легкий дым, заслоняя лучи осеннего солнца.

Мужчина на ящике не отрываясь смотрел в окно на юго-восток, в сторону памятников городского еврейского кладбища, отделенного от остального кладбища в Шоко. На лице больного было написано отвращение.

– Его нашли без сознания перед зданием легислатуры, – понизив голос, сказала миссис Пембер, – уже несколько недель назад.

Доктор, бледный и уставший после продолжительного обхода, всмотрелся в мужчину со смешанным чувством неприязни и печали. Возможно, когда-то этот высокий человек был даже физически крепким, но теперь казался сморщенной развалиной. Судя по обвисшей коже, можно было предположить его чрезмерную полноту в прошлом, однако нужда и голод согнали с него почти весь жир, и о его бывшей тучности напоминал лишь довольно большой живот.

Левое плечо пациента было заметно ниже правого. Он был бос, под старым и не очень чистым бархатным халатом, пожертвованным приюту кем-то из горожан, виднелась больничная рубаха из грубой холстины, на голове у него красовался изрядно поношенный цилиндр. Повернув голову, он посмотрел на доктора и миссис Памбер.

– Жалуетесь на постоянную боль, – так же тихо сообщила медсестра.

– Похоже, так оно и есть. Что о нем известно?

– Только то, что он сам сказал. Иногда он говорит о том, что упал с высокого утеса в реку Джеймс. А потом снова утверждает, что его сбросила лошадь у Файв-Форкс, когда янки прорвали линии генерала Эппы Хантона. Говорит, будто был в подкреплении генерала Лонг-стрита, посланном из Ричмонда слишком поздно, чтобы спасти...

– Я знаю, как был сдан Ричмонд, – перебил ее доктор. – У него есть какие-нибудь документы?

– Сэр, мало у кого остались документы, после того как правительство все сожгло и сбегало.

Доктор пожал плечами, признавая ее правоту.

– Ну, сэр, – сказал он, подходя к пациенту, – как мы себя сегодня чувствуем?

– Капитан. Надо говорить: капитан.

– Что – капитан?

Последовала долгая пауза.

– Я не помню.

Миссис Пембер шагнула вперед:

– На прошлой неделе он назвался Эразмом Беллингхемом. А перед тем говорил, что его зовут Эзра Дейтон.

Пациент уставился на нее странными желтовато-кариими глазами, в которых просвечивала злоба.

– Пожалуйста, расскажите мне, как вы себя чувствуете сегодня, сэр, – попросил доктор.
– Хочу уйти отсюда.

– В свое время. Будьте так любезны, потрудитесь хотя бы ради миссис Пембер снимать эту грязную шляпу, находясь в помещении.

Доктор потянулся к цилиндру, медсестра предостерегающе вскрикнула, но было поздно – пациент мгновенно вскочил с ящика, схватил его и с бешеной силой швырнул во врача.

Ящик пролетел над головой доктора и с грохотом упал в проход между койками. Пациент прыгнул вперед. Доктор отскочил и закричал, зовя санитаров. На помощь быстро прибежали двое крепких деревенских парней в грязных халатах, схватили дебошира и уложили на койку, чтобы привязать к ней. Но даже несмотря на то, что молодость и сила были на их стороне, кулаки больного успели добраться до них. Одного он ударил так сильно, что у того на ухе выступила кровь.

Наконец пациента привязали за ноги и за руки к железным прутьям кровати. Потрясенный врач наблюдал, стоя поодаль.

– Этот человек безумен! – воскликнул он.

– Все другие доктора согласились бы с вами, сэр. Это определенно самый тяжелый случай в «Пристанище».

– Он буйный... – Врач содрогнулся. – Подобный человек никогда не поправится.

– Да, очень жаль, что война так их искалечила.

– Эти палаты слишком переполнены для жалости, миссис Пембер, – раздраженно сказал врач, возмущенный нападением. – Когда он немного успокоится, дайте ему побольше лаундаума и слабительного. А потом выставьте на улицу. Освободите место для того, кому мы в состоянии помочь.

Пожар, охвативший Ричмонд в ночь третьего апреля, когда бежали высшие чины конфедеративного правительства, пронесся от площади Капитолия до реки, уничтожив весь деловой центр города – банки, магазины, склады, типографии – всего около тысячи зданий в двадцати кварталах. Даже от огромной территории мельницы Гальего остались одни полуразрушенные стены; железнодорожный мост над Джеймсом также был разрушен.

Не многие из тех, что проходили через выгоревшую зону в последующие месяцы, могли забыть эту картину. Ты словно попадал на какую-то далекую загадочную планету, одновременно чужую и маняще знакомую. Груды кирпичей и битого известнякового камня были ее холмами, черные бревна – обгорелыми костями огромных неведомых животных, а остатки стен – надгробиями инопланетной расы.

Через два дня после истории в «Пристанище» тот самый пациент брел среди руин мельницы Гальего, между мельничным колесом и каналом Канаха. Ему дали самую истрепанную из поношенной одежды и выставили вон. Следовало бы отплатить тем, кто это сделал, но сейчас его внимание занимала более важная цель.

В этот вечер он наслаждался ясностью ума. Он подробно вспомнил свои фантазии об участии в большом параде. И он также вспомнил имена тех, кто помешал ему занять достойное место в военной истории страны.

Орри Мэйн и Джордж Хазард.

Боже, сколько же зла причинила ему эта парочка! Еще с тех пор, как все они были кадетами Вест-Пойнта, Хазард и Мэйн регулярно строили козни, чтобы навредить ему. Год за годом то один, то другой вмешивались в его карьеру. Это они были виноваты в том, что неудачи преследовали его без конца.

Они подмочили его репутацию во время Мексиканской войны, обвинили его в трусости в сражении при Шайло, добились его перевода в Новый Орлеан и вынудили бежать в Вашингтон,

устроили так, чтобы его выгнали из тайной полиции Лафайета Бейкера и, наконец, заставили его перебежать к южанам, которых он всегда презирал.

Во всех бедах, которые с ним случились, он винил Мэйна и Хазарда, их мстительные натуры, их тайные заговоры и клевету, погубившие его.

Еще до того, как очнуться в «Пристанище», хотя он не мог бы сказать, как давно это было, он расспрашивал о Мэйне в Ричмонде. Какой-то ветеран вспомнил полковника Орри Мэйна, погибшего под Питерсбергом. Другой его враг, Хазард, скорее всего, был еще жив. И очень важно, что оба имели семью. Он вспомнил, как пытался извести одного из Мэйнов тогда в Техасе, еще до войны. Чарльз... ну да, так его звали. Наверняка есть и много других родственников...

Он постарался временно выбросить планы мести из головы и сосредоточился на развалинах мельницы Гальего. После часа поисков он наконец нашел место, которое показалось ему тем самым, и, опустившись на колени, стал руками раскапывать щебенку под шум быстро бегущей воды. Вода лилась через огромное мельничное колесо, которое давно уже не вращалось. Как и почти всё на Юге, оно было сломано.

Острые обломки кирпичей царапали пальцы. Вскоре его руки покрылись пылью и кровавыми порезами. Но он нашел то, что спрятал. Память не совсем покинула его.

Сжимая свернутую в трубку картину, он вышел в прямоугольник лунного света, падавшего через пустой проем высокого окна в шероховатой кирпичной стене, и смахнул пыль со своего сокровища. Когда он отряхивал картину, его лоб вдруг пронзила чудовищная боль и начала ввинчиваться внутрь. Он увидел перед глазами крошечные слепящие огоньки...

И вспомнил свое имя.

Он произнес его вслух. За уцелевшим углом здания двое негров, сидевших на корточках у костра, вздрогнули и повернулись в его сторону. Один встал и крадучись пошел узнать, откуда шум, но, когда увидел лицо человека в лунном свете, торопливо вернулся обратно.

А человек тем временем повторил, уже громче и увереннее:

– *Елкана Бент.*

Вдоль призрачных стен плыл легкий горький дым. Дым душил его, не давал дышать. Он закашлялся, пытаясь вспомнить, чье лицо изображено на портрете... *Вот, сейчас он точно вспомнит.*

Да. Шлюха-квартиронка.

Но где он взял этот портрет?

Да. В борделе Нового Орлеана.

Новые воспоминания потянули за собой еще одно, даже более важное, – о цели его жизни. Он снова обрел ее, забытую на время пребывания в «Пристанище».

Этой целью была война.

Другая война – за то, чтобы освободить мерзких нигтеров и поставить их вровень с превосходящими их во всем белыми людьми, закончилась, и закончилась поражением. А вот его личная война – нет. Он пока не начал мобилизовывать силы, а именно свою непревзойденную хитрость и могучий ум, чтобы начать войну против семей...

Семей...

Мэйна.

И Хазарда.

Начать войну и заставить их страдать, убивая их близких – старых, молодых, все равно – одного за другим. Прекрасная, неторопливая кампания до полного уничтожения, которую поведет американский Бонапарт.

– Бонапарт! – выкрикнул он, обращаясь к луне и дыму. – И его лучшая битва!

Негры бросили свой костерок и быстро растаяли в темноте.

Он похлопал по цилиндру, покрепче пристраивая его на голове, и как мог расправил плечи. Выданный ему в приюте сюртук блестел от старости и грязи. С безупречной военной выправкой он повернулся кругом и чеканным шагом пошел вперед, как человек, который никогда не болел. Потом свернул за острый край другой разрушенной стены и на какое-то время скрылся из глаз.

Глава 17

Торговая компания Джексона ехала к деревне Черного Котла в окружении Шрама и его воинов. Оружие у них забрали. Чарльз сначала отказался его отдавать, но, когда Деревянная Нога убедил его, что это для их же блага, согласился.

– Чарли, не давай им повода убить нас, – сказал Джексон.

Стало темнеть. Ветер усилился, швыряя острые снежинки в лицо Чарльза. Он вдруг понял, из чего сделана бахрома на рубаше Шрама.

– Мне следовало сразу догадаться. Я ведь видел скальпы в Техасе. Это волосы, – сказал он Джексону.

– Верно. Люди-Собаки могут носить такое украшение, если у них на счету достаточное количество убитых врагов.

– Но там есть и светлые волосы, а индейцев-блондинов не бывает.

– Я уже говорил тебе, Чарли, на этот раз мы вляпались по полной.

Джексон снова с тревогой посмотрел на Фенимора. Таща волокушу, пес непрерывно лаял. Двое индейцев, скакавших рядом, подняли копья.

– Не делайте этого! – закричал Джексон, наливаясь кровью; воины засмеялись и повернули в сторону, довольные его реакцией.

Шайенны продолжали забавляться со своими пленниками – то один, то другой подъезжал ближе, хлопал их рукой или касался древком копья. Шрам подскакал к выючным мулам и копьем вспорол еще один холщовый мешок. На заснеженную землю посыпался треугольный бисер.

Чарльз вскинул руку, но Джексон схватил его за запястье:

– Наши скальпы дороже любых товаров. Мы должны просто потерпеть, пока не найдем способ сбежать.

Сначала они увидели, как восемь мальчишек в накидках из бизоньей шкуры тренируются в стрельбе из лука. За следующим холмом другие молодые индейцы охраняли табун примерно в сотню небольших лошадей. Пологий склон вел к Симаррону, где вдоль заснеженного берега стояли типи. Ветер доносил запах древесного дыма.

– Что бы они ни делали, держись спокойно, – тихо сказал Джексон. – И помалкивай. Если я вдруг подам сигнал, не медли.

Чарльз кивнул, хотя и не очень понял, что имел в виду торговец.

Их появление в деревне вызвало большой шум. Старики, матери с младенцами в люльках за спиной, девушки, дети, собаки хлынули из типи и столпились вокруг, громко переговариваясь и показывая на пленников пальцем – совсем не враждебно, как показалось Чарльзу. Враждебным выглядел только Шрам. Он спрыгнул с лошади и жестом приказал пленникам сделать то же самое.

Спешившись, Чарльз заметил бизоньи шкуры – одни были прибиты к земле колышками, другие натянуты на вертикальные рамы, но из-за плохой погоды работы на улице приостановились.

Когда он озибался по сторонам, его взгляд внезапно наткнулся на большие глаза одной из девушек в толпе, которая смотрела на него с жадным любопытством. У нее были правильные, даже изящные черты лица и блестящие черные волосы. Он решил, что ей лет пятнадцать, и хотел уже отвести взгляд, но девушка вдруг быстро улыбнулась ему, словно хотела показать, что не все в деревне его враги.

Воины Шрама обступили их со всех сторон.

– Мокетавото! – закричал Джексон, отчаянно жестикулируя. – Я буду говорить с ним!

– Я тебе уже сказал: Черного Котла здесь нет, – ответил ему Шрам. – Здесь нет мирных вождей, чтобы тебе помочь, есть только вожди войны. Забирайте их товар! – велел он своим воинам.

Один из индейцев, в мундире солдата кавалерии, начал взрезать седельные сумки Чарльза. Чарльз рванулся вперед, чтобы помешать ему. Джексон закричал, пытаясь его остановить, и тут же кто-то ударил Чарльза по затылку прикладом винтовки, сбив с него шляпу. Второй удар заставил его упасть на колени. В толпе раздались восклицания. Фенимор зарычал. Шрам пнул пса, тот завизжал и щелкнул зубами.

Люди-Собаки окружили мулов. Они резали и разрывали мешки с железными скребками, лопатами, оловянными котелками. Толпа придвинулась ближе. Шрам, явно довольный собой, приказал воинам раздать товары.

Женщины и дети протискивались вперед и громко требовали дать им то или это. Наконец успокоившись, Чарльз заметил, что та девушка была одной из немногих, кто держался в стороне. Деревянная Нога оглядывался вокруг с таким видом, словно никогда прежде не бывал в деревне шайеннов.

– Эти белые – демоны, которые хотели навредить нам! – внезапно крикнул Шрам. – Их вещи и их жизни принадлежат нам!

Его воины согласно загудели.

– Шрам, это несправедливо! – воскликнул Джексон. – Народ шайеннов так не поступает.

Шрам расправил плечи:

– Зато я так поступаю.

– Тогда ты просто маленький говнюк, – заявил Деревянная Нога достаточно громко, чтобы его слышали.

Шрам тоже услышал. И махнул рукой:

– Убить их!

Желудок Чарльза как будто подпрыгнул вверх на полмили. Джексон бросил на него значительный взгляд, схватил Малыша за руку и, пригнувшись, ринулся вперед. Его неожиданное движение застало всех врасплох, позволив ему проскочить между двумя воинами из клана Людей-Собак.

– Сюда, Чарли! Бегом! – крикнул он.

Чарльз помчался следом за ними. Томагавк, запущенный одним из воинов, просвистел мимо его уха. Женщины и пожилые мужчины, стоявшие в толпе, что-то закричали. Чарльз проскочил между двумя перепуганными стариками и выскочил из толпы. Он не понимал этого внезапного проявления трусости со стороны Джексона. Что толку бежать? Их же все равно снова поймают.

Джексон вскинул руку, показывая на большое, обильно разукрашенное типи дальше в левом ряду. Рядом с входом, скрестив руки на груди, стоял плотный индеец со смуглым обветренным лицом; снег таял на его седых волосах. Джексон проскочил мимо него в типи, волоча за собой Малыша.

Чарльз все еще бежал. Он слышал, что люди Шрама уже совсем близко, у него за спиной. Как же все это глупо, со злостью думал он. Прятаться в типи. Видно, Джексон совсем спятил.

Он подбежал к старому шайенну и замер, ожидая, что его остановят, но седой индеец взглядом показал ему на вход и кивнул. Чувствуя себя совершенно растерянным, Чарльз все-таки заскочил в овальное отверстие.

Индеец тут же передвинулся, загораживая вход.

Маленький костерок в неглубокой яме испускал ядовитый дым, но тепла давал мало. Сев на корточки в холодном полумраке, Чарльз схватил лежащий на полу томагавк с каменным топориком.

– Не надо, Чарли, – тихо произнес Джексон.

– Да что с вами, в самом деле? Они же снаружи!

Гневные голоса подтвердили это. Шрама было слышно больше остальных. Но, несмотря на его крики и ругань, старый индеец ответил тихо и очень спокойно. Шрам продолжал огрызаться, но в его тоне послышались нотки разочарования.

– Нам сейчас не нужно оружие, – сказал Деревянная Нога и показал куда-то вверх.

Чарльз поднял голову и увидел нечто вроде шапки, сделанной из головы бизона. Ее украшал узор из голубого бисера, рога были ярко раскрашены.

– Это Шапка Бизона, – сказал Джексон. – Священная, как четыре Целебные Стрелы. Она хранит индейцев от болезней, а если какой-нибудь дурак ее украдет, бизоны навсегда уйдут из этой земли. Тот старый жрец снаружи охраняет ее день и ночь. На того, кто прячется там, где она висит, нельзя нападать.

– То есть получается, это что-то вроде церкви?

– Ну да. И здесь Шрам нас не достанет.

Чарльз зябко поежился, в типи было холодно, а он вспотел, пока бежал. Неожиданно он вдруг почувствовал злость:

– Послушайте, война излечила меня от любви к дракам, но если уж битва началась, бежать от нее не в моем характере.

– То есть ты хочешь сказать, что прятаться здесь вроде как стыдно?

– Ну...

Пока жрец у входа продолжал спорить со Шрамом, Джексон позволил себе небольшую тираду:

– Разве я не говорил, что здесь тебе придется поставить с ног на голову все свои прежние представления о жизни? Думаешь, почему Шрам такой бешеный? Мы только что совершили великое дело, просто за пределами великое, из тех, что мог бы совершить любой из общины Людей-Собак. Нас должны были убить, а мы сбежали. Это по меркам шайеннов настоящий подвиг.

Жрец Шапки Бизона нагнулся, входя в типи. На лице старого индейца Чарльз с удивлением увидел искреннее дружелюбие и даже восторг и поневоле уже начал верить словам партнера.

Торговец и жрец приветствовали друг друга жестами.

– Половина Медведя, – сказал Деревянная Нога, кивая и улыбаясь.

Жрец ответил что-то на шайеннском.

– Он произнес мое имя, – пояснил Джексон Чарльзу. – Человек с Плохой Ногой. – И тут же обратился к Половине Медведя: – Это мой партнер Чарли, а моего племянника Малыша ты должен помнить. Знаешь, а ведь Шрам сказал неправду. Мы всегда приходим с миром, только для торговли.

– Я знаю, – кивнул Половина Медведя, и Чарльз понял ответ.

– Когда вернется Черный Котел?

Старый индеец пожал плечами:

– Сегодня. Завтра. Вы остаетесь здесь. Съесть что-нибудь. Быть под защитой.

– Вот спасибо тебе, Половина Медведя!

Деревянная Нога хлопнул Малыша по плечу. Мальчик улыбнулся. Чарльз изо всех сил пытался изменить свои «представления», как советовал Джексон.

– Половина Медведя, мой пес все еще запряжен в волокушу.

– Я приведу его.

– Они забрали у нас ножи и ружья...

– Их тоже найду.

Жрец вышел. Вскоре Фенимор лежал у костра, радостно повизгивая.

Чарльзу пришлось приложить немало усилий в старании убедить себя, что они действительно покрыли себя славой, удрав от врага! Он не переставал думать об этом, пока Половина Медведя предлагал им ягоды и полоски копченого бизоньего мяса. После еды жрец разложил на полу меховые накидки и матерчатые подголовники, чтобы они могли лечь.

Ранним утром вернулся Черный Котел с десятком воинов, и компаньоны, уже начинавшие находить атмосферу в типи слишком благоуханной из-за отправления естественных надобностей, смогли наконец выйти наружу.

В лучах яркого солнца, появившегося на небе после вчерашнего снегопада, их сразу окружили шайенны всех возрастов; девушка, которую запомнил Чарльз, тоже была среди них. Один за другим индейцы, улыбаясь, хлопали их по плечам и радостно приветствовали криками «хау!», что Чарльз расценил как одобрение. Молчал только Шрам.

Деревянная Нога стоял раздутый от гордости, словно актер перед толпой поклонников. И улыбался всем подряд.

– Не смущайся, Чарли, – сказал он. – Мы герои.

С улучшением погоды возобновилась обычная жизнь деревни. Стайки мальчишек, вооруженных тупыми стрелами, крадучись преследовали кроликов, готовясь к большой охоте, в которой племя разрешит им участвовать, когда они возмужают. Женщины и девушки занялись своей традиционной работой по выделке шкур, замачивали, чистили и скоблили их, несколько раз натягивали на рамы, а потом коптили дымом.

Чарльз обратил внимание на группу, в которой девушки и более взрослые женщины, как послушные ученицы, слушали одну индианку намного старше их всех. Позже Деревянная Нога объяснил ему, что это был урок, который проводила женщина из общины Вышивальщиц. Искусство вышивания иглами дикобраза и птичьими перьями имело для шайеннов огромное сакральное значение, и обучать ему могли только женщины, выбранные в эту общину.

Как-то вечером Черный Котел пригласил Джексона, Чарльза и Малыша в свое жилище. Из разговоров с Джексонем Чарльз уже знал, что у шайеннов есть несколько мирных, или верховных, вождей – людей, доказавших свою мудрость и храбрость, которые руководили жизнью племени, когда нет войны. Как всегда подчеркивал Джексон, белые обычно хотят иметь дело с *вождем*, а его не существует. Есть мирные вожди, и есть военные вожди, так же как есть вождь в каждом поселении – как Черный Котел в своей деревне, – а еще есть вожди военных обществ. Все они входят в совет, который и управляет жизнью племени, исстари насчитывающем около трех тысяч человек. Количество это никогда не увеличивалось, но и не уменьшалось из-за болезней, голода или войн с неприятелями. Когда Чарльз узнал обо всем этом, его уважение к шайеннам еще больше выросло.

Мирный вождь Мокетавато был крепким мужчиной лет шестидесяти, с вплетенными в косы полосками меха выдры. Темные глаза на живом, умном лице смотрели серьезно. На нем были обычные для индейцев леггины¹⁹, набедренная повязка, обильно украшенная рубаха из оленьей кожи и головной убор из орлиных перьев и привязанных к шнуркам трех расплюснутых серебряных монет.

Когда белые люди уселись, вождь передал им длинный калумет²⁰. От пары затяжек у Чарльза закружилась голова, перед глазами запрыгали яркие пятна и фантастические силуэты, и ему захотелось узнать, что за травы тлеют в чаше трубки.

Тихая и застенчивая жена мирного вождя, которую звали Ар-но-хо-вок, или Целительница Отныне, сначала принесла им наваристый черепаший суп, а потом плошки с острым мясным рагу. Пока они ели, Черный Котел извинился за поведение Шрама.

¹⁹ Длинные, грубо скроенные штаны, привязываемые к поясу; часто украшались бахромой.

²⁰ Трубка мира, символ гостеприимства.

– Потеря матери лишила его разума и искалечила его дух. Мы пытаемся сдерживать его, но это трудно. Однако все ваши товары целы, как и ваши животные.

Пока Джексон благодарил его, Чарльз с удовольствием отправил в рот еще один кусок отличного мяса, по обычаю пользуясь пальцами.

– Очень вкусно, – сказал он.

Черный Котел ответил улыбкой:

– Это лучшее блюдо моей жены, для почетных гостей.

– Из маленьких щенков, – сообщил Джексон.

Чарльз чуть не вырвало. Он изо всех сил постарался держать рот закрытым и сохранить безмятежное выражение лица, пока кусок спускался вниз по пищеводу, преодолевая спазмы. Наконец мясо упало в желудок, хотя и легло не слишком удачно. Больше Чарльз не ел, просто делал вид, что копается в плошке.

– Надеюсь, соглашение, которое вы подписали, принесет мир хоть на какое-то время, – сказал Деревянная Нога.

– Это и моя надежда. Многие из моего народа верят, что война лучше. Они думают, что только война спасет наши земли. – Он чуть повернулся, чтобы Чарльз тоже вовлечь в беседу, и заговорил медленнее. – Я всегда считал мирный путь самым лучшим и старался верить обещаниям белого человека. Это до сих пор мой путь, хотя после Сэнд-Крик все меньше и меньше тех, кто хочет идти вместе со мной. Я привел туда людей, потому что главный начальник форта Лайон сказал: нам не причинят вреда, если мы будем жить там мирно. Мы и жили мирно, а потом пришел Чивингтон. Так что теперь у меня нет причин верить обещаниям, кроме одной – моего жгучего желания мира. Вот почему я снова поставил знак на той бумаге. Не потому, что верю им, а потому, что надеюсь.

– Да, я понимаю... – сказал Чарльз; ему нравился Черный Котел, и он видел, что эта симпатия взаимна.

За стенами типи горели костры, слышалась веселая музыка. Малыш улыбался и что-то изображал пальцами в воздухе. Чарльз наклонил голову вбок.

– Это что, флейта? – с удивлением спросил он.

– Да, – кивнул Черный Котел. – Играют у соседнего типи. Значит, это Шрам. У него ведь есть и другие интересы, кроме войны, что для всех нас благо. Пойдем посмотрим.

Они вышли в сумерки и действительно увидели Шрама, который играл на самодельной флейте, пританцовывая на месте. Черный Котел произнес приветствие. Шрам хотел ответить, но, увидев торговцев, нахмурился.

Джексон показал на клочок белого меха, привязанный к ремню Шрама.

– Белохвостый олень, – сказал он Чарльзу. – Сильный любовный амулет.

Мимо с лаем пробежала желтая собака. Фенимор припустил за ней. Из типи, возле которого исполнял серенаду Шрам, вышла юная девушка – та самая, которую Чарльз заметил в день их прибытия. Он видел, как чья-то рука вытолкнула девушку наружу. Видимо, родители заставили ее поздороваться с ухажером.

– Это дочь моей сестры, Женщина Зеленой Травы, – сообщил Чарльзу Черный Котел. – Ей уже пятнадцать зим. Шрам два года за ней ухаживает и должен продолжать еще два, прежде чем она сможет стать одной из его жен.

Нежная округлая грудь девушки показывала, что ее уже действительно можно называть женщиной. На ней были леггины и длинная, больше похожая на сорочку рубаша с вышивкой, которая была подтянута до паха и спереди и сзади перевязана веревкой, пропущенной между ногами девушки. Длинные концы веревки стягивали ее тело от талии до колен, так что она не столько шла, сколько ковыляла.

– Она уже не ребенок, но еще не замужем, – сказал Черный Котел, заметив недоумение Чарльза. – Пока она не станет женой Шрама, отец связывает ее на ночь, оберегая ее девственность.

Женщина Зеленой Травы попыталась улыбнуться Шраму, но было видно, что ей этого совсем не хочется. Шрам с несчастным видом стал еще энергичнее шаркать обутыми в мокасины ногами. Потом девушка заметила, что на них смотрят. Ее реакция на Чарльза была неожиданной и очевидной.

Как и его реакция. Он сам удивился, что эта юная особа его так смутила, и отвернулся, надеясь, что никто ничего не заметил. Свою совесть он успокоил, сказав себе, что все дело просто в красоте индианки, этих разговорах о сексе и его довольно долгом воздержании.

Черный Котел заметил, как Чарльз с девушкой обменялись взглядами, и хмыкнул:

– Я уже слышал, что Женщина Зеленой Травы удостоила тебя вниманием, Чарли.

Шрам тоже это заметил. Яростно сверкнув глазами, он шагнул вперед, встал между девушкой и белыми, повернувшись к ним спиной. Потом что-то быстро сказал, обращаясь к ней. Она так же быстро ответила что-то явно резкое, чем ужасно рассердила его. Он обрушил на нее новый поток слов. Девушка мотнула головой, схватилась за край входа в типи и шагнула внутрь, но прежде, чем исчезнуть, бросила на Чарльза еще один влюбленный взгляд.

Лицо Шрама исказилось и в черно-красных отсветах ближайшего костра стало похоже на маску. Он стиснул в руке флейту и решительно пошел прочь.

Откуда-то прибежал Фенимор, теперь желтая собака гналась за ним. Где-то заплакал ребенок.

– Я понимаю, ты тут не виноват, – со вздохом сказал Джексон, – но теперь у этого громилы есть еще одна причина ненавидеть нас.

На следующий день началась торговля. Погода установилась необычно теплая для начала зимы, и Деревянная Нога в сумерках отвел Малыша на берег реки. Там, где их нельзя было увидеть из типи, он помог племяннику помыться, потому что мальчик не мог сделать это сам. Чарльз тоже разделся, вошел в воду и как следует отмылся, почувствовав себя после этого словно заново родившимся.

Каждый раз, когда индейцы хотели что-нибудь купить, Деревянная Нога отчаянно торговался. Чарльз приносил и раскладывал товары и осматривал лошадей, которых предлагали на обмен. Вместе с тем, как к нему постепенно приходило понимание сложного устройства шайеннского племени, росло и уважение к этим людям. И пусть в чем-то жизнь индейцев оставалась примитивной – о санитарии в деревне заботились мало и повсюду лежали остатки еды и нечистоты, – но в другом Чарльз искренне восхищался шайеннами. Например, в том, как они воспитывали молодежь.

Вступление мужчины в пору зрелости шайенны считали не просто неизбежностью, но и привилегией, которая несла с собой большую ответственность. По вечерам боковые покрывки того или иного типи задирали наверх и подвязывали, внутри у костра собирались члены какого-нибудь военного общества в полной боевой раскраске и надлежащей одежде. Тут же всегда присутствовала большая группа мальчиков, которые наблюдали за тем, как взрослые мужчины разговаривают, танцуют или совершают какие-нибудь из своих менее секретных ритуалов.

Чарльз ни разу не видел, чтобы детей в деревне как-то особо распекали, но однажды днем всех их позвали к жилищу Черного Котла, где должно было состояться наказание мужчины, укравшего чью-то одежду. Юные мальчики и девочки смотрели, как имущество вора и его рыдающей жены принесли к типи вождя. Другие семьи рвали и резали ножами их одеяла, били их глиняные горшки и топтали подушки. В конце концов их типи разрезали на куски, а шесты бросили в огонь. Когда наказание завершилось и толпа разошлась, дети тоже ушли, но теперь они знали, что их ждет, если они совершат подобное преступление, когда вырастут.

В деревне Черного Котла жили двое Противоположных, или, как их еще называли, Делающие Наоборот. Они были холостяками, как того требовала их почетная роль. Выбранные за исключительную храбрость и мудрость, они жили в типи, выкрашенных в красный цвет, и носили с собой длинные боевые копья, называемые громовыми луками. Особое положение Делающих Наоборот требовало от них и особого поведения, которое подчас давалось с трудом. Ходили они задом наперед. Если их приглашали сесть, они продолжали стоять; вместо «да» говорили «нет» и даже на лошади сидели задом наперед. Первый Противоположный, с которым заговорил Чарльз, сказал ему:

– Когда закончишь торговать, не уедешь от нас.

Деревянная Нога пояснил, что это значит как раз обратное – уедешь. Делающие Наоборот были в разных племенах, и эти странные, загадочные избранники всегда пользовались огромным уважением.

Бойкая прибыльная торговля продолжалась целых восемь дней. На девятое утро Чарльз проснулся рано и, посмотрев на рассветное небо, увидел, что собирается дождь. Джексон хотел поскорее отправиться в путь. За шесть минут они разобрали и уложили свое типи, побив собственный рекорд в игре, которой Чарльз теперь искренне наслаждался, и после целого часа цветистых прощаний с Черным Котлом и старейшинами двинулись на юг, гоня перед собой четырнадцать новых лошадей.

Дул теплый и влажный ветер. Конусы типи на берегу Симаррона вскоре исчезли позади. Мягко покачиваясь в седле, Чарльз думал о Женщине Зеленой Травы, с которой он часто сталкивался в маленькой деревне Черного Котла. И каждый раз ее милое лицо выражало чувства, которых девушка не могла скрыть. Она влюбилась. Это, безусловно, льстило самолюбию Чарльза, однако делало его затворническую жизнь еще более невыносимой. Как-то ночью ему приснился сон, в котором он лежал с той девушкой. Но при встрече с ней он лишь касался кончиками пальцев своей шляпы, улыбался и бормотал какие-нибудь любезности на английском. Он подумал о том, что, когда они вернутся в Сент-Луис, Уилла Паркер, возможно...

– Эй, Чарли! Очнись!

Внезапный окрик Джексона вырвал его из мечтаний. Он достал кобуру с кольцом, когда из тополиной рощицы рядом с извилистым ручьем впереди показался индеец на лошади. Чарльз на мгновение подумал, что следом за ним появится целый отряд, но других воинов за деревьями не оказалось.

Индеец галопом помчался в их сторону. Чарльз узнал Шрама.

– Как же быстро надо было скакать, чтобы оказаться впереди нас, – мрачно сказал Джексон. – Похоже, что-то сильно его мучает... только вот сюрприз ли это, а?

Шрам подвел свою лошадь почти вплотную к ним. Его темные глаза остановились на Чарльзе.

– Поговорить хочу.

– Да мы, вообще-то, и не думали, что ты сюда явился целебную ванну принять, – пробурчал явно расстроенный Джексон.

Индеец пропустил сарказм мимо ушей, спрыгнул с лошади и встал перед ними, широко расставив ноги.

– Слезай, Чарли, – со вздохом произнес Деревянная Нога и сам спрыгнул с седла. – Соблюдаем формальности, будь они неладны.

Когда оба торговца были на земле, а Джексон продолжал держать поводья лошади Малыша, Шрам топнул ногой:

– Вы опозорили меня перед моим народом!

– Вот зараза... – снова вздохнул Джексон. – Уж если кто кого опозорил, так это ты сам себя, Шрам. Мы не сделали ничего такого, за что нас следовало бы убить. Ты это знаешь, и Черный Котел это знает, и если в этом твое недовольство, то...

Шрам в ярости схватил его за грудки:

– Мы встретимся на Висячей Дороге. Ты скоро пойдешь по ней. – Его взгляд метнулся к Чарльзу. – И ты тоже!

– А ну, отпусти рубашку! – рявкнул Джексон, багровея.

Шрам только сильнее сжал пальцы. Тогда торговец резко выбросил вперед руку, схватился за ремень его набедренной повязки и сорвал ее. Шрам громко вскрикнул, отпустил Джексона и отскочил назад, словно ужаленный змеей.

– Ну надо же, а это что такое?! – воскликнул Джексон с преувеличенным удивлением и показал на обнажившиеся гениталии индейца. – Теперь ты точно не мужчина!

Шрам снова закричал и попытался схватить его за горло. Чарльз выхватил из кобуры кольт:

– А ну стой!

Вид оружия остановил индейца, его пальцы лишь немного не дотянулись до шеи Джексона.

– Да... – Торговец помахал перед Шрамом его набедренной повязкой. – Как же теперь ухаживать за девушкой, когда она узнает про это? – Он сунул кожаный лоскут себе за пояс. – Да, сэр, очень даже нелегко ухаживать!

Шрам явно хотел получить назад важную деталь своей одежды, но кольт Чарльза, направленный на его голову, удерживал его.

– А теперь ты убереешься отсюда, – тихо сказал Джексон, – пока мой партнер не пустил пулю туда, где у тебя раньше были яйца.

Были? Да что, черт возьми, здесь происходит? – подумал Чарльз.

Но прежде всего он совершенно не понимал, почему Шрам вдруг послушал Джексона. Искажённое лицо индейца теперь было скорее алым, чем коричневым. Дыша так, словно вот-вот взорвется, он подпрыгнул, схватился за холку лошади, потом, перекинув ногу через круп, взлетел ей на спину и погнал ее вперед бешеным галопом.

Чарльз наконец-то облегченно выдохнул и опустил руку с револьвером:

– Вы все-таки должны мне объяснить, что сейчас произошло.

Деревянная Нога вытащил из-за пояса кожаный лоскут на ремне:

– Помнишь, я тебе рассказывал о том, как шайенны стригут волосы? Тут что-то похожее. Если ты отбираешь у мужчины его набедренную повязку, он теряет мужскую силу. Думает, что после этого он больше не мужчина.

Чарльз посмотрел вслед индейцу, скакавшему на север.

– Ну, теперь мы с вами на равных. Вы тоже дали ему повод ненавидеть нас.

– Я старался, – сказал торговец; его лицо снова приобрело нормальный цвет. – Правда, глупо все вышло. – Он фыркнул. – Но мне понравилось.

– Мне тоже.

Оба рассмеялись. Деревянная Нога хлопнул Чарльза по плечу, а потом посмотрел на небо:

– Скоро полет. Надо ехать, Малыш. – Он вскочил в седло и добавил уже очень серьезно: – Думаю, тот мерзавец не последний, кого мы еще встретим на этих равнинах. Ладно, прощаемся!

ТЕТРАДЬ МАДЛЕН

Декабрь 1865-го. От Бретт никаких вестей. А в округе произошло убийство.

Позапрошлой ночью на речной дороге неподалеку от Саммертона был найден бывший раб Эдварда Вудвилла Том с тремя пушечными ядрами в теле. Чтобы расследовать происшествие, из Чарльстона тут же приехал полковник О. К. Манро с несколькими помощниками, но ничего узнать им так и не удалось. Если кто-то и знает преступника, все равно

никому не скажет. Это настоящая трагедия. Еще на прошлой неделе Том приходил сюда, по-прежнему переполненный радостью оттого, что наконец свободен от Вудвилла, который был плохим хозяином.

На следующий день после приезда Манро и его люди проверили новую школу и записали то немногое, что я могла рассказать им о пожаре. Они должны составлять доклады обо всех «бесчинствах» (его слово) подобного рода и отправлять их в Вашингтон. Об убийстве Тома тоже. Полковник предложил оставить двух солдат на какое-то время, чтобы охранять школу. Я отказалась, но обещала дать ему знать, если у нас снова будут неприятности.

...Объявили о турнире в следующую субботу на поляне Шести Дубов, там, где в юности Чарльз дрался на дуэли. Я не пойду и Пруденс тоже отговорила идти после долгого спора. До войны я бывала на нескольких таких турнирах вместе с Джастином по его жесткому настоянию и отлично помню, насколько они вычурны и претенциозны. Молодые люди в атласных нарядах и шляпах с плюмажем, сидя верхом, пытались подцепить подвешенные кольца отполированными копытами. Все называли себя красивыми средневековыми именами – Сэр Такой или Лорд Этакый. А эти яркие флаги, огромные полосатые шатры, это неумное чревоугодие с жареными на вертеле поросятами были олицетворением того общества, которое смела война. Если в соответствии с негласным доводом этого общества рабство было благотворной системой, его сторонникам с помощью подобных представлений просто нужно было доказать себе свою безукоризненность. Но уже очень скоро это желание переросло в романтизированное излишество благодаря любви к Вальтеру Скотту и бесконечному обсуждению рыцарства южан.

Только где они теперь найдут молодых рыцарей, если столько людей, как и ты, мой ненаглядный, полегло в виргинских лесах и полях?..

Почти пятьдесят дам и джентльменов со всего округа собрались возле реки на поляне Шести Дубов. Кареты были оставлены неподалеку, лошади привязаны. Две трети открытого пространства окружали белые зрители, ближайшая к воде низина с самой сырой землей была отведена для чернокожих кучеров и слуг, которые, предположительно, уже заключили контракты о найме со своими хозяевами.

Зимний день выдался теплым. Длинные полосы пыльного света расчерчивали рыжую землю, где трое немолодых всадников ехали в ряд, направив копыта на маленькие кольца, подвешенные на бечевках к трем веткам.

Стучали копыта. Первый всадник промазал во все три. Второй тоже. Третий, с седой бородой, подцепил копьём сначала одно кольцо, потом второе. Загудел старый охотничий рог, подражая трубе герольда, и зрители наградили победителя жидкими отрывочными аплодисментами.

Пока готовились два других всадника, какая-то полная женщина, полностью занимавшая одно из сидений потрепанной открытой кареты, пожаловалась стоявшему рядом джентльмену:

– Рэндалл, скажу вам то же, что писала кузену Дезмонду в своем последнем письме. Одно слово, один вопрос. Когда?

Ее накрашенные губы выплюнули этот вопрос вместе с брызгами слюны. Миссис Айша Ламотт, одна из бесчисленных кузин Фрэнсиса и Джастина, отчаянно потела, несмотря на нежаркую погоду, и отчаянно нуждалась в ванне. Пудра в складках ее рыхлой шеи от пота скаталась в крошечные шарики. Рэндалл Геттис считал ее вздорной старухой, но никогда не показывал этого из-за высокого положения ее семьи и из-за своей дружбы с Дезом Ламоттом, который сейчас был вынужден наняться на ниггерскую работу в чарльстонском порту, чтобы только не умереть с голоду.

– Айша, – сказал он, убедившись сначала, что рядом нет никого, кто мог бы их услышать, – мы не можем просто так явиться в Монт-Роял среди бела дня и принять меры. Пожар

ее не напугал, и эта мерзкая школа снова открылась. Разумеется, мы все хотим ее уничтожить и наказать эту шлюху. Но у нас нет никакого желания попасть из-за этого в тюрьму. Те проклятые янки из бюро подняли такой шум из-за убийства черномазого!

Его слова не убедили Айшу Ламотт.

– Просто вы все трусы. Тут нужен настоящий смельчак.

– Позвольте с вами не согласиться. Смелости у нас достаточно, и я говорю не только за себя, но и за вашего кузена Деза. Кто нам действительно нужен, так это человек, которому нечего терять. Мы должны найти такого, привлечь на свою сторону и заставить принять на себя все риски. Это означает лишь некоторую задержку в исполнении наших планов, но никак не отказ от них. Дез, так же как и все, горит желанием избавиться от миссис Мэйн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.